

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW RRMF B

Изъ библиотеки

Я. I. Гурлянда

Отд. № 244

J. I. Gurlyand
P 254

**Jewish
Cultural Reconstruction**

C

P

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4449
Издаваемый А. Е. Ландау

Н о я б р ь .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.

1885.

△
KSF 458 ($\frac{1885}{11}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2

11/11

ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА.

(НѢСВИЖСКАЯ БЫЛЬ XVIII СТОЛѢТІЯ *.

(Окончаніе).

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, ксендзъ-пріоръ, часъ спустя послѣ ухода депутаціи, отправился къ князю, поговорилъ съ нимъ коротко, но энергически, и — вернулся къ себѣ ни съ чѣмъ. Князь объяснялся, извинялся, цѣловаль его руки, обѣщаль принять на себя, во искупленіе своего грѣха, самую трудную эпитимію, но остался при своемъ, говоря, что дѣло идетъ о его гонорѣ, а для защиты своего гонора онъ не оставится ни предъ чѣмъ.

— Ты, князь, большой шутникъ, надобно и съ тобою сыграть шутку,—сказаль пріоръ послѣ нѣкотораго раздумья, сидя въ своей библіотекѣ предъ столомъ, заваленнымъ книгами и рукописями.—Ради спасенья жизни сотнямъ невинныхъ душъ, Богъ проститъ мнѣ маленькую хитрость.. Флоріанъ! — кликнуль онъ находившагося въ прихожей послушника.—Сбѣгай въ замокъ и попроси ко мнѣ коменданта, пана Рейтана.

Совѣщанія пріора съ комендантомъ длились не долго, всего какихъ нибудь пятнадцать минутъ. О чемъ они совѣщались, на чемъ порѣшили—осталось тайною. Извѣстно было только, что комендантъ оставилъ пріорскую обитель, хитро улыбаясь и весело потирая руки.

— Ай—да ксендзъ-пріоръ, — бормоталь онъ, спускаясь съ лѣстницы,—извѣздишь весь край и такого умнаго патера не

* См. „Восходъ“ кн. X.

найдешь. Не даромъ отцы-іезуиты такъ боятся его: онъ за-
поясъ заткнетъ ихъ всѣхъ. А можетъ быть, онъ самъ іезуитъ
и есть, только тайный. Этихъ святыхъ отцовъ вѣдь не раз-
берешь...

Такъ какъ три дня — не три вѣка, то срокъ княжеской
«милости» очень скоро истекъ. Наступилъ день, назначенный
для экзекуціи. Евреи встали очень рано, еще до зари. Нахо-
дясъ между страхомъ и надеждой, они, для большей вѣрности,
попробовали было тихонько выбраться изъ мѣстечка, но нашли
всѣ выходы занятыми гайдуками и милиціонерами, зорко слѣ-
дившими за ихъ малѣйшимъ движеніемъ. А потому они, охая
и вздыхая, но не теряя надежды на какое нибудь чудесное
спасеніе, возвратились назадъ и прямо на школьный дворъ и
въ синагогу. Здѣсь они стояли или сидѣли съ понурыми го-
ловами, молча ожидая своей участи, точно скотъ на ското-
бойнѣ. Объ утренней молитвѣ никто уже не думалъ. Карпель
началъ было: «Владыка вселенной, который царствовалъ», — но
никто не откликнулся, а потому онъ ушелъ съ аналоя и тоже
сѣлъ между молча ожидавшими смерти или чуда...

И чудо дѣйствительно явилось. Часу въ десятомъ, въ си-
нагогу влетѣлъ р. Сахно, который, поднявъ руки и крикнувъ,
«облегченіе и избавленіе!» упалъ въ обморокъ. Бросились къ
нему на помощь, стали его тормошить, прыскать ему въ лицо
холодною водою и онъ пришелъ въ себя. Его на рукахъ по-
несли на эстраду и посадили на стоявшую тамъ широкую ска-
мейку. Теперь только замѣтили, что р. Сахно — въ глубочай-
шемъ неглиже: безъ жупана и безъ шапки, а въ одномъ лишь
арба-канфесѣ поверхъ рубашки и въ ермолкѣ. Р. Сахно самъ
тоже теперь лишь замѣтилъ, что онъ одѣтъ не совсѣмъ при-
лично, и улыбнулся.

— Я такъ спѣшилъ сюда съ доброю вѣстью, что не успѣлъ
захватить даже жупанъ свой, — сказалъ онъ, конфузливо огля-
дываясь, не найдетъ-ли онъ по близости чѣмъ нибудь при-
крыться. Карпель схватилъ свою верхнюю хламиду и наки-
нулъ ее на плечи р. Сахно. Тотъ уже совсѣмъ отправился,
всталъ и, обращаясь къ пожираемой его недоумѣвающими гла-
зами общинѣ, началъ:

— Не по нашимъ, раббойсай, заслугамъ, а благодаря заслугамъ предковъ нашихъ, мы спасены отъ угрожавшей намъ опасности. Дужесь на одинъ день уѣхалъ, завтра онъ вернется. Предъ своимъ отъѣздомъ онъ приказалъ, чтобы его приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе сегодня вечеромъ.

Присутствующіе, переглянувшись между собою, взглянули на р. Сахно еще болѣе недоумѣвающими глазами. Последній продолжалъ:

— Но не пугайтесь, раббойсай. Приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе не вправду, а въ шутку. И будетъ такъ: когда изъ замка дадутъ сигналъ барабаннымъ боемъ, мы всѣ, съ нашими женами и дѣтьми, приѣдемъ на площадь. Начнутъ стрѣлять... Стрѣлять будутъ холостыми зарядами, т. е., кромѣ немножко пороха, въ пушкахъ ничего не будетъ,—помните-ше это и не пугайтесь. Когда стрѣлянiе начнется, мы падемъ всѣ ницъ, а когда оно окончится, мы встанемъ и разойдемся по домамъ здраво и невредимо. Вотъ и вся исторія.

— Дужесь такъ приказалъ?—полюбопытствовали нѣкоторые.

— Нѣтъ, не дужесь,—отвѣтилъ р. Сахно,—а... но это уже не ваше дѣло. Это пока секретъ, современемъ вы узнаете. Вы дѣлайте, что вамъ говорятъ—и basta.

— Ну, если такъ,—началъ Карпель,—то... «Владыка вселенной, который царствовалъ»... На этотъ разъ вся община весело подхватила—и утренняя молитва началась при восторженныхъ кликахъ и воступленныхъ жестикуляціяхъ моельщиковъ, изъ которыхъ многіе стали проливать цѣлые потоки радостныхъ слезъ.

Вечеромъ, согласно составленной ксендзомъ-пріоромъ и паномъ Рейтаномъ программѣ, въ Несвижѣ барабаны грохотали, пушки стрѣляли, колокола гудѣли, евреи падали ницъ, многіе даже вскрикивали,—потомъ встали, стряхнули съ себя пыль и разошлись по домамъ ужинать.

На слѣдующій день, когда князь вѣвжалъ въ мѣстечко, онъ былъ немало изумленъ и возмущенъ, увидѣвъ, что несвижскіе евреи, съ кагаломъ и раввиномъ во главѣ, вышли къ нему на встрѣчу, привѣтствуя его пѣніемъ, музыкой и криками «вивать, пане ксіонже!»

— Это что такое?—сердито крикнулъ онъ, высовывая голову изъ кареты.—Рейтанъ! обратился онъ къ находившемуся тутъ-же коменданту,—ты, пане-коханку, мой приказъ исполниль?

— Какъ-же, вапа свѣтлость,—отвѣтилъ комендантъ смѣло и твердо,—клянусь моимъ спасеніемъ, что я полчаса стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ.

— Вѣрю, пане коханку: выстрѣлы слышны были въ Млынахъ и за Млынами. Но какъ-же они остались живы? Неужели и пушки ихъ не берутъ?

— Напротивъ, ваша свѣтлость, я съ вада собственными глазами видѣлъ, что они всѣ до единого легли на мѣстѣ. Но...

— Но что?—перебилъ князь, выпучивъ глаза и наостривъ уши,—это очень любопытно.

— Когда я выслалъ людей съ тачками и носилками подбирать трупы, они на мѣстѣ не нашли ни одного трупа, а все живыхъ людей, да и тѣ, ничего не говоря, разошлись, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже посмѣиваясь.

— Что я слышу!—воскликнулъ князь, хватаясь за голову и начиная набожно креститься. — Даю свою голову на отѣченіе, что это не просто, что тутъ вмѣшалась нечистая сила...

Лицо его моментально поблѣднѣло и перекошилось, подбородокъ сталъ трястись, руки дрожать, а глаза безпокойно бѣгать въ своихъ орбитахъ. Онъ то вставалъ, то садился, подергивая усы и хватаясь за шею, которую, какъ ему показалось, кто-то сильно жметъ, давить. Онъ согбѣлъ, фыркалъ, крикалъ и усиливался кашлять, — словомъ, онъ совершенно растерялся. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ всталъ, выскочилъ изъ кареты, выхватилъ изъ рукъ одного изъ конвоировавшихъ его гайдуковъ нагайку и, бросившись къ евреямъ, но не подходя къ нимъ близко, крикнулъ не своимъ голосомъ, задыхаясь отъ волненія:

— Прочь, мертвецы, вампиры, выходцы изъ того свѣта! Наше мѣсто свято. Во имя Отца, и Сына и Святого Духа,—исчезните—или, по крайней мѣрѣ, не глядите на меня такими оловянными глазами! Прочь, сатана, нечистая сила!

Онъ замахнулся нагайкой, но пошатнулся и чуть не упалъ.

Командантъ и нѣсколько шляхтичей подскочили и поддержали его.

— Къ ксендзу-пріору! скомандоваль онъ, возвращаясь трясущимися ногами къ каретѣ.—Пусть выходитъ съ монстраціей и святою водою, пусть окропляетъ ею эту нечисть, такъ она провалится въ преисподнюю. Къ ксендзу-пріору!

Его посадили въ карету и помчали къ монастырю.

Выслушавъ терпѣливо и не моргнувъ даже рассказъ князя и давъ ему успокоиться немного, ксендзъ-пріоръ началъ съ тонкою улыбкою на устахъ:

— То, что ваша свѣтлость изволили сейчасъ рассказать, нисколько не удивляетъ меня. Напротивъ, нахожу этотъ случай въ порядкѣ вещей и ваша свѣтлость напрасно изволили испугаться.

— Помилуйте, высокопреподобный отче, — перебилъ князь, разводя руками,—трупы ожили, мертвецы воскресли! Какъ-же не испугаться? Развѣ это въ порядкѣ вещей?

— Но вы, князь,—продолжалъ патеръ,—вы забываете, какіе это трупы, какіе мертвецы. Вѣдь еврейскіе,—да?

— Такъ что жъ?

— А между тѣмъ, именно въ томъ, что они еврейскіе, и лежитъ разгадка поразившаго вашу свѣтлость загадочнаго явленія.

— Я васъ не понимаю, пане-коханку, высокопреподобный отче.

— Я вашей свѣтлости сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло.

Любопытство князя росло съ каждой секундой. Онъ подошелъ ближе къ патеру, собираясь слушать съ большимъ вниманіемъ.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ патеръ, поправляя на головѣ свою шелковую скуфейку, — что святая католическая церковь учитъ, что мы, вѣрующіе, очищенные крестомъ отъ первороднаго грѣха, должны имѣть въ старозаконныхъ вѣчно - живой примѣръ кары Божьей, постигшей ихъ за ихъ невѣріе,—и эта кара должна продолжаться до Страшнаго Суда. А потому, тотъ изъ нихъ, которому милосердіе Божье не позволяетъ оставлять сей міръ естественною смертію, *обязанъ* жить далѣе и никто

не въ правѣ сокращать ему ту жизнь, которую онъ ведетъ. Тотъ, который наноситъ ему смерть, совершаетъ грѣхъ, такъ какъ онъ этимъ сопротивляется волѣ Божьей,—а цѣли не достигнетъ, потому что жидъ, уничтоженный неестественною смертью, оживаетъ снова и, радъ не радъ, жить далѣе *долженъ*. Теперь вашей свѣтлости понятно, почему разстрѣлянные вами несвижскіе евреи воскресли изъ мертвыхъ?..

— О, если такъ,—воскликнулъ князь, уже совершенно успокоенный и оправившійся отъ своего испуга, — то пусть-же живутъ эти невѣрные, на зло имъ! Сопротивдаться волѣ Божьей, брать на себя такой тяжкій грѣхъ я не хочу, потому я и такъ немало грѣшенъ, между нами будь сказано... Гей, пане-коменданце!

Ожидавшій въ прихожей Рейтанъ предсталъ, многозначительно перемигнувшись съ всендомъ-пріеромъ и струсивъ было; но, взглянувъ на лицо князя, получившее свое обычное дурачко-добродушное выраженіе, онъ успокоился.

— А что, пане-коханку, — обратился князь къ Рейтану, вставъ и положила руку на его плечо,—наши жидки живы?

— Живы, какъ сами изволили видѣть.

— Всѣ?

— Кажется, всѣ.

— Не люблю такого отвѣта, пане-коханку! — крикнулъ князь уже сердито, оттолкнувъ отъ себя коменданта — Не «кажется», а положительно всѣ, слышишь? Ты головою будешь мнѣ отвѣчать за жизньъ каждого изъ нихъ!

Комендантъ пожалъ плечами и молчалъ, понимая, что князь опять начинаетъ дурить.

— Но они, должно быть, очень испугались выстрѣловъ?— продолжалъ послѣдній.

— Я думаю, что очень, когда они тутъ-же и умерли.

— Не подѣйствоваль-ли этотъ предсмертный испугъ на ихъ здоровье?

— Не будетъ ничего мудренаго, если подѣйствоваль,— шутка-ли, пушки! Это подѣйствовало-бы и на зубровъ.

— Такъ ты вотъ что сдѣлай, пане-коханку. Отсыпь имъ столько червонцевъ, сколько ихъ душъ и выкати имъ бочку

венгерскаго, стараго венгерскаго,—пусть ѣдятъ, пьютъ, веселятся и поправляются; а кто заболѣлъ, того пусть лечатъ на мой счетъ,—слышишь?

— Слушаю, ваша свѣтлость.

— И еще вотъ что, — прибавилъ князь, уже берясь за шапку, — вечеромъ ты выплешь на площадь Трамонтано съ его музыкантами, скоморохами, фокусниками, медвѣдями и прочей чертовщиной, пусть дають представленія подь открытымъ небомъ, а жидки пусть себѣ гуляютъ, смотреть и веселятся,—слышишь?

— Слушаю, ваша свѣтлость.

— И скажи имъ, что Радавилль какъ былъ, такъ и будетъ ихъ паномъ. Лучшаго пана они не будутъ имѣть во вѣки вѣковъ. Варшавскимъ умникамъ выставлю шинь, но моихъ жидковъ я трогать не буду. Пусть себѣ живутъ на здоровье, пока не умрутъ естественной смертью, когда Богъ сжалятся надъ ними и уберетъ ихъ на тотъ свѣтъ. Слышишь?

— Все будетъ исполнено, какъ ваша свѣтлость изволите приказывать.

И все дѣйствительно было исполнено.

«У иудеевъ стало свѣтло и радостно, и весело, и торжественно», — ну все равно, какъ въ праздникъ Пуримъ.

XI.

Прошло нѣсколько дней. Князь Радавилль уже совершенно оправился отъ своей хандры и болѣзненной раздражительности и возвратился къ своему нормальному расположенію духа.

— А ну ихъ къ черту! — сказалъ онъ, махнувъ рукой на затѣваемыя въ Варшавѣ государственныя преобразованія. — Они государству столько же помогутъ, сколько мертвому шпанская мушка; они, пожалуй, еще повредятъ. Кто-то очень умно сказалъ: «Польша на безпоркѣ и держится». И, наконецъ, что мнѣ до всего этого? Надобно жить; на мой вѣкъ хватитъ, а тамъ... пусть о Польшѣ заботится, кому пріятно толочь воду въ ступѣ.

И въ замкѣ установился его обычный режимъ, т. е. кутежи, попойки, фѣацеці, концерты и спектакли. Одна серія гостей смѣняла другую, шляхтичи прїѣзжали и увѣжали, увозя съ собою кто что могъ. Состояніе князя рвали на куски. Перепадали, разумѣется, нѣкоторыя крохи и на долю евреевъ, которые стали замѣтно поправляться. Торговля въ Несвижѣ процвѣтала. О недавней передрягѣ, которая могла окончиться очень серьезной катастрофой, забыли, до такой степени забыли, что никто не позаботился даже занести ее, для памяти, на страницы кагальнаго Пинкоса *, на которыя заносились событія и случаи менѣе важные и нисколько не поучительные. Каждый былъ поглощенъ настоящей минутой, которая заставляла его забывать прошлое и не думать о будущемъ. А настоящая минута была хорошая: дукесь на евреевъ не гнѣвается, парносе въ мѣстечкѣ вдоволь, брачныя партіи пекутся какъ блины, народъ плодится и множится какъ въ Египтѣ, Мирскій казанъ остался казаномъ въ Несвижѣ, — чего же лучше? Умирать не надо, да и въ Эрецъ-Исроэль ** не за чѣмъ. И еслибы Несвижскихъ евреевъ спросили тогда: желаете-ли, раббойсай, чтобы завтра принесть Мессіа? — они, конечно, отвѣтили бы: да, но думали бы при этомъ, что, вмѣсто пришествія Мессіа, было бы однакоже лучше, чтобы въ мѣстечкѣ было еще больше парносе.

Это—о Несвижскихъ евреяхъ вообще. Что же касается одного изъ нихъ, а именно р. Сахно, то его единственнымъ желаніемъ и самымъ высшимъ идеаломъ было теперь — освобожденіе его шабашевой шапки изъ плѣна въ радзивилловскомъ замкѣ. Къ этому идеалу онъ стремился теперь всѣми силами души своей и для его достиженія рѣшился, наконецъ, взяться за приведеніе въ исполненіе своего плана, тѣмъ болѣе, что хорошее расположеніе духа князя предвѣщало и почти гарантировало успѣхъ. Съ этою цѣлью, онъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправилъ свою старуху въ Слуцкъ за своею Фрейдель, которой и предназначена была главная роль въ дѣлѣ

---

* Протокольная книга.

** Палестина.

освобожденія шапки. Фрейдель благополучно прѣѣхала и поразила всѣхъ, знавшихъ ее подросткомъ, полнымъ развитіемъ своихъ роскошныхъ формъ, дѣлавшихъ ее статной и замѣчательной красавицей съ необыкновенно выразительнымъ и умнымъ лицомъ матовой бѣлизны, на которомъ всего привлекательнаѣе была пара огненныхъ глазъ, казавшихся говорящими, пронизывающими человѣка насквозь и жгучаго взгляда которыхъ не могъ выдерживать долго даже такой тертый калачъ, какъ Рейтанъ, выдавшій виды.

— Чортъ возьми, — думалъ онъ про себя, украдкой поглядывая на суетившуюся около своихъ родителей Фрейдель и покручивая свой правый усъ, — мнѣ казалось, что красивѣе панны Войжбунувны и на свѣтѣ нѣтъ, а тутъ вотъ... Кажется, только въ сказкахъ возможны такія красавицы, и еслибы я не видѣлъ собственными глазами, то, ей-Богу, не повѣрилъ бы, что существуетъ въ дѣйствительности такое гармоническое сочетаніе всѣхъ женскихъ прелестей. Какіе волосы! Какая головка! Какой бюстъ! Какая гибкость въ движеніяхъ! Какая походка!.. Ну, пане Сахно, — сказалъ онъ, хлопнувъ своего пріятеля по плечу, когда Фрейдель зачѣмъ-то вышла изъ комнаты, въ которой они сидѣли, — шельма ты, какъ я вижу, такая шельма, что...

— Чѣмъ я шельма? — спросилъ Сахно, самодовольно улыбаясь.

— Да всѣмъ, въ особенности же тѣмъ, что ты свое сокровище держалъ подалше отъ Несвижа, потому... кто знаетъ, что могло бы случиться?

— Н—да, — пробормоталъ Сахно въ бороду, насупившись. — Я знаю, что я дѣлаю. Но... не можетъ-ли, храни Господи, что нибудь случиться и теперь?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Рейтанъ твердо и рѣшительно. — Теперь уже никакой опасности не предостойтъ. Я же тебѣ сказалъ нѣсколько недѣль тому назадъ, что князь уже не тотъ: былъ конь, да извѣзился, и еслибы не его старая привычка къ кутежамъ и если бы къ тому не подбивали его окружающіе его блюдолизы, онъ, ей-Богу, былъ бы совсѣмъ не прочь постричься въ монахи, потому — пресытился: все уже успѣло на-

добѣсть ему. Онъ кутить, но кутежъ уже не доставляетъ ему ни малѣйшаго удовольствія, нисколько не развлекаетъ его. Онъ, по большей части, сидитъ и вѣваетъ, скучаетъ, тоскуетъ, хотя кругомъ его цѣлый адъ отъ пляски, пьянства, шума и гама.

— Значить, «суета суеть, все — суета», какъ справедливо сказала нашъ мудрый Соломонъ,—замѣтилъ р. Сахно.

— Именно. Что же касается твоей дочурки, то чѣмъ больше я на нее смотрю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, предъ дѣтски-наивнымъ и въ то же время царственно-гордымъ взглядомъ которыхъ можетъ сробѣть самый дерзкій мужчина. Я по этой части большой знатокъ, знаю, что говорю, а потому ты можешь быть совершен-но спокоенъ.

Ваялись за приготовленіе Фрейдель къ предстоящей ей миссіи. Хотя она говорила по-польски отлично, такъ какъ съ самаго дѣтства прислушивалась къ польской рѣчи отъ пановъ, толкавшихся въ домѣ ея отца съ утра до вечера, а когда она подросла, то научилась и польской грамотѣ,—панъ Рейтанъ счелъ, однако же, нужнымъ составить для нея рѣчь, съ которою она должна была обратиться къ князю, дабы произвестъ на него цѣльное и глубокое впечатлѣніе. Онъ изложилъ эту рѣчь на бумагѣ и далъ ее зубрить дѣвушкѣ. Фрейдель зубрила, зубрила и, наконецъ, бросила.

— Нѣтъ, пане коменданце, — сказала она Рейтану, когда онъ, въ присутствіи р. Сахно и Фруме-Гольде, сталъ было экзаменовать ее, — увольте меня, пожалуйста, отъ заучиванья чужихъ словъ. Буду только путаться и ничего не выйдеть. Развѣ у меня самой языка нѣтъ? Ничего, я еще потрафлю, какъ говорить съ княземъ. Неужели я не сѣмью просить за моего дорогого отца? Какая же я, послѣ этого, была бы дочь?

— А если ты сробѣешь?

— Чего робѣть? Не медвѣдь же онъ, не съѣстъ меня; а если разгнѣвается и крикнетъ на меня, то я возьму и удеру.

— Ха, ха, ха!—весело разсмѣялся Рейтанъ, захлопавъ въ

ладоши.—Коротко и ясно: возьмешь и удереть. Что-же будетъ съ отцовской шапкой?

— Съ отцовской шапкой вотъ что будетъ, — продолжала Фрейдель въ прежнемъ наивно-серьезномъ тонѣ.—Я, какъ сказано, удеру, но потомъ опять приѣду и опять стану просить, умолять, плакать,—и я посмотрю, какъ это онъ откажетъ дочери, умоляющей объ отцѣ изъ-за такой глупости!

— А если онъ все-таки откажетъ? — продолжалъ спрашивать Рейтанъ, желая знать весь планъ этой милой дѣвушки, которою онъ восхищался все болѣе и болѣе.

— Если онъ откажетъ, то я, ни на что не глядя, скажу ему прямо въ лице, что онъ—наисневельможнѣйшій дуракъ и невѣжа.

— Охъ, не выдержу! — воскликнулъ Рейтанъ, расхохотавшись, какъ сумасшедшій, и схватившись за бока.

— Нѣтъ, доченька, ты этого не скажешь, храни тебя Господь!—воскликнулъ р. Сахно, подскочивъ къ своей дочери и не на шутку испугавшись.

— Ну, ей-же-ей, скажу,—продолжала Фрейдель, вспыхнувъ и надувшись. — Ты, папашенька, не знаешь меня. Я такая упрямая, что если ктонибудь обидитъ меня, то... берегись... потому—не спущу, кто бы онъ ни былъ.

— Но ты, доченька, не знаешь, чѣмъ это для насъ пахнетъ,—урезонивалъ ее отецъ, которому вовсе не желательно было, чтобы дѣло приняло такой опасный оборотъ. — Шутка сказать—князь Радзивиллъ!

— Да оставь, Сахно,—виѣшался Рейтанъ, оттащивъ испуганнаго отца отъ его взволнованной дочери.—Ты тутъ ничего не понимаешь. Я тебѣ вотъ что скажу: даю свою голову на отсѣченіе, ты назовешь меня дуракомъ, осломъ, если эта зухдѣвка не будетъ изъ твоего Радзивилла веревки вить. Ты уже можешь считать свою шабашевую шапку все равно, что у себя въ карманѣ: такой барышня ни въ чемъ не отказываютъ. Я только удивляюсь, откуда у тебя такое дитя? По крайней мѣрѣ, между евреями я не встрѣчалъ ничего подобнаго. Это какой-то выродокъ, честное слово!

Удивляться тутъ, впрочемъ, нечему было. Выросшая въ

довольствѣ, холѣ и даже роскоши, присматриваясь съ самыхъ малыхъ лѣтъ къ приходившимъ въ домъ ея родителей людямъ, у которыхъ «гоноръ» — важнѣйшій въ жизни культъ, видя, какъ эти гоноровые люди относятся къ ея отцу съ особеннымъ уваженіемъ, дочь Несвижскаго гвира, независимо отъ духовныхъ и физическихъ качествъ, которыми она одарена была отъ природы, не могла, по самой силѣ вещей, быть похожей на тѣхъ еврейскихъ дѣтей, забитость, робость, угловатость и безотвѣтность которыхъ есть скорѣе слѣдствіе внѣшнихъ условій ихъ воспитанія и жизни, нежели что-то врожденное, свойственное еврейскому племени, какъ таковому, какъ это обыкновенно думаютъ христіане. Привыкшая считать себя человѣкомъ наравнѣ съ другими, она была чувствительна къ своему человѣческому достоинству, своему «гонору», готова защищать его, какъ защищаютъ его всѣ свободные и независимые люди. Какъ еврейка, она знала, что она должна исполнять извѣстные религиозные обряды и остерегаться некошерныхъ кушаньевъ; но что она, какъ еврейка, стоитъ на общественной лѣстницѣ неизмѣримо ниже самаго послѣдняго оборванца-шляхтича, приходящаго въ домъ ея родителей чуть не за подаеніемъ,—это ей, по наивности ея, не было извѣстно, да и родители какъ-то никогда не говорили ей объ этомъ. Вотъ почему она была смѣла и развязна, нисколько не думая сробѣть предъ всемогущимъ магнатомъ или испугаться даже гнѣва его.

Въ одно утро, Фрейдель, нарядившись въ свои лучшія платья, отправилась въ сопровожденіи своего отца въ замокъ.

— Какая-то молодая еврейка проситъ у вашей свѣтлости аудіенціи,—доложилъ Рейтанъ князю, который, сидя въ кабинетѣ, поглаживалъ своего любимца-кота, лежавшаго на коврикѣ у ногъ его.

— Вѣрно жалоба на кагальниковъ, — проговорилъ князь, взявъ кота за шею и посадивъ его къ себѣ на колѣни. — Ну, хорошо, введи ее, мы разсудимъ по справедливости.

Минуту спустя, Фрейдель, во всемъ сіяніи своей обворожительной красоты, появилась въ дверяхъ кабинета, смѣлая, рѣшительная, гордая.

— Гезусъ-Марія!—воскликнулъ князь, вскочивъ съ кресла и начиная блѣднѣть.—Кого я вижу! Эстерка! Ты тоже воскресла? Эй, люди!..

Онъ сталъ пятиться назадъ, творя дрожащею рукою крестныя знаменія. По страшной же блѣдности, разлившейся по всему лицу его, видно было, что онъ близокъ къ обмороку. Фрейдель это такъ озадачило, такъ испугало, что она инстинктивно тоже стала пятиться назадъ; но, встрѣтивъ ободряющій взглядъ со стороны стоявшаго тутъ же Рейтана, овладѣла собой, оправилась и возвратилась на свое прежнее мѣсто.

— Свѣтлѣйшій князь, — начала она своимъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, — не знаю, за кого вы изволите меня принимать, знаю только, что я не Эстерка, а Фрейдель, дочь вѣрнаго слуги вашей свѣтлости, купца Сахно.

Мягкій, ласкающій голосъ дѣвушки успокоительно подѣйствовалъ на суетвѣрнаго и испуганнаго магната. Онъ сталъ приходить въ себя и возвратился къ креслу, не переставая смотрѣть на дѣвушку удивленными и все еще испуганными глазами.

— Дочь Сахно?—переспросилъ онъ, медленно опускаясь на кресло.—Можетъ быть, что и дочь Сахно. Но такое сходство, такое поразительное сходство!.. Рейтанъ! — обратился онъ къ вступившему въ кабинетъ коменданту,—не находишь-ли и ты, что висящій въ моей портретной галлерей портретъ Эстерки Казимира Великаго есть вѣрный снимокъ со стоящей предъ нами панны?

— Да, ваша свѣтлость, я тоже это нахожу, — подтвердилъ Рейтанъ и совершенно искренно, такъ какъ въ фізіономіяхъ Эстерки и Фрейдель въ самомъ дѣлѣ было очень много схожихъ, почти тождественныхъ чертъ, и онъ только удивлялся, отчего это ему раньше не пришло на умъ.

— Слѣдовательно,—продолжалъ князь,—я не даромъ былъ такъ пораженъ. Мнѣ казалось, что вижу предъ собою воскресшую возлюбленную нашего «короля хлоповъ»—и я испугался, потому что, нечего грѣха таить, я мертвецовъ, выходцевъ съ того свѣта, боюсь... Ну, милое дитя! — обратился онъ къ Фрейдель, — что мнѣ скажешь хорошаго?

— У меня до вашей свѣтлости есть просьба, — начала Фрейдель прямо и просто, — можетъ быть, большая просьба.

— Какъ бы велика она ни была, она будетъ исполнена. Въ чемъ она состоитъ?

— Она состоитъ въ томъ, что такъ какъ я помолвленная невѣста...

— Кто этотъ счастливецъ, который назоветъ тебя своею женою?

— Сынъ брестскаго раввина.

— Стало быть, шейне-морейне?

— Да, у васъ—графы и князья, а у насъ—шейне-морейне. Дочь купца свѣтлѣйшаго князя Радзивилла имѣетъ право на самую почетнѣйшую партію въ краѣ.

— Слышишь, слышишь, Рейтанъ, — весело проговорилъ князь, многозначительно перемигиваясь съ комендантомъ, — да она, пане-коханку, умница, ей Богу.

— Въ отца пошла, — замѣтилъ комендантъ кратко и серьезно.

— Но эта умница, — продолжала Фрейдель, — теперь въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ.

— Въ чемъ они состоятъ?

— Они состоятъ въ томъ, что хотя я уже три года помолвлена и все уже давно готово къ свадьбѣ, она однакоже не можетъ состояться, потому что этому препятствуетъ нѣкто, противъ котораго безсильны все люди, за исключеніемъ вашей свѣтлости.

— Кто же этотъ злой и жестокий человекъ, который осмѣливается препятствовать счастью такой милой и умной дѣвушки?

— Онъ вовсе не злой, вовсе не жестокий, а очень добрый, милый, великодушный, но... нежеско капризный человекъ.

— Кто же онъ такой?

— Свѣтлѣйшій князь Радзивиллъ!

— Я?

— Да, князь.

— Чѣмъ же я препятствую твоему счастью?

— Тѣмъ, что держите въ плѣну шабашевую шапку моего отца, а безъ этой шапки свадьба состояться не можетъ.

— Ха, ха, ха! громко разсмѣялся князь, хватаясь за бока. — Слышишь, пане-коханку?—обратился онъ къ коменданту, — безъ шабашевой шапки не можетъ состояться свадьба этой дѣвушки! А я совсѣмъ не зналъ, что я у нашего Сахно выигралъ такой талисманъ, отъ котораго зависить судьба цѣлыхъ семействъ. Теперь я уже понимаю, отчего Сахно такъ настаивалъ на возвращеніи ему шапки, красная цѣна которой—три или четыре дуката. И такъ, милое дитя мое, — обратился онъ къ Фрейдель,—хотя мнѣ весьма не хотѣлось бы, чтобы Несвижъ лишился такого великолѣпнаго цвѣтка, я однакоже твоему счастью мѣшать не буду. Въ чемъ я, шутя, отказывалъ твоему отцу, въ томъ тебѣ отказывать не буду. Сегодня же шапка будетъ возвращена по принадлежности и съ тѣмъ же церемоніаломъ, съ которымъ она и водворена была у меня.

Фрейдель бросилась къ рукѣ князя и поцѣловала ее.

— И неужели только въ этомъ и состояла твоя *большая* просьба? спросилъ князь, добродушно улыбаясь.

— Только въ этомъ, князь.

— Вотъ это-то и не хорошо, — продолжалъ князь, — у Радзивилла слѣдуетъ просить о чемъ нибудь поважнѣе какой нибудь шапки, даже распрешабашевой.

— Сама знаю, что я сильно провинилась, осмѣлившись обезпokoить вашу свѣтлость такую ничтожною для васъ вещью, но другой просьбы у меня не было.

— Такъ проси хоть о приданомъ, ты вѣдь невѣста.

— Для меня достаточно того приданаго, которое даетъ мнѣ мой добрый отецъ. Благодаря милостямъ и щедротамъ вашей свѣтлости, отецъ мой совсѣмъ не бѣденъ, я у него единственное дитя, а потому я, слава Богу, ни въ чемъ не нуждаюсь.

Князь опять многозначительно перемигнулся съ комендантомъ и пожалъ плечами.

— Но, пане-коханку, — произнесъ онъ болѣе оживленно, — ты *должна* попросить у меня чего нибудь, потому что мнѣ совѣстно отпустить тебя безъ какой нибудь милости. На что же это будетъ похоже?

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтила находчивая дѣвушка,— позвольте мнѣ просить вашу свѣтлость осчастливить мою свадьбу своимъ присутствіемъ. Это будетъ величайшею милостью, какой я только могу желать себѣ.

Князь пришелъ въ восторгъ отъ этихъ словъ дѣвушки, которую онъ готовъ былъ расцѣловать.

— О, что касается моего присутствія на твоей свадьбѣ,— сказалъ онъ, вставъ съ кресла и подходя къ дѣвушкѣ, — то это такая ничтожная милость, что о ней не стоитъ и просить. Я вѣдь на еврейскихъ свадьбахъ часто присутствую и даже безъ приглашенія, а потому эта милость въ счетъ не идетъ. Ты, пане-коханку, попроси меня о чемънибудь другомъ.

Фрейдель стояла въ нерѣшительности, не зная, о чемъ просить.

— Рейтанъ,—обратился князь къ коменданту, — научи ты ее, о чемъ просить.

— Ужъ я ее научу,—отозвался Рейтанъ весело и крикнувъ.—Но отказа ей не будетъ?

— Исполню, о чемъ бы она ни попросила.

— Ну, мы это и будемъ помнить, — сказалъ Рейтанъ и, отвѣдя дѣвушку въ сторону, сталъ что-то нашептывать ей на ухо. — Готово, — сказалъ онъ наконецъ, когда нашептываніе окончилось, и отошелъ въ уголокъ кабинета. Фрейдель, погладивъ свою прическу и хитро улыбаясь, начала:

— Если вашей свѣтлости угодно оказать мнѣ какую-нибудь милость, то я хотѣла бы попросить... уволить пана Рейтана отъ службы.

Князь бросилъ недоумѣвающій и почти сердитый взглядъ сперва на Фрейдель, а потомъ на Рейтана.

— Это ты подсказалъ ей эту просьбу? спросилъ онъ, вперивъ въ своего стараго любимца не столько сердитый, сколько грустный взглядъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ комендантъ, понуривъ голову и не смѣя взглянуть на своего принцепала.

— А что, пане-коханку, служба у меня тебѣ ужъ надоѣла и ты хочешь покинуть меня на старости лѣтъ, когда я больше

всего нуждаюсь въ преданности людей, къ которымъ я привыкъ и которые привыкли и ко мнѣ?

— Совсѣмъ не то, ваша свѣтлость,—защищался Рейтанъ,— мнѣ служба совсѣмъ не надоѣла и я былъ бы готовъ не отходить отъ моего благодѣтеля до самаго моего послѣдняго издыханія. Но дѣло въ томъ, что мнѣ уже пора зажить своимъ домикомъ... хочу жениться... я послѣдній въ родѣ. Если я не женюсь, то погаснетъ старинный родъ Рейтановъ. Это обстоятельство обязываетъ меня позаботиться о потомствѣ, пока время не совсѣмъ еще ушло.

Князь понуриль голову и молчалъ.

— Да,—произнесъ онъ грустно послѣ нѣкоторой паузы,— старость не радость. Когда я былъ молодъ, всѣ ко мнѣ и льнули; теперь, когда я становлюсь старъ, всѣ отъ меня бѣгутъ. Насильно миль не будешь. Дѣлать нечего, притомъ я далъ слово... Панна Сахнувна, твоя просьба исполнена. Панъ Рейтанъ, ты свободенъ, можешь располагать собою, какъ тебѣ угодно. Женитесь, плодитесь, оставляйте потомство, а я сойду въ могилу одинокой, никѣмъ не оплакиваемый. Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше, — вотъ все, что обо мнѣ скажутъ, да мнѣ на это наплевать.

Онъ всталъ, выпрямился, покрутилъ свои усы и крикнулъ:

— Эй, кто тамъ?

На порогѣ кабинета появился егеръ.

— Венгерскаго! скомандовалъ князь, — и прислать сюда Трамонтано. Этотъ пьянчужка никогда меня не покинетъ, развѣ я самъ его прогоню... А на вашихъ свадьбахъ, панекоханку, я буду, непременно буду, и со всею моею свитою, на сколько ея у меня еще хватитъ,—сказалъ онъ отпуская съ поклономъ Фрейдель и Рейтана.

Тѣ ушли, довольные результатами своихъ просьбъ, но немножко растроганные грустнымъ настроеніемъ князя, который бывалъ сносенъ и даже миль, когда только того хотѣлъ.

Л. Леванда.

ПОЭТЬ И КУПЕЦЪ

РОМАНЪ ВЕРТОЛЬДА АУЭРБАХА

(*Окончаніе*).

XXV.

Туда и Сюда.

Предупредительность и любезность Ефраима относительно чужихъ и рекомендованныхъ ему лицъ была такъ велика, что почти вошла въ половицу въ бреславльской общинѣ. Прибытіе незнакомаго, новаго человека вносило свѣжую атмосферу въ однообразіе его повседневной жизни; міровоззрѣніе этого незнакомца давало обычному и устарѣлому новую и свѣжую окраску; удовольствіе доставлялось Ефраиму по большей части еще только тѣмъ, что онъ видѣлъ другихъ испытывающими это чувство. Въ тѣсно ограниченномъ кругу семейной жизни любовь его не нашла себѣ достаточнаго удовлетворенія, и онъ теперь раздвигалъ границы, на сколько могъ.

Въ этой привязанности къ новымъ знакомымъ игралъ у него роль еще одинъ особенный интересъ: онъ не побуждался къ тому желанію выказывать свое знаніе многихъ городовъ и странъ, но прислушивался повсюду, чтобы услышать голосъ времени въ его непосредственномъ выраженіи; не было ни одной вещи, которую онъ счелъ бы слишкомъ ничтожною для того, чтобы сдѣлать ее предметомъ своего вниманія, и схо-

---

* См. «Восходъ», кн. X.

дившимся съ нимъ людямъ очень нравилось это знакомство, потому что ни за что не бываетъ человекъ такъ благодаренъ, какъ за доставленіе ему случая сообщать другому результаты своего опыта и своихъ наблюденій надъ людьми и возможности при этомъ наслаждаться торжествомъ назидательности.

На сколько была темна и дисгармонична жизнь Ефраима, когда онъ отдавался своимъ размышленіямъ и самоистязаніямъ, на столько же она становилась свѣтлою и чуждою всякаго разлада, когда онъ выходилъ изъ самого себя, примыкая къ окружающимъ его людямъ и жизни всего человѣчества, понимая и сознавая однако, сколько было тутъ слабаго и шаткаго...

Все вниманіе Ефраима приковывалъ къ себѣ въ настоящую минуту новый пріѣзжій. Однажды вечеромъ весело вошелъ въ его комнату Маймонъ. Онъ положилъ на столъ свою узловатую палку и объявилъ, что намѣренъ съ этого дня поселиться въ Бреславлѣ, что въ Берлинѣ не жилось ему такъ, какъ онъ желалъ, и что Ефраимъ долженъ покамѣстъ дать ему нѣсколько грошей, чтобы онъ могъ рюмочкой водки и кускомъ чернаго хлѣба снова завести свои „часы“, какъ онъ называлъ свое тѣло.

— Въ какомъ положеніи находится теперь ваша философія?— спросилъ Ефраимъ, и Маймонъ отвѣчалъ:

— Она остановилась на моей первой пощечинѣ.

— Я васъ не понимаю.

— Я тоже, но повторяю — остановилась на первой пощечинѣ. Когда мнѣ, еще совсѣмъ маленькому мальчику, въ первый разъ дали въ руки хумель (библию), я прочелъ тамъ слова: „въ началѣ Богъ создалъ небо и землю“, и спрашиваю отца: а кто сотворилъ Бога? Отецъ влѣпилъ мнѣ здоровенную пощечину, и это покамѣстъ единственный отвѣтъ, какой я получилъ на мой вопросъ; философія не дала мнѣ никакого иного отвѣта.

Маймонъ былъ однимъ изъ своеобразнѣйшихъ явленій, обнаружившихся при первомъ расцвѣтѣ еврейства. Выйдя изъ самыхъ темныхъ

келій польской ортодоксіи, онъ кидался изъ одной науки въ другую точно также, какъ перекочевывалъ изъ одного города въ другой; его подвижной и гибкій умъ чувствовалъ влеченіе ко всѣмъ наукамъ и не могъ остановиться ни на одной изъ нихъ; подобно прирученному дикому онъ вдругъ ставилъ въ тупицъ и отчаяніе всякую педагогику и съ помощью талмудической діалектики переворачивалъ вверхъ дномъ всякій порядокъ въ жизни и научномъ знаніи. Ефраимъ ревностно сталъ заботиться о немъ и черезъ своихъ знакомыхъ скоро доставилъ ему средства къ существованію и продолженію занятій. Ефраимъ въ настоящее время самъ дошелъ до того состоянія, къ которому онъ нѣкогда относился съ такимъ презрительнымъ состраданіемъ: онъ смотрѣлъ на свою собственную жизнь, какъ на окончательно неудавшуюся, и находилъ себѣ успокоеніе только въ заботахъ и попеченіяхъ о другихъ, будь то отдѣльные лица или цѣлыя общества.

Благодаря Маймону, Ефраимъ познакомился и съ трактирной жизнью, до этихъ поръ остававшеюся ему почти совсѣмъ чуждою. Нѣмецкіе евреи очень отличаются отъ польскихъ своею трезвостью; Маймонъ удовлетворялъ свою національную склонность съ гениальною неумѣренностью. За стаканомъ вина въ трактирѣ онъ всего охотнѣе говорилъ о своемъ высшемъ интересѣ—просвѣщеніи его единовѣрцевъ.

— Одна математика, — утверждалъ Маймонъ, — можетъ выпрямить эти кривыя головы; оттого я и обработалъ латинскую математику Вольфа на раввинскомъ нарѣчій. Но это изданіе должно обойтись очень дорого, а тѣ немногіе друзья, которыхъ имѣетъ просвѣщеніе, и безъ того уже принесли не мало матеріальныхъ жертвъ.

Ефраиму всегда нужно было свѣжее дуновение для того, чтобы горѣвшій въ немъ огонекъ вспыхивалъ яркимъ пламенемъ; такъ и теперь, онъ съ этой минуты посвятилъ всю свою дѣятельность и все свое поэтическое дарованіе великому дѣлу просвѣщенія. Однажды онъ повелъ съ Маймономъ рѣчь о томъ, что ограниченія, налагаемыя брадобокъ стороною религіи, составляютъ величайшій грѣхъ противъ Бога

и человѣчества, потому что „всякое лишеніе человѣка житейскихъ наслажденій есть величайшій грѣхъ противъ цѣли творенія и бытія“.

— Одинъ польскій дворянинъ пріѣзжаетъ однажды въ Варшаву, — рассказалъ Маймонъ своею странной, пароболической манерой, — и такъ какъ ему нечего было дѣлать, то онъ отправляется безъ цѣли гулять по улицамъ. Видитъ онъ выставленные на показъ въ лавкахъ всяческіе съѣстные припасы, его разбираетъ голодь, онъ опускаетъ руку въ карманъ — тамъ совершенная пустота. И вотъ нашъ дворянинъ начинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ ругать Варшаву: „Что это за дрянной городъ, гдѣ не на что купить себѣ булку!“ Вотъ точно также поступаютъ и набожные раввины.

— Я не понимаю, какое тутъ отношеніе...

— Отношеніе очень ясное; когда у этихъ людей нѣтъ въ головѣ ни на грошъ собственнаго разума, они ругаютъ Іерусалимъ и Вавилонъ. Но вѣрьте мнѣ, вся исторія еврейства и всего того, что изъ него вышло, заключается въ одной только легендѣ изъ талмуда. Въ настоящую пору ее понимаютъ только два человѣка, и одинъ изъ нихъ — я.

— Что же рассказываетъ легенда?

— Послѣ возвращенія изъ Вавилона евреи поймали разъ демона Іецеръ-Гара (чувственное побужденіе) и выкололи ему одинъ глазъ, — и это, по моему мнѣнію, означаетъ, что съ того времени имъ совершенно непонятно и чуждо наслажденіе жизнью, вообще всякое искусство. Но талмудъ рассказываетъ дальше — что они хотѣли выколоть демону и второй глазъ, и тогда всѣ курицы перестали несть яйца. Хотите быть третьимъ, понимающимъ значеніе этой легенды?

Ефранимъ утвердительно кивнулъ головой, и для него было очень успокоительно сознаніе, что въ концѣ своей жизни онъ снова пришелъ къ ея первоначальному исходному пункту. Ему удалось сначала выйти далеко за предѣлы еврейской ограниченности; потомъ онъ рискнулъ всемъ, ради личнаго, даже, можно сказать, эгоистическаго счастья; такъ какъ это послѣднее не далось ему, то онъ попытался применить къ об-

щему мировому движенію. Все это оказалось только мечтой. Онъ увидѣлъ въ кругу себя людей, проникнутыхъ юношескими стремленіями впередъ, счастливыхъ всякимъ новымъ знаніемъ, какое они усвоивали, чувствовавшихъ себя поднятыми на высшую ступень всякимъ доводомъ разума, который они распространяли между своими еврейскими едино-вѣрцами. Толчокъ, данный Мендельсономъ, породилъ въ провинціаль-ныхъ городахъ живое стремленіе къ образованію и просвѣщенію, продолжавшее сохраняться во всей своей силѣ еще долго послѣ того, какъ въ столицѣ оно начало постепенно ослабѣвать. Появившійся впоследствіи еврейскій журналъ „Собиратель“ нашелъ въ Бреславлѣ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ особенно выдаются Іоэль Лева и Бензе, написавшій комментарий къ „Вѣрѣ и Знанію“ рабби Саадіи Гаона. Составился кружокъ проникнутыхъ благороднымъ жаромъ молодыхъ людей, упражнявшихся въ еврейскихъ стихотвореніяхъ и ученыхъ трактатахъ, и всякое новое сочиненіе Мендельсона было для нихъ какъ бы новымъ откровеніемъ, которое они сообща читали и истолковывали.

Если въ прежнее время Ефраимъ старательно избѣгалъ въ своихъ манерахъ, поступкахъ и манерѣ выразиться всего, что напоминало замкнутую сферу еврейской жизни, если испытывалъ онъ непріятное чувство даже тогда, когда встрѣчалъ такія проявленія въ другихъ — то теперь онъ охотно употреблялъ изреченія изъ библіи и талмуда и приводилъ ихъ въ разговорѣ на первобытномъ ихъ языкѣ. Самый звукъ этихъ рѣчей доставлялъ ему удовольствіе. Изъ нихъ вѣяло на него воздухомъ его молодыхъ годовъ, и онъ очевидно гордился тѣмъ, что удержалъ до сихъ поръ въ памяти столько такого матеріала. Теперь ему уже не нуженъ былъ обширный, разнообразный міръ; онъ снова жилъ въ своемъ первоначальномъ замкнутомъ кругѣ. Евреевъ и все еврейское любилъ онъ теперь больше, чѣмъ когда либо, и многія формы, прежде отталкивавшія его, представлялись ему въ настоящее время очень разумными и привлекательными. На душѣ у него было такъ хорошо, какъ

никогда до этого времени, потому что онъ чувствовалъ себя въ этой сферѣ совсѣмъ какъ дома.

Натанъ думалъ, что Ефраимъ выказывалъ такую привязанность къ еврейству только для того, чтобы дразнить его; ему казалось, что братъ желалъ ставить его въ затруднительное положеніе тѣмъ, что въ обыкновенные разговоры вставлялъ еврейскіе обороты. Натанъ успокоился только тогда, когда Роза, и въ этомъ отношеніи бывшая гораздо независимѣе своего мужа, разъяснила ему, что и эта манера имѣть свое право существованія, которому не за чѣмъ скрываться, и что находить ее непріятною—чистый предрасудокъ.

Ефраиму его прошедшая жизнь все больше и больше представлялась свидѣніемъ. Куда дѣвалось тяжелое томленіе, куда исчезли страшные призраки? Онъ совсѣмъ проснулся и опять видѣлъ себя дома...

Маймонъ рассказывалъ очень забавно о своей молодости, какъ онъ, по польскому обыкновенію, женился уже одиннадцати лѣтъ отъ роду, и нерѣдко получалъ колотушки отъ своей тещи; рассказъ былъ переполненъ уморительнѣйшими анекдотами, и слушатели хохотали до упаду. Но однажды Маймонъ былъ очень пораженъ пріѣздомъ своей жены и сына; она явилась, чтобы получить разводъ отъ своего обѣжавшаго супруга. Это обстоятельство напомнило Ефраиму его стараго учителя рабби Хананеля, и онъ только теперь узналъ о страшной смерти этого послѣдняго, случившейся незадолго до того. Маймонъ хорошо зналъ Хананеля и рассказалъ Ефраиму о его разрывѣ съ самимъ собой и свѣтомъ: кидаемый въ разныя стороны между убѣжденіями просвѣщеннаго человѣка и лицемѣрной набожностью, рабби впадалъ то въ одну, то въ другую крайность. Въ головѣ его постоянно была мысль бѣжать отъ очевиднаго умиранія и гніенія въ свѣжую, кипучую жизнь; онъ хотѣлъ перейти къ господствующей церкви, такъ какъ по его мнѣнію было вѣдѣ рѣшительно все равно—здѣсь или тамъ подчиняться іезуитскимъ формамъ, къ которымъ нельзя относиться ни съ вѣрою, ни съ убѣжденіемъ. Грудь его высоко вздымалась, въ глазахъ сверкалъ свѣтлый огонь,

жадно простиралъ онъ руки къ милліонамъ людей, которымъ хотѣлъ посвятить съ этихъ поръ силу и энергію своего духа... Но затѣмъ онъ снова погружался въ свое темное существованіе, видѣлъ себя въ плѣну у тѣхъ, которые читли его, какъ глубоко набожнаго человѣка, и онъ снова становился озлобленнымъ и ревностнымъ гонителемъ людей, хоть на волосокъ отступавшихъ отъ обрядовой стороны религіи. Часто онъ пестился по цѣлымъ недѣлямъ, и плакалъ, и молился о прощеніи его грѣхамъ,—но, не смотря на это, очень многіе въ общинѣ сомнѣвались въ его набожности, потому что во время богослуженія въ синагогѣ онъ почти никогда не разжималъ губъ и мечтательно смотрѣлъ въ пространство, или вдругъ быстро закрывалъ глаза и качалъ головою такъ, какъ будто хотѣлъ отогнать назойливыхъ мухъ. Люди говорили, что онъ одержимъ бѣсомъ, и оно дѣйствительно такъ и было. Онъ пересталъ сознать, что было фантазія, что дѣйствительность. Сперва съ странною улыбкой, потомъ съ дикимъ бѣшенствомъ началъ онъ отказываться отъ ѣды и питья, и когда его наконецъ принудили принять пищу, было уже поздно. Послѣднимъ крикомъ его была мольба: „Жить, хочу жить! Спасите меня!“

Съ глубокою печалью выслушалъ Ефраимъ рассказъ о смерти рабби Хананеля, и все страннѣе и страннѣе было для него, что прошедшая жизнь снова воскресала предъ нимъ.

Жизнь и смерть Хананеля Маймонъ истолковывалъ въ смыслѣ одной еврейской легенды, которая имѣетъ цѣлью запретить созданіе всякихъ вымысловъ фантазій, ибо въ смертный часъ эти фантастическіе образы являются въ человѣку въ видѣ демоновъ, овладѣваютъ духомъ, жалающимъ умиаться на небо, терзаютъ его и восклицаютъ: „Ты далъ намъ тѣло, дай намъ также и живую душу“. Кто живетъ въ разладѣ съ самимъ собой, кто дѣлаетъ одно, а думаетъ другое—тотъ видитъ созданія своего воображенія превращающимися въ злыхъ демоновъ и падаетъ ихъ жертвою.

По еврейскимъ законамъ о бракѣ Маймонъ, какъ бродяга, былъ обязанъ развестись съ женою. Скоро послѣ того онъ рѣшился уѣхать изъ

Бреславля и въ постный день разрушенія Іерусалима пошелъ съ Ефраимомъ въ трактиръ Золотого Колеса, чтобы выпить и закусить на прощанье, при чемъ по своей привычкѣ читалъ самыя пикантныя мѣста изъ своей любимой книги—сатирической поэмы „Гудибрасъ“ и дѣлалъ весьма безцеремонные и веселые комментаріи. Это поведеніе надѣлало въ общинѣ много шума, но раввинъ Исаакъ Іосифъ Френкель, человѣкъ справедливый и полный терпимости, не обратилъ на него вниманія. Въ общинѣ однако пользовалась очень большимъ авторитетомъ безобразная, толстая половина старшины Гирша Леви; zeloизмъ и женское властолюбіе подстрекнули ее къ самой энергической дѣятельности, и всевозможными происками она довела дѣло до того, что Ефраима потребовали къ еврейскому церковному суду за нарушеніе поста.

Друзья Ефраима совѣтовали ему не исполнять этого требованія, ибо прошло уже то время, когда слѣдовало бояться преслѣдованій и наказаній іерархіи; Фридрихъ II, врагъ всякаго „господства поповъ“, заставилъ присмирѣть и еврейскихъ раввиновъ. Но Ефраимъ обрадовался этому обстоятельству, потому что оно давало ему возможность схватиться съ окаменѣвшею ортодоксією и раздавить ее всею тяжестью своего духа. Но тутъ съ нимъ чуть-чуть не повторилось то, что произошло, когда его привели къ суду изъ тюрьмы, такъ какъ онъ по прежнему ощущалъ непреодолимую робость каждый разъ, какъ ему приходилось выступать предъ большимъ обществомъ смѣло и самостоятельно...

Въ сильномъ смущеніи стоялъ онъ нѣсколько минутъ передъ своими судьями и слушалъ предлагавшіеся ему вопросы; потомъ закричалъ, дрожа отъ бѣшенства:

— Затворите плотноѣе двери и окна, чтобы ни малѣйшая струйка свѣжаго воздуха не проникла сюда; продолжайте вить умственные веревки, которыми вамъ хочется задушить свободную душу! Молвія небесная сожжетъ васъ и эти узы! Ступайте домой и молитесь! Дайте свободу вашимъ рабамъ и будьте сами свободны!

— Правда ли, что въ постный день разрушенія Іерусалима вы употребляли пищу?—спросилъ судья.

Ефраимъ разсмѣялся:

— Что мнѣ за дѣло до мртваго Іерусалима? Вы вѣдь ежедневно разрушаете его, ибо повсюду есть Іерусалимъ, какъ сказано въ писаніи: „во всякомъ мѣстѣ, гдѣ упомянется Мое имя, Я буду приходить къ тебѣ и Слагословлять тебя“.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, одинъ изъ членовъ, прикоснувшись пальцемъ къ своему собственному умному лбу, замѣтилъ:

— У него не ладно здѣсь. Не будь онъ сумасшедшій, сталь ли бы онъ говорить такія вещи?

— Да, онъ сумасшедшій, — подтвердилъ другой судья, — и я боялся его. Намъ не зачѣмъ больше его наказывать: Богъ и безъ того достаточно покаралъ его тѣмъ, что отнялъ умъ.

Раввинъ воспользовался этимъ благопріятнымъ настроеніемъ, Ефраимъ былъ признанъ помѣшаннымъ и, какъ таковой, оправданъ...

Черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ проходилъ по еврейской площади и увидѣлъ, какъ два мальчика ссорились и колотили другъ друга. Онъ сталъ журить того, который оказался неправымъ, но въ эту минуту подбѣжалъ отецъ этого послѣдняго и набросился на Ефраима, совѣтуя ему не мѣшаться въ чужія дѣла, такъ какъ еврейскій церковный судъ вѣдь призналъ его сумасшедшимъ и только поэтому не подвергнулъ наказанію. Ефраимъ пошелъ своею дорогой и улыбался, раздумывая о принятомъ имъ рѣшеніи спокойно окончить свои дни вдали отъ всего еврейскаго. На бульварѣ ему повстрѣчалась толпа христіанскихъ мальчишекъ, возвращавшихся изъ школы съ катехизисами въ рукахъ; они стали бить въ еврея комами снѣга и хохотали надъ его негодованіемъ... Онъ скрылся въ домъ своей сестры Файльхенъ.

То было въ февраль 1781 г. Файльхенъ встрѣтила его вся въ слезахъ, страшно блѣдная, пораженная только что полученнымъ извѣстіемъ о смерти Лессинга. Оно произвело и на Ефраима глубокое впечатлѣніе, отъ котораго онъ не скоро оправился... Нѣсколько времени спустя, отважилъ

ся онъ на переи́нну въ своемъ образѣ жизни: оставилъ евреевъ и переи́халъ къ своему брату Натану-Фридриху... Только теперь, на закатѣ своей жизни, онъ убѣдился на опытъ въ томъ, чего никогда не зналъ, или что всегда избѣгалъ узнать: въ возможности находить счастье и въ занятіяхъ торговлей.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, на что я способенъ, — часто объяснялъ ему Натанъ-Фридрихъ, — я счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ. Маленькая торговля нашего покойнаго отца доставляла столько же труда, сколько и огорченій. Я былъ какъ птица, которая можетъ только прыгать по землѣ, и не умѣю тебѣ выразить, до какой степени почувствовалъ себя счастливымъ, когда увидѣлъ, что въ состояніи летать — а это я въ силахъ дѣлать теперь... летаю далеко и высоко... Я знаю, что ты ставишь поэтической полетъ выше всего, но повѣрь мнѣ, торговое занятіе, идущее шибко и энергично, тоже доставляетъ много счастья!..

Новое событіе снова влило свѣжую силу въ жизнь Ефраима: на старости лѣтъ ему привелось еще получить поэтическую санкцію отъ „св. отца“ Рамлера. Добрый профессоръ старательно просмотрѣлъ два большихъ фоліанта съ эпиграммами, посланныхъ ему Ефраимомъ, сдѣлалъ изъ нихъ выборъ, погладилъ и пошлифовалъ ихъ и напечаталъ въ „Нѣмецкомъ Музеумѣ“. Внутренней увѣренности въ себя, которую приобрѣлъ Ефраимъ, благодаря этому обстоятельству, соответствовало и внѣшнее уваженіе, оказывавшееся ему со стороны общества: поэту прощали то, что находили неизвинительнымъ въ купцѣ, на его странности и рѣзкости смотрѣли снисходительно, потому что принимали въ соображеніе причины ихъ. Ученые и чиновники, бывавшіе въ домѣ Натана, относились къ Ефраиму съ дружескою предупредительностью. И онъ также обращался со всѣми привѣтливѣе, чѣмъ прежде, потому что больше гордился собой. Его имя и его мысли разносились теперь далеко, между тысячами людей... Натанъ особенно радовался тому, что Ефраимъ повидимому освободился отъ своего внутренняго озлобленія, и онъ глубоко взволновалъ брата, когда сказалъ ему:

— Еврейство потому такое тяжелое бремя, что рѣшительно не позволяетъ перестать находиться въ противорѣчїи съ окружающимъ міромъ. Ты все хочешь оставаться при твоёмъ особенномъ характерѣ. Но это не ладно. Когда мимо меня проѣзжаетъ владѣтельная особа и сотни людей снимаютъ шляпу, я не буду на столько глупъ, чтобы одному изъ всѣхъ оставаться съ покрытой головой. Я живу съ міромъ, каковъ онъ есть, а не съ такимъ, какимъ онъ могъ бы быть. Что толку злиться на міръ и ругать его? Этихъ вредишь, доставляешь огорченіе только самому себѣ. Я уже изъ одного эгоизма отношусь ко всякому привѣтливо и дружески, и каждый за это поневолѣ мнѣ платитъ тѣмъ же, и такимъ образомъ я приобретаю удовольствіе вмѣсто досады и печали.

Ефраимъ тяжело вздохнулъ и сдѣлалъ утвердительное движеніе головою. Натанъ съ торжествомъ продолжалъ:

— Въ прошедшее воскресенье нашъ священникъ читалъ длинную проповѣдь на текстъ: „Если досаждаешь тебѣ твое око, выдери его“. Повѣрь мнѣ, они не понимаютъ новаго завѣта, какъ слѣдуетъ; еврей тутъ скорѣе смекнетъ, въ чемъ дѣло. Развѣ можетъ быть въ этомъ изреченїи какойнибудь иной смыслъ, кромѣ того, что если тебѣ встрѣтится въ жизни чтонибудь непрїятное, если ты увидишь чтонибудь, сердящее тебя, то спроси себя прежде всего, не самъ ли ты виноватъ въ этомъ, имѣй настолько храбрости, чтобы возстать противъ самаго себя, вырви свой глазъ, видящій вещи въ этомъ дурномъ свѣтѣ. Ну, а если не можешь сдѣлать это—такъ будь доволенъ жизнью и людьми, не ворчи!.. Развѣ это не азбука здраваго разума?

Съ многозначительной улыбкой пожалъ Ефраимъ руку брата.

Онъ вращался теперь свободно въ „христіанскомъ обществѣ“, но никогда не могъ забыть этотъ послѣдній терминъ; слишкомъ долго вращался онъ внѣ этихъ сферъ, корни его мышленія пошли въ другую область, они были слишкомъ прочны и узловаты, чтобы ихъ можно было перенести на новую почву, онъ постоянно помнилъ, что онъ еврей... Скоро ему пришлось узнать, что и общество не забыло этого. Однажды за чайнымъ столомъ собралась довольно большая компанія, и Ефраимъ

нашелъ у себя подъ салфеткой бумажку, на которой были написаны стихи:

Liebster, bester Kuh! —
 Warum bleibest du
 Nur allein beim Vater stehn,
 Willst nicht zu dem Sohne gehn?

Ефραίимъ прочелъ эти стихи вслухъ, наступило тяжелое молчаніе; въ глазахъ Ефраима свергнуло бѣшенство, онъ искалъ ими сочинителя, но черезъ нѣсколько минутъ улыбнулся и отвѣчалъ, что „добрый сынъ не долженъ презрительно относиться къ слугамъ своего отца“; затѣмъ онъ проглотилъ бумажку, на которой были написаны стихи, поблагодарилъ за хорошее угощеніе и вышелъ.

Долго послѣ этого онъ избѣгалъ всякаго незнакомаго общества. Каждый разъ, какъ среди его близкихъ появлялся чужой, онъ быстро скрывался; ему хотѣлось жить вдали отъ всѣхъ, выучиться презирать людей. Но для этого послѣдняго у него не было достаточно силъ и довольства самимъ собой; поэтому онъ черезъ нѣсколько времени охотно уступилъ настоятельнымъ просьбамъ своей невѣстки и снова мало по малу отдался удовольствіямъ жизни въ обществѣ.

Въ домѣ Натана однажды собралось много гостей; играли въ карты, пѣли и танцевали. Ефрайимъ стоялъ, прислонившись къ шкафу, скрестивъ на груди руки, то закрывая глаза на довольно долгое время, то какъ-то дико устремляя ихъ въ двигавшуюся передъ нимъ пеструю толпу.

— О чемъ вы это задумались?—спросила Роза, подойдя къ нему и, вопреки своему обыкновенію, дружески взявъ его за руку.

Онъ отвѣтилъ:

— Когда я смотрю на людей, вижу, какъ они улыбаются другъ другу, любезничаютъ между собой, между тѣмъ какъ подъ всѣмъ этимъ скрываются ложь, злоба и фанатизмъ—то мнѣ хочется бѣжать куданибудь въ пустыню, чтобы освободиться отъ искушенія совершить убійство. Вотъ теперь я закрываю глаза и представляю себѣ, что эти всѣ люди, окружающіе меня, умерли, свѣтъ этихъ глазъ померкъ, губы

сжались, румяныя щеки посинѣли и похолодѣли, гибкіе члены оочевнѣли отъ внутренняго гнѣнія—и ничего нѣтъ въ этой комнатѣ, кромѣ обнаженныхъ череповъ съ пустыми впадинами глазъ, страшныхъ скелетовъ, уложенныхъ между четырьмя досками, шуршанья могильнаго червя вмѣсто звуковъ музыки... у, отвратительно!.. И потомъ я открываю глаза и вижу всю эту цвѣтущую, пляшущую жизнь, и хочется мнѣ прижать къ сердцу каждаго изъ этихъ людей, потому что онъ живеть; я люблю его, потому что онъ живеть... Ахъ, жить такъ хорошо! Могло бы быть такъ хорошо!

— Вы слишкомъ терзаете себя страшными мыслями о смерти!— отвѣчала Роза дрожащимъ голосомъ, но Ефраимъ продолжалъ:

— У меня есть еще просьба къ вамъ, милая сестра; общайте мнѣ безусловно, что исполните ее.

— Если она не противна моей совѣсти и не превышаетъ моихъ силъ...

— Ни то, ни другое. Общайте мнѣ, что если бы я сошелъ съ ума, и у меня не хватило силы и самообладанія лишить себя жизни, вы дали бы мнѣ яду. Ну, что же, даете слово?

— Ахъ, вы мучите себя и другихъ, и вамъ бы слѣдовало давно уже узнать, что такія шутки вовсе не по мнѣ,—отвѣтила она и отошла къ своимъ гостямъ.

Въ другой разъ Ефраимъ опять очутился въ большомъ обществѣ. Главною темой разговора все еще служила недавняя смерть Фридриха Великаго.

— Этотъ 1786-й годъ взялъ еще одну великую жертву—Мозеса Мендельсона,—сказалъ Ефраимъ, и привелъ сказанное собственно о Маймонидѣ и примѣненное къ Мендельсону изреченіе: „отъ Моисея въ Египтѣ до этого Моисея не появлялось человѣка, подобнаго Моисею“. Всѣ присутствующіе замолчали и съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. Ефраимъ, конечно, понялъ, какъ неловко было съ его стороны въ этомъ обществѣ, гдѣ существовали совѣтъмъ иныя симпатіи, сдѣлать подобное замѣчаніе, какъ странно поступилъ онъ, поставивъ ря-

домъ съ всемірно-историческимъ героемъ другого человѣка, правда, выдающагося, но стоявшаго несравненно ниже. Поэтому онъ прибавилъ послѣ небольшой паузы:—Одинъ передовой человѣкъ умираетъ вслѣдъ за другимъ; старое время погибаетъ, новое возникаетъ — что принесть оно?

Никто не отвѣчалъ ему. Одинъ офицеръ вынулъ изъ кармана листовъ бумаги, всѣ окружили его, и онъ сталъ читать гимнъ Шубарта „Смерть Фридриха“. Набожное молчаніе воцарилось въ комнатѣ, но черезъ нѣсколько времени оно смѣнилось восторженными похвалами автору, въ то время сидѣвшему въ тюрьмѣ, и великому Фридриху. Одинъ Ефраймъ скептически улыбался и по временамъ отрицательно качалъ головой.

— Вы, кажется, иного мнѣнія, — сказалъ офицеръ, подходя къ нему съ однимъ изъ своихъ товарищей.

— Конечно.

Вокругъ нихъ быстро собрались остальные гости. „Говорите, говорите!“ раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Мое мнѣніе, — началъ Ефраймъ, — что этотъ, какъ вы его называете, единственный старый Фрицъ составилъ несчастіе цѣлой великой эпохи.

И онъ началъ говорить такія странныя рѣчи, въ такой странной формѣ, что офицеръ замѣтилъ своему товарищу:

— Знаешь, меня раздражаетъ охота выбросить этого болвана за окошко!

— Да развѣ ты не видишь, что онъ сумасшедшій, — возразилъ тотъ.

— Онъ сумасшедшій! — понеслось изъ устъ въ уста. — Ефраймъ, повидимому, слышалъ эти слова; въ глазахъ у него помутилось, всѣ боязливо отошли отъ него, онъ очутился предъ большимъ зеркаломъ, отразившимъ всю его фигуру.

— А, вотъ ты гдѣ, второй! — неистово крикнулъ онъ, сжавъ кулаки. — Негодай, ты сумасшедшій! Уми же, бѣшеная собака!

И онъ сталъ колотить въ зеркало руками и ногами, такъ что оно разлетѣлось въ дребезги. Все общество пришло въ ужасъ, а онъ бѣгалъ по комнатѣ, опрокидывалъ и ломалъ все, попадавшееся ему подъ руку, кричалъ и осыпалъ ругательствами сумасшедшаго Ефраима... Съ большимъ трудомъ удалось связать его и отвезти домой.

XXVI.

Онъ сумасшедшій!

Тотъ, кто такъ беспощадно бичевалъ слабости и нелѣпости человѣческаго рода—Свифтъ, къ концу своей жизни впалъ въ дѣтство, и его слуга показывалъ его за деньги; тотъ, кто далъ имена безчисленному количеству растений на землѣ и привелъ ихъ въ систему—Линней, къ концу своей жизни забылъ свое собственное имя; тотъ, кто былъ властителемъ человѣческаго разума, кто открылъ и точно опредѣлилъ его границы и законы—Кантъ, къ концу своей жизни впалъ почти въ идиотизмъ... Это тѣ глубины бездны человѣческаго духа, до дна которыхъ не могъ еще проникнуть ни одинъ пытливый глазъ мыслителя...

Въ темной и отдаленной комнатѣ дома Натана сидѣлъ связанный Ефраимъ. Онъ бушевалъ и съ пѣной у рта проклиналъ своихъ убійцъ, кричалъ и вылъ; но наконецъ упалъ въ изнеможеніи, со словами: „Доброй ночи, Ефраимъ умеръ, кукурику!“

Но мало по малу его состояніе стало чуть-чуть улучшаться; свѣтлые промежутки появлялись все чаще и чаще... Родные и близкіе Ефраима скоро привыкли къ этому состоянію, какъ привыкають даже къ самому печальному и тяжкому. Все въ домѣ шло обычнымъ чередомъ, странныя рѣчи и выходы больного вызывали даже иногда полу-болѣзненный, полу-веселый смѣхъ; только на губахъ Файльхенъ не появлялось и тѣни улыбки—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ея братъ выкидывалъ самыя смѣшныя и нелѣпѣйшія штуки.

— Въ несчастіи нашего Ефраима, — сказалъ однажды Натанъ, —

всему виною еврейство; вѣдь уже само по себѣ безумно сидѣть въ крѣпости, которую идущее впередъ войско оставляетъ позади себя совершенно спокойно, зная, что въ концѣ концовъ она должна будетъ пропасть отъ голода или сдаться. И мудрыя указанія пророковъ въ самой библии, и всемирная исторія направляютъ человѣчество къ нашей христіанской религіи: въ ней одной миръ и блаженство.

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ Филиппина открыла было ротъ, чтобы замѣтить Натану, какъ велика сила привычки: въ христіанство онъ перешелъ безо всякой вѣры, а между тѣмъ уже успѣлъ такъ проникнуться имъ, что заразился страстью прозелитизма. Но она въ-время вспомнила, какое непріятное дѣйствіе производитъ обсужденіе такихъ вопросовъ—и воздержалась...

Нѣсколько времени спустя, Ефраима успѣли наконецъ убѣдить, чтобы онъ, согласно предписанію врача, предпринималъ прогулки на воздухѣ, въ сопровожденіи слуги. На улицѣ онъ раскланивался со всѣми—знакомыми и незнакомыми—и привѣтливо улыбался имъ; они на нѣсколько секундъ останавливались, съ удивленіемъ смотрѣли ему вслѣдъ и потомъ шли своей дорогой...

Мало по малу въ немъ развились, повидимому, молчаливая тоска и боязливое недовѣріе къ людямъ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ, подперевъ подбородокъ рукой, и бормоталъ про себя непонятныя слова; потомъ вдругъ начиналъ ругать и проклипать всѣхъ присутствующихъ. Домашніе постепенно привыкли оставлять его одного. И въ этомъ уединеніи часто проявлялся вдругъ его умъ, онъ сознавалъ свое состояніе и даже писалъ стихи, хорошо выражавшіе его внутреннее настроеніе...

Погруженный въ свои собственныя думы, Ефраимъ не замѣчалъ, что его сестра Файльхенъ уже нѣсколько недѣль не навѣщала его; Филиппина тоже приходила рѣдко и большею частью съ опечаленнымъ лицомъ, такъ какъ возвращалась сюда отъ больной Файльхенъ. Все время, пока продолжалось помѣшательство Ефраима, Файльхенъ жила въ лихорадочномъ возбужденіи; и днемъ и ночью она переживала

сама всё душевныя муки своего брата. Сквозь все это проходило сознание ея собственной испорченной жизни. Нерѣдко ночью вставала она съ постели, подымала руки къ небу и умоляла его послать ей смерть... Теперь, когда все повидимому снова пошло по прежней колеѣ, Файльхенъ лежала въ тяжелой болѣзни, горячка разрушала ея жизнь; Филиппина почти не отходила отъ ея постели.

Однажды утромъ, когда небо было покрыто тяжелыми дождевыми тучами, Ефраимъ вдругъ пожелалъ прогуляться; Натанъ отправился вмѣстѣ съ нимъ. По несчастью, имъ пришлось пойти мимо еврейскаго кладбища. „Я хочу взглянуть на могилу нашихъ родителей“, сказалъ Ефраимъ. Натанъ пытался отговорить его, но онъ вырвался, взлѣзъ на стѣну и прыгнулъ внизъ; Натанъ поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ. Охвативъ голову руками, Ефраимъ упалъ лицомъ на могилу отца и долго лежалъ на ней безъ движенія... Съ трудомъ удалось Натану поднять его и отвести въ сторону. Уже уходя, онъ еще разъ обернулся и увидѣлъ недалеко отъ могилы отца другую, только что выкопанную и еще не засыпанную.

— Это для меня?—крикнулъ Ефраимъ, прыгнувъ туда и легъ на влажную землю;— ого! она слишкомъ коротка, любезный братъ; отруби мнѣ голову, тогда будетъ какъ разъ по мѣркѣ!

Натанъ въ отчаяніи началъ звать на помощь; въ эту минуту ворота кладбища отворились, шесть человѣкъ вошли съ носилками на рукахъ, за ними слѣдовала вся община. Ефраимъ поднялся на ноги. „Кого вы несете къ своимъ родителямъ?“ крикнулъ онъ изъ глубины могилы... Всѣ въ ужасѣ отступили, носильщики поставили гробъ на землю.

— Твою сестру Файльхенъ!—отвѣчали всѣ разомъ, какъ одинъ человѣкъ.

Ефраима вынули изъ могилы; онъ съ плачемъ бросился на шею брату, потомъ упалъ на землю, сорвалъ съ гроба крышку и цѣловалъ мертвыя губы сестры, тысячу разъ просилъ у нея прощенія, рыдалъ, и кричалъ, и валялся по землѣ.

Натанъ стоялъ въ сторонѣ, какъ оцѣненъый; никто не говорилъ

съ нимъ ни слова, и тутъ онъ почувствовалъ, что значить разъединиться со своими близкими какъ въ жизни, такъ и въ смерти.

Файльхенъ опустили въ могилу; Ефраимъ бросилъ на ея гробъ первую горсть земли и потомъ былъ отвезенъ домой. Цѣлый день и цѣлую ночь сидѣлъ онъ на полу, губы его не раскрылись ни для принятія пищи, ни для произнесенія хотя бы единого слова.

XXVII.

Развязка.

Смерть Файльхенъ и послѣдовавшее затѣмъ въ Ефраимъ внутреннее ослабленіе, которое съ этихъ поръ уже почти не оставляло его, придали своеобразный характеръ жизни, снова къ нему возвратившейся. Для него началось существованіе на лонѣ природы.

По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ въ креслѣ подъ тѣнистыми деревьями Натанова сада, погруженный въ глубокую задумчивость. Послѣ блужданій по разнымъ дорогамъ человѣческаго существованія онъ вернулся туда, гдѣ все вѣчно и неизмѣнно, и дерево сдѣлалось его товарищемъ. Изъ умственныхъ продуктовъ всѣхъ временъ и народовъ осталась наконецъ у него въ рукахъ единственная книга, на которой покоились его глаза уже въ дѣтствѣ, слова которой произносили уже его дѣтскія губы. То были псалмы Давида.

Онъ читалъ ихъ теперь въ подлинникѣ, и эти слова, эти звуки пробуждали предъ нимъ давно исчезнувшую молодость, вѣяли на него свѣжимъ весеннимъ ароматомъ жизни... Иногда онъ сравнивалъ съ подлинникомъ псалмовъ Мендельсоновскій переводъ ихъ и поочередно переносился въ жизнь царя пѣвцовъ и въ жизнь философа, который облегчалъ себя въ тяжелыя минуты тѣмъ, что перекладывалъ слова Давида на свой родной нѣмецкій языкъ.

Часто ночью распѣвалъ Ефраимъ еврейскіе псалмы, и даже Натанъ, не любившій, чтобы его дѣти имѣли случай вспоминать о еврействѣ,

подчинялся обаятельной задушевности этихъ звуковъ и не мѣшалъ брату въ этомъ занятіи.

Однажды въ августѣ разразилась страшная гроза. Первою заботою обитателей дома Натана было увести Ефраима изъ сада, гдѣ онъ сидѣлъ по своему обыкновенію. Но онъ энергически воспротивился и все время грозы оставался подъ своею ивой. Когда же все миновало, его нашли спокойно спящимъ въ креслѣ, съ листкомъ бумаги въ рукѣ, на которомъ были написаны слова: „Хвала Богу послѣ короткой и сильной грозы“, и затѣмъ стихи, начинавшіеся такъ:

„O, schwinge dich aus deiner Hülle
Mein Geist, und steig in heil'ger Stille,
Frei von des Körpers trägen Thon... *

Религіозное успокоеніе заняло съ этихъ поръ въ душѣ Ефраима прочное мѣсто, онъ обрѣлъ его въ набожномъ созерцаніи природы; точно также онъ все больше и больше примирился съ окружающими его людьми, ихъ учрежденіями и нравами. Мягкость его душевнаго настроенія вызывала въ немъ теперь только краткіе звуки, онъ находилъ людей, какъ находилъ и самого себя, лучше и чище. Всѣ относились къ нему съ дружескою и нѣжною предупредительностью, и черезъ это онъ могъ все ближе и правильнѣе узнавать людскую добродѣтель. Умиротворенный и очищенный приближался онъ къ смерти, и отъ всей души молился:

„Gieb Liebe mir für Jedermann,
Von dem du Vater bist;
Er bete wie er will dich an,
Wenn er dein Kind nur ist.
Naht meines Lebens Ende sich,
Ruft mich der Tod ins Grab,
So stärke der Gedanke mich:
Mein Vater ruft mich „ab!“**

* Т. е. „О, мой духъ, вырвись изъ своей оболочки и, освободясь отъ хрупкаго тѣла, унесись на небо въ священномъ молчаніи!“

** Т. е. „Дай мнѣ любовь ко всякому, которому Ты Отецъ; пусть онъ поклоняется Тебѣ какъ хочетъ, лишь бы онъ оставался Твоимъ чадомъ! — Когда наступитъ конецъ моей жизни, когда смерть позоветъ меня въ могилу, — пусть укрѣпляетъ меня мысль, что Отецъ мой требуетъ меня къ себѣ!“

Въ то же время онъ съ мужественною твердостью переносилъ постигнувшія его физическія страданія: параличъ отнялъ у него всю правую сторону и языкъ. Онъ лежалъ неподвижно въ постели и только лѣвою рукою могъ кое-какъ изображать свои желанія. Спокойствіе и тихая покорность судьбѣ были написаны на его лицѣ, часто прикладывая онъ лѣвую руку къ груди, подымалъ глаза къ небу и молился о ниспосланіи ему смерти — не призывая ее гнѣвно и насильственно, какъ въ былые дни, но терпѣливо ожидая ея появленія...

Когда къ нему снова вернулось употребленіе языка, онъ сказалъ своей невѣсткѣ, съ заботливымъ самопожертвованіемъ ухаживавшей за нимъ:

— Я переношу эту болѣзнь гораздо легче, чѣмъ предъидущую, когда былъ пораженъ мой умъ. Неправда, что потерять сознаніе — счастье; одно только сознаніе, хотя бы и скорби и боли, составляетъ жизнь.

Роза проводила большую часть дня у постели Ефрайма, она старалась всячески развлекать его, рассказывала ему, читала вслухъ, даже иногда весело шутила вопреки своему обыкновенію.

Однажды утромъ Ефраймъ уснулъ. „Ты здѣсь, Матильда?“ спросилъ онъ, пробудившись. Роза сильно испугалась, ей показалось, что онъ снова помѣшался, такъ какъ онъ въ то время нѣсколько разъ называлъ ее Матильдой. Ефраймъ нѣсколько минутъ помолчалъ, губы его шевелились, онъ попросилъ невѣстку взять перо и продиктовалъ ей стихи, въ которыхъ является ему въ видѣ утѣшительницы женщина, говорящая: „Я терпѣніе!“

Онъ спросилъ себѣ тетради, въ которыхъ были написаны его стихотворенія, и часто съ тихою тоскою смотрѣлъ на эти страницы; онъ однѣ — думалъ онъ — будутъ свидѣтелями, что тутъ нѣкогда жила и страдала, плакала и смѣялась душа, чтобы въ концѣ концовъ упасть въ объятія смерти... Только невѣсткѣ довѣрялъ онъ свой драгоценнѣйшій

влейнодь, свои стихотворенія, и поэтому шуточно называлъ ее своею „душевною сидѣлкою Хлоей“.

Натанъ иногда рассказывалъ ему о происходившихъ въ это время въ мірѣ событіяхъ. Отечественныя дѣла представляли только мимолетный интересъ; несогласія съ Голландіею выражались въ формѣ кабинетныхъ тайнъ и мелкихъ частныхъ. Гораздо болѣе интересовали дѣла французскія. Удержится ли Некверъ въ кабинетѣ? произойдетъ ли единеніе между дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ? — таковы были вопросы, часто служившіе предметомъ обсуждения. Здѣсь, въ отдаленной Силезіи, въ комнатѣ постепенно умиравшаго человѣка, пренія французскаго національнаго собранія находили звучный и многосторонній отголосокъ, ибо теперь впервые законодателями въ Европѣ обсуждалось то, что уже давно нашло себѣ выраженіе въ книгахъ и обществѣ.

Однажды въ жаркій лѣтній день Натанъ въ сильномъ возбужденіи вошелъ въ комнату больного и воскликнулъ, обращаясь къ находившимся въ ней: „Парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилію; вотъ послушайте!“ Онъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ рассказъ о знаменитомъ событіи... Глаза всего образованнаго міра были въ то время обращены на Версаль и Парижъ; провозглашеніе человѣческихъ правъ, какъ фундаментъ новой конституціи, приобрѣло новому порядку вещей безчисленное количество приверженцевъ, особенно въ Германіи, потому что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, возвышеніе философіи и гуманности на степень государственнаго закона должно было привѣтствоваться, какъ побѣда; вѣдь объ этомъ столько уже толковали въ книгахъ и въ школахъ! Все находилось въ радостномъ ожиданіи. Какъ здѣсь, въ комнатѣ больного Ефраима, такъ и всюду и во всѣхъ семействахъ господствовало сочувственное возбужденіе умовъ...

И Ефраимъ часто произносилъ про себя на еврейскомъ языкѣ слова пророка Захаріи (14, 7): „Наступитъ вечеръ, и будетъ свѣтъ“. Жизнь, казалось, еще разъ вспыхивала въ немъ подобно угасающей лампѣ.

— Горе мнѣ, что я умеръ! — заговорилъ онъ однажды: — вотъ мнѣ приходится лежать здѣсь, заживо умершему... Я слышу на лѣстницѣ шаги возлюбленной и не могу поспѣшить на встрѣчу къ ней, не могу протянуть ей руку; я слышу, какъ люди ходятъ вокругъ меня, и говорятъ, и дѣйствуютъ — слышу и чувствую все это и не въ силахъ встать и присоединиться къ нимъ... О, будь я дѣйствительно мертвецъ!.. Нѣтъ, только день, одинъ только день хотѣлось бы мнѣ жить, вполне жить — и умереть въ борьбѣ!.. Благодарю Тебя, о Господи, за то, что Ты не далъ мнѣ погибнуть въ моихъ скорбяхъ и страданіяхъ, что я вижу еще новый день, вижу свѣтлую утреннюю зарю, слышу миллионы трубъ, земля трепещетъ въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ своихъ, привидѣнія исчезаютъ, цѣпи разбиваются, чешуйчатая броня спадаетъ съ груди моей, нѣтъ болѣе никакихъ предрасудковъ, никакой несправедливости, и сердца людей, соединенныхъ въ братскомъ объятіи, бьются ровно и гармонически.... Прочь весь этотъ вздоръ! — крикнулъ онъ и сбросилъ на полъ лежавшія на столикѣ у кровати свои стихотворенія; — только одну пѣсню хотѣлось бы пропѣть мнѣ, мою лебединую пѣсню, и потомъ умереть!.. Умоляю васъ, не похороните меня за-живо, вонзите ножъ въ грудь мою!..

Такія возбужденія производили самое пагубное дѣйствіе на состояніе здоровья Ефраима; послѣ этихъ припадковъ онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ неподвижно, и только прерывистое дыханіе свидѣтельствовало, что онъ живъ... Приближалась весна, Ефраимъ становился все слабѣе.

— Я чувствую, — сказалъ онъ однажды Розѣ, — мнѣ уже не придется любоваться весенними цвѣтами.... они выростутъ на моей могилѣ...

Роза старалась его успокоить, но онъ просилъ ее написать подъ его диванку эпитафію, которую сочинилъ себѣ, и просилъ такъ убѣдительно, что она исполнила со слезами на глазахъ...

На слѣдующее утро Роза снова сидѣла у постели больного. Онъ дышалъ очень тяжело; свѣжій букетъ фіалокъ, принесенный изъ сада

самою Розою, лежалъ на его одѣялѣ. Ефраимъ проснулся, съ изумленіемъ осмотрѣлся вокругъ, увидѣлъ цвѣты на своей постели, дрожа схватилъ ихъ и прижалъ къ губамъ, съ порывистымъ усиліемъ приподнялся на постели, схватилъ руку Розы, пожалъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Я люблю тебя, Матильда!—простоналъ онъ и снова опрокинулся на постель. Роза громко позвала на помощь. Черезъ часъ Ефраима уже не было на свѣтѣ.

Люди хоронятъ своихъ мертвецовъ. Ефраима тоже похоронили. Роза положила ему на голову сплетенный ею же вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, но еврейскіе могильщики сорвали это украшеніе, не допускаемое еврейскимъ церемоніаломъ.

На еврейскомъ „доброумъ мѣстѣ“ въ Бреславлѣ есть могила, на камнѣ которой написано еврейскими буквами имя Ефраима Мозеса Ку, а подъ нимъ сочиненная самимъ покойникомъ эпитафія:

„Hier liegt der Dichter Kuh,
Den bald des Schicksals Tücke,
Bald auch das schöne Glück,
Geneckt; hier hat er Ruhl.. *

Перев. Петръ Вейбергъ.

* Т. е. „Здѣсь лежитъ поэтъ Ку, котораго дразнило то коварство судьбы, то славное счастье;—здѣсь онъ нашелъ себя успокоеніе!“

РЕЛИГИОЗНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА

ВЪ ЖИЗНИ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Опредѣленіе повѣрія, какъ конкретной основы религіи.—Сходство повѣрій у различныхъ народовъ.— Соціологическое и этнографическое значеніе повѣрій.— Жизненное ихъ значеніе.—Естественный предѣлъ повѣрій.—Переступленіе этого предѣла духовенствомъ и догматизація повѣрій.—Повѣрія въ литературѣ и общій очеркъ развитія ихъ въ еврейской богословской письменности.— Важность въ этомъ отношеніи литературы.— Легенды и обряды, какъ подтвержденія повѣрій.— Сравненіе между еврейскими и иныхъ народовъ повѣрїями.— Классификація источниковъ.— Дѣленіе повѣрій на циклы.

Что такое *повѣріе* и въ чемъ значеніе его, какъ элемента религіознаго?

Слово «повѣріе» принадлежитъ къ числу тѣхъ *условныхъ* терминовъ, которые, не имѣя точнаго, разъ навсегда установленнаго опредѣленія, понимаются при различныхъ условіяхъ весьма различно, и потому нуждаются для каждаго даннаго случая въ особомъ опредѣленіи, которое — претендуетъ-ли оно, или нѣтъ, на всеобщее признаніе—необходимо должно быть точно и неизмѣнно для того особаго случая, коимъ оно непосредственно вызвано.

Повѣріе мы понимаемъ какъ нѣчто среднее между основнымъ религіознымъ *догматомъ* и нерелигіознымъ *суетврїемъ*; съ этими двумя видами вѣры (какъ общаго родового понятія) часто смѣшиваютъ повѣріе, которое дѣйствительно составляетъ совершенно особый третій видъ *.

* Характеръ религіознаго догмата, конечно, не нуждается въ разъясненіи. Суетврїемъ можно называть вѣру въ случайныя знаменія и примѣты, коимъ при-

Повѣрія суть фактически-необходимый придатокъ всякой религіи, придающій ей отгѣнокъ конкретности и общедоступной наглядности. Религія, какъ совокупность догматовъ и предписаній, даетъ абстрактное, идейное міровоззрѣніе; повѣрія же даютъ міровоззрѣніе конкретное, образное, болѣе доступное массѣ. Все, что въ рациональномъ богословіи носитъ характеръ отвлеченности, въ повѣріяхъ принимаетъ характеръ конкретности. Чистая религія даетъ понятіе о Богѣ, какъ о существѣ духовномъ, какъ объ отвлеченной силѣ, произвольно управляющей міромъ *; повѣрія же стремятся очеловѣчить личность Бога, надѣляютъ ее болѣе или менѣе конкретными атрибутами, и вводятъ въ понятія тогъ антропоморфизмъ, отъ котораго не свободна ни одна изъ существующихъ религій. Религія устанавливаетъ догматъ о безсмертіи души и о воздаяніи за гробомъ; народный же разумъ, не постигающій жизни души отдѣльно отъ тѣла, создаетъ цѣлый циклъ представленій объ адѣ и раѣ, гдѣ страданіямъ и удовольствіямъ придается физическій характеръ (а представленія эти мало по малу проникаютъ въ религію и наполовину догматизируются). Теологія допускаетъ существованіе, кромѣ добраго начала, воплощаемаго въ Богѣ, и злаго начала или зла, какъ отвлеченнаго принципа; народная же фантазія создаетъ повѣрія о злыхъ духахъ, нечистыхъ силахъ и чертяхъ, какъ олицетвореніяхъ злаго начала, тогда какъ доброе начало она олицетворяетъ, кромѣ Бога, и въ ангелахъ. Словомъ, во всѣхъ сферахъ вѣры природный умъ народа создаетъ свои представленія, подъ которыми въ слѣдствіи подводитъ недоступныя ему религіозныя отвлеченности. Повѣрія, такимъ образомъ, составляютъ простонародный комментарий къ религіи. Это—опозитизированные догматы. Повѣріе, въ этомъ смыслѣ, тождественно съ религіознымъ *представленіемъ*; догматъ же—съ религіознымъ *понятіемъ* (идеею). Тамъ, гдѣ послѣдній ограничивается только констатированіемъ факта, первый пытается показывать, *какъ* этотъ фактъ совершается. Дѣйствительно, массовому человѣку недостаточно сказать, напримеръ, что его душа будетъ жить, страдать или наслаждаться послѣ

писываютъ пророчательную силу, какъ напр. вѣру въ нашептыванія, заговоры, «сглазиваніе» etc., etc., что очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ религіи и даже ею осуждается. Повѣрія же (какъ, напр., представленія объ адѣ и раѣ) имѣютъ связь съ религіею и болѣею частью поддерживаются ею.

* 3-й членъ еврейскаго символа вѣры гласитъ: «Вѣруемъ, что Богъ безтѣлесенъ и непостижимъ для постигающихъ тѣлесное, и нѣтъ Ему никакого подобія».

смерти, а необходимо опредѣлить ему, *какимъ образомъ* будетъ она жить. Не получивъ такого опредѣленія, онъ уже собственнымъ разумомъ выработаетъ (если уже не выработалъ раньше) какія нибудь представленія касательно занимающаго его предмета, представленія, которыя, въ силу свойствъ его реального ума, будутъ также болѣе или менѣе реальны, конкретны.

Изъ того обстоятельства, что происхожденіе повѣрій основано на психическомъ фактѣ—на стремленіи народнаго ума замѣнять отвлеченныя понятія конкретными представленіями—слѣдуетъ уже а priori, что повѣрія различныхъ народовъ должны имѣть между собою известное сходство, ибо психическіе законы, при равенствѣ другихъ условій, общи для всѣхъ людей. И дѣйствительность, конечно, оправдываетъ это логическое заключеніе. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что основное сходство не исключаетъ и существенныхъ различій, обусловливаемыхъ степенью духовнаго развитія народа, характеромъ его и внѣшними условіями его быта. Представленія, напримѣръ, о загробной жизни далеко не одинаковы у сѣверныхъ и южныхъ народовъ (у первыхъ они болѣе мрачны, нежели у послѣднихъ); равнымъ образомъ представленія о раѣ и адѣ различествуютъ у язычниковъ, евреевъ, христіанъ и магометанъ. Какъ религиозныя догматы, имѣя вездѣ общую основу и известное сходство, все-таки въ разныхъ религіяхъ различествуютъ въ большей или меньшей степени, такъ и повѣрія не вполне одинаковы у различныхъ народовъ и въ различныхъ религіяхъ, но въ каждой имѣютъ свои характерныя особенности.

Новѣйшая социологія (и въ особенности эволюціонная школа Спенсера, Тэйлора и Лэббока), сгруппированіемъ множества фактическихъ данныхъ, взятыхъ изъ всѣхъ эпохъ и племенъ человѣчества, установила истину, что въ порядкѣ развитія (эволюціи) человѣчества конкретныя повѣрія предшествовали отвлеченной догматической религіи; что эта послѣдняя развивалась постепенно изъ первыхъ, такъ какъ по мѣрѣ духовнаго роста человѣчества становилось возможнымъ формулировать отвлеченно то, что прежде понималось конкретно. Повѣрія, согласно этой доктринѣ, составляли первобытную религію всего человѣчества, какъ и понынѣ составляютъ они религію той части человѣчества, которая пребываетъ еще въ первобытномъ состояніи, и господствуютъ у тѣхъ народовъ, которые еще не вполне удалились отъ этого состоянія. Вообще можно установить положеніе, что интенсивность повѣрій въ народѣ, даже цивилизованномъ,

обратно пропорціональна разстоянію, отдѣляющему этотъ народъ отъ первобытной жизни и отъ первобытной культуры.

Таково *соціологическое* значеніе повѣрій, придающее изслѣдованію ихъ большую научную важность. Кроме этого, изслѣдованіе религіозныхъ повѣрій имѣетъ специальное *этнографическое* значеніе, какъ описаніе одной стороны народнаго быта. Но сверхъ этого двоякаго теоретическаго значенія повѣрій, изслѣдованіе ихъ имѣетъ и ближайшее практическое, жизненное значеніе: оно раскрываетъ передъ нами народное міровоззрѣніе. Если религія, въ собственномъ смыслѣ, вліяетъ на умъ и вѣдшее поведеніе народа, то повѣрія имѣютъ громадное вліяніе на религіозное *чувство* массы, даютъ этой массѣ определенное воззрѣніе на міръ, видимый и невидимый, и всегда почти опредѣляютъ ближайшіе внутренніе *мотивы* ея дѣятельности въ сферѣ религіи и нравственности. Нѣтъ, наприимѣръ, сомнѣнія, что конкретныя представленія, составляющія основу повѣрій о загробной жизни, гораздо сильнѣе, чѣмъ отвлеченный догматъ о воздаяніи, вліяютъ на народное воображеніе и внушаютъ массѣ извѣстныя воззрѣнія и сообразныя съ ними правила поведенія.

Хотя въ образованіи повѣрій въ значительной степени участвуетъ воображеніе, которому обыкновенно предѣловъ не полагается, тѣмъ не менѣе и повѣрія имѣютъ свой разумный предѣлъ, переступать который вредно и не религіозно. Повѣрія лишь по столько естественны, по скольку они—продуктъ простонароднаго ума, по скольку они удовлетворяютъ духовной пытливости массы и потребности ея создавать представленія о томъ, о чемъ не можетъ имѣть яснаго понятія, воображать то, чего она не можетъ мыслить. За этимъ предѣломъ начинается область безумнаго мистицизма. И должно замѣтить, что естественный предѣлъ этотъ переступаетъ обыкновенно не масса, а именно люди, стоящіе выше ея въ умственномъ (хотя едва-ли въ нравственномъ) развитіи. Во всѣ вѣка существовали религіозные мистики, экзальтированные тайновидцы, распространявшіе въ народѣ вредныя, нелѣпыя повѣрія и усиливавшіе уже существующія. Яркій этому примѣръ — каббалисты и основатели хасидизма. Гибельное вліяніе подобной искусственной пропаганды на духъ народа — неизмѣримо. Скольку бы повѣрій ни имѣлъ народъ, какія религіозныя представленія ни создавалъ бы онъ,—пока они исходятъ изъ самого народа, они естественны и во всякомъ случаѣ съ ними нужно примириться. Но лишь только въ дѣло вмѣшиваются книжныя мастики—духовному организму народа грозитъ опасность. У массы—умѣренное, здоровое вообра-

женіе, создающее и повѣрія умѣренныя, сообразныя съ природой и простымъ здравымъ смысломъ; у мистиковъ же — большое, извращенное изображение, производящее картины чудовищныя, ужасающія, бессмысленныя. Первые — естественные продукты народнаго духа; послѣдвія — книжныя сверхъестественныя (или, точнѣе, противуестественныя) измышленія, подавляющія и портящія этотъ народный духъ.

Слѣдя исторію религій, мы наталкиваемся на другое явленіе, не менѣе печальное. Мы часто видимъ въ числѣ ревнителей и насаждателей не мистиковъ и экстастовъ, а людей свободныхъ отъ всякаго мистицизма, которые выбираютъ повѣрія не цѣлью, а средствомъ для другихъ цѣлей. Если мистикъ распространяетъ повѣрія и дѣлаетъ ихъ сущностью религіи, то онъ это дѣлаетъ вслѣдствіе своего отшельничества, незнанія жизни и непрактичности; но есть люди, которые дѣлаютъ то же самое уже вслѣдствіе излишней практичности. Послѣднее явленіе особенно рѣзко выступаетъ въ эпохи господства клерикализма, какъ, наприѣръ, въ средніе вѣка. Мы видимъ, какъ католическое духовенство для усиленія своего господства, для порабощенія себѣ (и въ своемъ лицѣ, будто-бы, Богу) темной массы, воспользовалось склонностью ея къ повѣріямъ, которую оно эксплуатировало въ чудовищныхъ размѣрахъ. Оно не только канонизировало не вошедшія въ основной кодексъ христіанства повѣрія, но само изобрѣтало таковыя, основывая ихъ на произвольномъ толкованіи св. писанія. Оно знало, что лучшее средство сдѣлать массу послушной — страхъ, и запугивало ее ужасами геенны огненной, чертовщиной и т. п. Усиливая и распространяя подобныя представленія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ скрывало отъ массы истинные принципы религіи. Чтеніе библіи для мірянъ было почти запрещено, ибо въ ней не было тѣхъ безумныхъ повѣрій и сказокъ, которыми оно страдало народъ. Стремясь къ абсолютной власти надъ умами, духовенство это не только не поднимало народа до своего уровня, но спускалось до него, съ тѣмъ, чтобы глубже погрузить его въ омутъ повѣрій. Какъ мы уже говорили, это явленіе повторяется въ исторіи всѣхъ религій *, — и іудаизмъ, какъ мы это увидимъ ниже, не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; только (замѣтимъ пока) рвеніе еврейскаго духовенства въ дѣлѣ искусственнаго распространенія повѣрій было настолько слабѣе рвенія католическаго духовенства, насколько стремленіе къ мірской власти было слабѣе въ первомъ, чѣмъ въ

* Даже въ протестантствѣ. См. «Исторію цивилизаціи» Бокля, т. II, гл. V.

последнѣмъ, и также на сколько еврейская масса стояла выше въ знаніи св. писанія, чѣмъ масса не-еврейская.

Вмѣстительство духовенства въ область народныхъ повѣрій (слѣдствіемъ чего была догматизація многихъ изъ нихъ) ввело эти послѣднія въ литературу. Знакомые съ богословскою письменностью знаютъ, какое значительное мѣсто занимаетъ въ ней отдѣлъ повѣрій. Вліяніе этой отрасли литературы было тѣмъ сильнѣе, что она состояла большею частью изъ публичныхъ проповѣдей, произносившихся въ церквахъ или синагогахъ и изложенныхъ поэтому популярно. Что еврейская богословская литература, въ этомъ отношеніи, имѣла огромное вліяніе на еврейскую массу, — едва ли нужно доказывать: ни у какого народа такая литература не была такъ тѣсно переплетена съ жизнью, такъ вліятельна и авторитетна, какъ у евреевъ. У этого народа книжниковъ литература всегда имѣла гораздо большее вліяніе на жизнь, чѣмъ жизнь на литературу; послѣдняя часто злоупотребляла своимъ вліяніемъ и деспотически навязывала жизни предписанія, почти невыполнимыя.

Спеціальная литература повѣрій у евреевъ ведетъ свое начало отъ талмудической *агады* (легендарной части), которая сдѣлалась для повѣрій тѣмъ же авторитетнымъ кодексомъ, каковымъ стала галаха для формальной обрядности. За агадой слѣдуютъ гомелитическіе сборники (*мидрашимъ*), комментирующіе библию и долгое время обязательно читавшіеся въ синагогахъ по субботнимъ днямъ (они составлялись въ теченіе перваго тысячелѣтія христіанской эры). Во всей этой литературѣ развитіе повѣрій еще не переступило своего естественнаго предѣла: здѣсь все еще пахнетъ народными преданіями, вѣковыми легендами и поэзіей. Далеко не то мы видимъ въ позднѣйшей литературѣ. Каббала, воцарившаяся съ конца XIII столѣтія и деспотически властвовавшая надъ всѣми умами вплоть до прошлаго вѣка, необыкновенно усилила религиозное значеніе повѣрій, а порожденный ею мистицизмъ, вторгнувшійся въ всѣ сферы духовной жизни еврейства, довелъ развитіе повѣрій до высшей степени. Изъ обширной литературы, возникшей въ теченіе всего этого періода, до сихъ поръ еще черпаютъ матеріалъ для своихъ проповѣдей странствующие еврейскіе проповѣдники (*магидимъ*), часто потрясающіе изображеніемъ загробныхъ мукъ грѣшниковъ сердца своихъ благочестивыхъ слушателей. Вліяніе этихъ проповѣдниковъ на массу извѣстно всякому, знакомому съ дѣломъ. О чрезвычайной популярности упомянутой литературы свидѣтельствуетъ еще и то, что значительная часть ея произведеній, обращающихся въ Россіи, иско-

ни издается въ переводахъ на разговорный еврейскій жаргонъ, печатающихся вмѣстѣ съ текстомъ, и сильно распространена въ массѣ (особенно между женщинами), которой они служатъ главною духовною пищею и матеріаломъ для чтенія въ субботніе и праздничные дни (т. е. *missar-seforim*).

Вѣроятно, изложенныхъ соображеній уже достаточно, чтобы показать значеніе народной литературы для изслѣдованія повѣрій. Но есть и другое соображеніе въ пользу этого положенія: по фактамъ настоящей жизни и по непосредственнымъ изысканіямъ можно судить лишь о существующихъ повѣртіяхъ, рассматривая ихъ такимъ образомъ догматически и какъ бы безъ начала, безъ исторической причинной связи; по многовѣковымъ же литературнымъ памятникамъ мы можемъ прослѣдить историческое *развитіе* повѣрій, что проливаетъ совершенно новый свѣтъ на характеръ послѣднихъ и расширяетъ наше понятіе о нихъ.

Въ виду всего этого, намъ казалось необходимымъ изслѣдовать повѣрія въ жизни въ связи съ развитіемъ ихъ въ литературѣ. Изложеніе наше будетъ и догматически-описательное, и историко-критическое. Кроме этого, мы иногда будемъ ссылаться, въ подтвержденіе описываемыхъ повѣрій, на нѣкоторыя популярныя *легенды*, выражающія въ формѣ разсказа то, что повѣрія выражаютъ въ формѣ тезиса или догмы. Въ агадической и раввинской литературѣ встрѣчается немало донныхъ популярныхъ въ массѣ легендъ, на которыя можно смотрѣть какъ на опоэтизированные повѣрія. Иногда же мы будемъ ссылаться на различные обряды и обычаи, основанные на томъ или другомъ повѣртіи или представленіи, что конечно можетъ служить лучшимъ доказательствомъ влѣятельности послѣднихъ.

Съ цѣлью лучшаго выясненія изслѣдуемаго предмета путемъ метода аналогій, мы иногда будемъ дѣлать сравненія и параллели между повѣртіями еврейскаго народа и представленіями о томъ же предметѣ другихъ народовъ и религій.

Вообще, рассмотрѣніе повѣрій въ жизни и въ литературѣ будетъ имѣть мѣсто лишь настолько, насколько обѣ послѣднія взаимодействуютъ и подтверждаютъ другъ друга. Повѣрія, хотя упоминаемыя въ литературѣ, но не распространенныя въ народѣ, будутъ нами игнорироваться, какъ лишенные жизненнаго значенія. Фактическая распространенность какого либо повѣрія *въ связи* съ литературной его популярностью, — вотъ что можетъ служить мѣриломъ важности этого повѣрія.

Сообразно съ двоякимъ методомъ изложенія этого изслѣдованія—описательнымъ и историко-критическимъ—распредѣляются и источники, которыми мы пользовались. Въ общемъ источники эти распадаются на два разряда: *устный* и *письменный*. Устные источники (сообщенія лицъ, знающихъ дѣло, или лично-вѣрующихъ изъ массы) только подкрѣпили и освѣжили въ нашей памяти всѣ свѣдѣнія, вынесенныя нами изъ прежнихъ личныхъ наблюденій («quorum pars magna fui»...). Въ письменныхъ источникахъ можно различать также два общихъ отдѣла: 1) учено-богословскія авторитетныя произведенія, какъ талмудическая агада, религиозно-философскія произведенія средне-вѣковыхъ раввиновъ, религиозный кодексъ Маймонида и др.; 2) народныя нравоучительныя книги извѣстныхъ раввиновъ и проповѣдниковъ, составляющія религиозное чтеніе массы. Ниже, въ примѣчаніяхъ и ссылкахъ, важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ будутъ указаны.

Для систематизаціи разнообразнаго матеріала, мы раздѣлили всю массу повѣрій на нѣсколько цикловъ, которые въ изложеніи будутъ слѣдовать другъ за другомъ въ порядкѣ ихъ важности и по степени ихъ религиознаго значенія. Первые и важнѣйшіе три цикла, связанные между собою родовою связью, суть: 1) повѣрія о смерти и загробной жизни; 2) о воскресеніи мертвыхъ и 3) о пришествіи Мессіи. Далѣе будутъ слѣдовать циклы повѣрій о чертовщинѣ и нечистыхъ силахъ, о наднебесномъ мірѣ, и въ концѣ—циклъ повѣрій разнородныхъ.

ЦИКЛЪ ПЕРВЫЙ:

Повѣрія о смерти и загробной жизни.

I.

Историческое развитіе представленій о загробной жизни у евреевъ.—Непосредственное посмертное воздаяніе и воскресеніе мертвыхъ.—Три фазиса въ развитіи представленій о загробной жизни.—Въ мозаизмѣ нѣтъ догмата о загробной жизни.—Споръ фарисеевъ и саддукеевъ изъ-за догмата воскресенія мертвыхъ.—Вліяніе эллинизма и христіанства.—Догматъ о загробномъ воздаяніи.—Вѣрованія относительно загробной жизни въ талмуд.—Саадій Гаонъ.—Кодексъ Маймонида.—Споръ изъ-за ученія Маймонида о загробной жизни.—Побѣда реакціи.—Послѣдующая нравоучительная литература.

Представимъ сначала краткій очеркъ *историческаго развитія* представленій о загробной жизни у евреевъ, насколько ходъ этого развитія

можно прослѣдить въ религіозныхъ и главнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ прошлаго. При этомъ намъ придется развитіе представлений о собственно-загробной жизни (о посмертномъ воздаяніи, адѣ, раѣ etc.) разсматривать въ связи съ развитіемъ представлений о конечномъ моментѣ этой жизни—о воскресеніи мертвыхъ: ибо, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ порядкѣ развитія человѣческаго сознанія представленія второго рода предшествовали представленіямъ перваго рода, т. е. *самое върваніе въ тѣлесное воскресеніе было признано раньше, чѣмъ принципъ посмертнаго воздаянія*, не смотря на то, что въ порядкѣ предпологаемаго совершенія въ будущемъ *факта* воскресенія долженъ слѣдовать за фактомъ непосредственнаго загробнаго воздаянія каждому по дѣламъ его.

11-й и 13-й члены символа вѣры, произносимаго каждымъ евреемъ ежедневно по окончаніи утренней молитвы, гласятъ: 11) «Я вѣрую вполне, что Создатель, да благословится имя Его, воздастъ добромъ соблюдающимъ Его заповѣди и наказываетъ нарушающихъ Его заповѣди»; 13) «Я вѣрую вполне, что будетъ воскресеніе мертвыхъ въ то время, когда на то будетъ воля Создателя, да славится имя Его и везоносится память о Немъ во вѣки вѣковъ». Изъ этихъ формулъ явствуетъ, что догматы о загробномъ воздаяніи и догматъ о воскресеніи мертвыхъ официально признаются двумя различными вещами, причѣмъ первый выставляется какъ естественно-нравственный законъ, вытекающій изъ отношенія людей къ Богу, а второй—какъ сверхъестественное чудо, имѣющее въ неопредѣленное время совершиться по произволению Творца. Ниже мы увидимъ, что далеко не всегда признавалось это различіе между двумя вѣрованіями; но фактъ таковъ, что съ конца среднихъ вѣковъ (времени составленія символа вѣры) въ еврейскомъ богословіи установилось положеніе, что существуютъ два періода или состоянія загробной жизни: 1) періодъ *частнаго суда* надъ каждымъ человѣкомъ, какъ духовной единицею, или надъ его «душою», какъ выражаются теологи,—періодъ, слѣдующій непосредственно за смертію, за прекращеніемъ земной жизни человѣка; 2) періодъ всеобщаго тѣлеснаго воскресенія мертвыхъ, которое обыкновенно связывается съ представленіемъ о коллективномъ судѣ Бога надъ человечествомъ и о пришествіи Мессіи. Такое раздѣленіе существуетъ и въ христіанскомъ богословіи, съ тою лишь разницей, что здѣсь актъ воскресенія мертвыхъ гораздо тѣснѣе, нежели у евреевъ, связанъ съ представленіями

о «страшномъ судѣ» и о кончинѣ видимаго міра, а пришествіе Мессіи за-
является вторичнымъ пришествіемъ Христа.

Въ какомъ порядкѣ шло развитіе представленій о загробной жизни
вообще, въ ходѣ умственной культуры человѣчества? Этотъ вопросъ не-
обходимо рѣшить прежде, нежели перейти къ рассмотрѣнію развитія этихъ
представленій у евреевъ въ частности.

Анализируя всю совокупность представленій о загробной жизни, мы
замѣчаемъ, что въ основаніи ихъ лежатъ три различныхъ *принципа*, изъ
коихъ каждому соответствуетъ извѣстная система *вѣрованій*. Эти прин-
ципы суть: 1) *безсмертіе тѣла*, или (по болѣе развитымъ понятіямъ)
способность тѣла быть возсозданнымъ во всѣхъ его земныхъ чертахъ; это-
му принципу соответствуетъ вѣра въ *воскресеніе мертвыхъ* или въ тѣ-
лесную жизнь человѣка за гробомъ; 2) *воздаяніе* каждому человѣку по-
слѣ смерти *по заслугамъ*, т. е. по дѣламъ его въ земной жизни; этому
принципу соответствуютъ вѣра въ судъ Божій надъ людьми и представ-
ленія объ адѣ, раѣ и т. п.; 3) *безсмертіе души*; этому принципу соот-
вѣтствуютъ вѣрованія предвѣдущаго разряда, только въ менѣе матеріаль-
ной формѣ; иногда же онъ остается только принципомъ и не выражается
ни въ какихъ конкретныхъ представленіяхъ. Вдумываясь въ эти принци-
пы, мы замѣчаемъ, что они послѣдовательно идутъ отъ конкретнаго къ
абстрактному, отъ представленій тѣлесныхъ, физическихъ, къ понятіямъ
духовнымъ, отвлеченнымъ; этому же пути слѣдуютъ до извѣстной степени
и соответствующія имъ вѣрованія. А такъ какъ аксіоматически истинно,
что вообще духовное развитіе человѣчества (какъ и индивидуумовъ) шло
также отъ познанія конкретнаго къ познанію абстрактнаго, то нѣтъ со-
мнѣнія, что въ частности и представленія о загробной жизни шли этими
же путемъ. И на этомъ основаніи можно, съ приблизительной достовѣр-
ностью, утверждать, что представленія о загробной жизни прошли, въ по-
рядкѣ развитія человѣчества, три послѣдовательныхъ фазиса, со-
ответствующихъ тремъ вышеуказаннымъ принципамъ, т. е. фазисы тѣ-
леснаго безсмертія, воздаянія по смерти и безсмертія души. Разяснимъ и
докажемъ это положеніе.

1) Научныя изслѣдованія доказали, что у народовъ, стоящихъ на пер-
вобытной ступени культуры, какъ, напр., у нынѣшнихъ дикаихъ племенъ
Африки, Америки и Австраліи, до сихъ поръ преобладаетъ понятіе о смер-
ти, какъ о продолжительномъ обморочномъ состояніи, какъ о временномъ
прекращеніи движенія, которое должно когда нибудь возстановиться. Гру-

бо-реальный и ограниченный умъ дикаря способенъ судить о сложныхъ, сколько нибудь отвлеченныхъ явленіяхъ не посредствомъ анализа (разложенія сложнаго на его элементы), а только посредствомъ аналогіи вновь представляющихся явленій съ тѣмъ маленькимъ количествомъ простыхъ явленій, понятія о которыхъ составляютъ весь его умственный кругозоръ. Таинственное явленіе смерти напоминаетъ дикарю обыденныя явленія сна, обморока, эпилепсіи, съ которыми оно сходно по внѣшнимъ чертамъ; этого внѣшняго сходства ему достаточно, чтобы признать явленіе смерти лишь количественнымъ видоизмѣненіемъ явленій сна или обморока, т. е. признать смерть очень продолжительнымъ сномъ или обморокомъ. А такъ какъ дикарь еще вседневно видитъ, что за сномъ слѣдуетъ пробужденіе и, верѣдь, за обморокомъ — возвращеніе въ чувство, то онъ допускаетъ и для мертвыхъ необходимость пробужденія въ неопредѣленное, неизвѣстное ему время. Въ предположеніи, что мертвецъ можетъ во всякое время «проснуться» въ гробу, онъ его зарываетъ въ землю вмѣстѣ съ большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, кладетъ его въ могилу тамъ, чтобы его не давило и чтобы онъ могъ свободно дышать, отгоняетъ отъ могилы хищныхъ звѣрей, и отъ времени до времени доставляетъ ему пищу и огонь для варенія ея *. Отъ этихъ воззрѣній недалеко уже до поклоненія мертвымъ, какъ существамъ таинственнымъ, и дѣйствительно такое поклоненіе мы встрѣчаемъ не только у болѣе развитыхъ дикарей, но и въ ближайшую доисторическую эпоху южно-европейскихъ народовъ. „Культъ мертвыхъ“ является, согласно изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ, прародителемъ всѣхъ религій. Одинъ выдающійся ученый ** доказалъ справедливость этому положенія въ ходѣ религіознаго развитія древнѣйшихъ греко-италіянскихъ народовъ. Основываясь на обычаяхъ и обрядахъ, сохранившихся до позднѣйшаго времени, этотъ ученый раскрываетъ передъ нами содержаніе древнѣйшей, до-юпитеровской религіи грековъ и италіянцевъ, всецѣло основанной на вѣрѣ въ тѣлесную жизнь мертвыхъ за гробомъ. «Эти народы не вѣрили, что духъ человѣка послѣ смерти восходитъ на небо, въ область свѣта, ибо мысль о переходѣ душъ въ небесное жилище гораздо позднѣйшаго происхожденія на Западъ... По древнѣйшимъ вѣрованіямъ италіянцевъ и грековъ, душа не отправляется жить въ другомъ мірѣ, но остается по

* См. подробно объ этомъ въ «Principles of Sociology» by *Herbert Spencer*, vol I, § 90 и пред.

** *Fustel de Conlanges* въ „La Cité antique“, livre 1: „Antiques croyances“, pp. 7—37 (4 ed. Paris, 1874).

близости людей, *оставаясь жить подъ землею*. Въ теченіе этого второго существованія, *душа остается заключенною въ тѣль* * . Умершіе считались тѣлесно живущими подъ землею и вмѣстѣ съ тѣмъ какими-то высшими существами. Какъ тѣлесно живущимъ, каждая семья доставляла своимъ умершимъ предкамъ, въ извѣстные промежутки времени, пищу и питье, которыя опускались въ могилу; какъ высшимъ существамъ, она имъ поклонялась, молилась на ихъ могилахъ, строила тамъ алтари, на которыхъ приносила жертвы и т. п. **. Изъ этихъ воззрѣній (какъ и изъ воззрѣній дикарей) естественно могло возникнуть понятіе о «воскресеніи» мертвыхъ ко вторичной земной жизни, какъ объ актѣ чисто-физическомъ; но понятія о воздаяніи за гробомъ еще не могло быть, потому что еще не было понятія о всеуправляющемъ Богѣ, не было собственно религіи, если не считать таковою «культъ предковъ», въ которыхъ олицетворяли что-то высшее, но не сверхъчеловѣческое.

2) По мѣрѣ распространенія идеи о міроуправляющемъ Богѣ (или богахъ), внушающемъ людямъ извѣстныя нравственныя заповѣди, возникаетъ понятіе о загробномъ воздаяніи. Это понятіе могло утвердиться въ умахъ только при сильномъ развитіи религіознаго чувства, а также при значительной степени умственнаго развитія. Съ одной стороны, для утвержденія понятія о воздаяніи, религіозное сознаніе народа должно было достигнуть той ступени развитія, когда Богъ разсматривается не только какъ властитель природы, но и какъ законодатель, предписывающій людямъ правила поведенія, слѣдящій за исполненіемъ ихъ, всевидящій и воздѣсущій. Съ другой стороны, принципъ воздаянія есть сложный логическій выводъ изъ факта божественнаго міроуправленія и абсолютной божественной справедливости, такъ какъ безъ вѣры въ загробное воздаяніе нельзя было бы объяснить факта, что силою и рядомъ на землѣ праведникъ страдаетъ, а нечестивый блаженствуетъ. Когда принципъ воздаянія утверждается, въ народѣ начинаютъ возникать соотвѣтствующія представленія о посмертномъ судѣ Божиемъ надъ людьми, о мукахъ ада и блаженствѣ рая. Эллинскіе Тартаръ и Элизіумъ были прототипами ада и рая въ европейской религіозной культурѣ. Въ первоначальной стадіи своего развитія, понятіе воздаянія за гробомъ обыкновенно сливается съ предшествовавшимъ ему въ эволюціонномъ порядкѣ понятіемъ о загробной тѣлесной жизни, а пред-

* La Cité antique, p. 8, passim.

** Ibid, pp. 15—20.

ставленіе о судѣ Божиѣмъ сливается съ представленіемъ о воскресеніи мертвыхъ. Отсюда возникаетъ вѣрованіе, что Богъ воскреситъ мертвыхъ для того, чтобы творить надъ ними окончательный («страшный») судъ. Воскресеніе мертвыхъ теряетъ, такимъ образомъ, свой грубо-естественный характеръ, который оно имѣло въ первый фазисъ, и принимаетъ характеръ сверхъестественнаго, чудеснаго явленія, болѣе отвѣчающій религиозному настроенію разсматриваемаго фазиса. Въ этотъ второй фазисъ загробныя страданія и наслажденія признаются еще чисто-физическими: воскресшій праведникъ блаженствуетъ въ раю, а воскресшій грѣшникъ жарится въ адскомъ пламени.

3) Развѣтіе понятія о безсмертіи души относится уже къ слѣдующему, третьему фазису. Для возникновенія этого понятія необходима такая степень умственнаго развитія, при которой мысль о душѣ, какъ объ отдѣльной отъ тѣла духовной субстанціи, можетъ быть доступна среднему уму; а для этого умъ долженъ обладать значительною силою абстракціи. Соединяясь съ догматомъ о воздаяніи, принципъ безсмертія души порождаетъ вѣрованіе, что *душа* каждаго человѣка, по разлученіи съ тѣломъ, т. е. тотчасъ послѣ смерти, идетъ или въ жилище блаженства—въ рай, или въ жилище страданія—въ адъ, смотря по заслугамъ умершаго. Такимъ образомъ, небесный судъ переносится съ момента воскресенія на моментъ, непосредственно слѣдующій за смертью. Но тутъ возникаетъ существенное затрудненіе: человѣческому уму непонятно и непостижимо, какимъ образомъ душа, составляющая *сущность*, нѣчто чисто-духовное, безтѣлесное, можетъ, въ отдѣльности отъ чего-нибудь физическаго, испытывать страданіе или удовольствіе? Изъ этого затрудненія люди различныхъ направленій старались выпутаться различными образомъ. Философы, признающіе безсмертіе души, обыкновенно совсѣмъ игнорировали догматъ о воздаяніи. Теологи-раціоналисты рѣшаютъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: Вознагражденіе или наказаніе,—учать они,—получить таки одна только душа, безъ тѣла; и то и другое будетъ для нея крайне чувствительно; но мы, пребывая въ брэнномъ тѣлѣ, физически не можемъ постигнуть жизни души безъ тѣла, между тѣмъ какъ, по отдѣленіи души отъ ея смертной оболочки, она узритъ совершенно новый свѣтъ, и наше духовное «я» будетъ тогда испытывать удовольствіе или страданіе также чисто-духовнаго свойства. Теологи-ортодоксы допускаютъ компромиссъ, согласно которому душа, для пріятія наказанія или пагражденія, приобретаетъ нѣкоторую тѣлесность, напр. тѣлесныя чувства; не довольствуясь этимъ, они еще допускаютъ, что будетъ

вторичный судъ надъ людьми послѣ тѣлеснаго воскресенія мертвыхъ, — и нѣкоторые богословы признаютъ настоящимъ и дѣйствительнымъ только этотъ вторичный судъ — надъ существами тѣлесными, судъ же посмертный считаютъ «несовершеннымъ». Что же касается народной массы, то для нея отвлеченный принципъ безсмертія души остается безъ всякихъ практическихъ результатовъ: она и посмертный судъ, и судъ послѣ воскресенія представляетъ себѣ въ формѣ матеріальной; адъ для нея — мѣсто физическихъ мученій, рай — мѣсто таковыхъ же наслажденій; другихъ понятій объ этихъ предметахъ она имѣть не можетъ, такъ какъ она не обладаетъ требуемою силою абстракціи.

И такъ, въ общемъ ходѣ развитія человѣческаго сознанія, вѣра въ воскресеніе мертвыхъ (какъ въ актъ физической) предшествовала вѣрѣ въ воздаяніе послѣ смерти, а послѣдняя предшествовала понятію о безсмертіи души. Совокупность и взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ и связанныхъ съ ними представленій породили нашу теперешнюю систему представленій о загробной жизни. — Теперь рассмотримъ, въ какой послѣдовательности шло развитіе этихъ элементовъ въ религіозной исторіи еврейства.

Изъ трехъ кодексовъ, составляющихъ основу трехъ міровыхъ монотеистическихъ религій, *Евангеліе* даетъ довольно обширное, хотя и не вполне доступное понятіе о загробной жизни и въ особенности о конечномъ ея моментѣ — о тѣлесномъ воскресеніи и «страшномъ судѣ»; Магометовъ *Коранъ* также даетъ правовѣрнымъ понятіе о загробной жизни, причѣмъ дается преобладаніе представленіямъ чувственнымъ, приближающимъ «царство небесное» къ царству земному; *Библия же* (т. е. ветхій завѣтъ) *не даетъ ровно никакого понятія о загробной жизни.* Ядро Библии, Пятикнижіе Моисеево, не представляетъ даже намека на возможность существованія для людей иного міра, кромѣ земного; въ немъ ничего не упоминается о жизни послѣ смерти, о наказаніи или награжденіи за гробомъ, объ адѣ и раѣ и т. п. Богословы всегда старались доказывать, что въ Ветхомъ Завѣтѣ есть несомнѣнныя указанія на догматы загробной жизни, и приводили въ пользу этого мнѣнія разные доводы, — но то, что убѣдительно для теолога, не всегда убѣдительно для свѣтскаго ученаго, или даже для простого смертнаго. Положительныхъ же указаній на загробное существованіе не только нѣтъ въ Библии но у пророковъ и гагіографовъ встрѣчаются даже выраженія, какъ бы отрицательно от-

носящіяся къ этому вѣрованію вообще *. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ выраженіи Экклезіаста (XII, 7): «И возвратится прахъ на землю, каковыи былъ, а духъ возвратится къ Богу, давшему его» — указаніе на безсмертіе. Но, во первыхъ, въ томъ же Экклезіастѣ (III, 21) говорится: «Кто знаетъ, дѣйствительно ли духъ человѣческой восходитъ вверхъ, а духъ животнаго нисходитъ внизъ, въ землю?» и тамъ же (IX, 10): «Ибо нѣтъ ни дѣла, ни отчета, ни мудрости въ могилѣ, въ которую ты идешь!» Во вторыхъ же, научная критика давно уже неспориимо доказала, что составленіе этой книги относится къ позднѣйшей эпохѣ Маккавеевъ, когда (какъ увидимъ ниже) идеи о безсмертіи и воздаяніи уже начали бродить въ высшихъ слояхъ еврейства, такъ что Экклезіастъ былъ только отраженіемъ тогдашней идейной борьбы, вслѣдствіе чего онъ и полонъ противорѣчій. Вся книга Іова можетъ служить торжественнымъ доказательствомъ того, что начало загробной жизни было совершенно чуждо древнѣйшему іудаизму. Во всей книгѣ рѣчь идетъ исключительно о земныхъ страданіяхъ, вся она переполнена религиозными жалобами Іова на Провидѣніе, — и ни одинъ изъ друзей — утѣшителей этого страдальца, усомнившись въ благодати Божіей, ни словомъ не намекаетъ на обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ утѣшеніе вѣрою въ загробную жизнь, надеждою на вознагражденіе за всѣ страданія въ томъ мірѣ и т. п. Всѣ друзья наперерывъ утѣшаютъ Іова надеждою на скорое выздоровленіе, на возвращеніе имуществъ, или же убѣждаютъ въ тщетности жалобъ противъ всемогущаго Бога, для котораго человѣкъ — «тѣнь скоропреходящая». Очевидно, что иного, болѣе существеннаго утѣшенія, въ родѣ воздаянія или безсмертія, они не могли ему представить **.

Виднѣть-ли Моисею въ заслугу, или въ вину то, что онъ игнорировалъ начало загробной жизни, — это вопросъ принципиальный, рѣшеніе коего зависитъ отъ того или другаго склада убѣжденій, — но фактъ таковъ, что мозаизмъ, оставаясь вѣренъ себѣ и логически послѣдовательнымъ, не могъ включать въ свой составъ догматъ о загробномъ существованіи. Древній мозаизмъ не былъ въ существѣ своемъ чисто-религиознымъ ученіемъ;

* Ср. напр. Псалмы VI, 6: «Ибо нѣтъ во смерти воспоминаніа о Тебѣ (Богѣ), въ Шололь (могилѣ) кто же будетъ тебя восхвалять?» Эта же мысль въ иной формѣ выражена тамъ же XXX, 10 и LXXXVIII, 11—13; также въ *Isciah* XXXVIII, 18 и въ другихъ мѣстахъ.

** См. Симковича «Der Positivismus im Mosaismus», pp. 128—30, Wien, 1880).

это было прежде всего общественно-государственное учение съ религиозной подкладкой. Вся законодательная дѣятельность Моисея направлена къ устройенію *государственнаго* порядка *на основаніи* религіи, т. е. на основаніи вѣры, что Богъ есть дѣйствительный царь Израиля, которымъ управляетъ посредствомъ данныхъ черезъ Моисея законовъ. Все индивидуальное, касающееся жизни личности, имѣло для Моисея значеніе лишь настолько, насколько регулированіемъ этой индивидуальной жизни можно было упрочить общественный порядокъ. Онъ общалъ евреямъ вознагражденіе за исполненіе Божіихъ заповѣдей и грозилъ наказаніемъ за ослушаніе—не въ загробной жизни, а здѣсь же на землѣ: вознагражденіе въ видѣ матеріальнаго благосостоянія, наказаніе — въ образѣ карательныхъ приговоровъ земныхъ судей, или въ видѣ матеріальныхъ бѣдствій, Богомъ ниспосылаемыхъ (Второзаконіе, вся 28 глава и мн. др.). Да и тутъ Моисей чаще касается націи въ цѣломъ, нежели отдѣльныхъ личностей: онъ общаетъ *народу* общественное благосостояніе въ случаѣ соблюденія заповѣдей Божіихъ, и грозитъ соціальными бѣдствіями въ случаѣ несоблюденія, какъ, напр., въ случаѣ соvrращенія въ язычество (Левитъ, гл. 33. Второзаконіе, гл. 30 и мн. др. мѣста). То же самое дѣлалъ впоследствии и пророки, грозившіе евреямъ за отвращеніе отъ Бога *національными* бѣдствіями, но никогда—загробными страданіями. Вводить въ религію послѣдняго рода понятія было несоотвѣтственно съ чисто-утилитарнымъ и практическимъ мозаизмомъ,—и вотъ почему мы тамъ не находимъ никакихъ указаній касательно таинственной области, въ которой теряется конецъ человѣческаго земнаго бытія, никакихъ представленій о мірѣ загробномъ, адѣ, раѣ, воскресеніи и т. п.

Но если всѣхъ этихъ вѣрованій не было въ ученіи Моисеевомъ, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что они не существовали въ народѣ, въ массѣ? Мы думаемъ, что вовсе не слѣдуетъ. Было-бы ошибочно по характеру одного законодательства судить о характерѣ всего народа. Темная масса всегда болѣе склонна къ мистическимъ представленіямъ, чѣмъ государственные люди и законодатели. Исторія и факты намъ доказываютъ, что мистическія представленія, относящіяся къ жизни за гробомъ, присущи человѣческимъ племенамъ на самой ранней ступени развитія. Едва-ли есть основаніе полагать, что отъ этихъ представленій былъ свободенъ народъ израильскій, который въ теченіе цѣлыхъ восьми вѣковъ, прошедшихъ отъ Моисея до вавилонскаго плѣненія, такъ мало былъ проникнутъ трезвыми идеями своего великаго законодателя, что непрерывно впадалъ въ языче-

ство и, безъ сомнѣнія, не былъ чуждъ и языческихъ вѣрованій относительно загробной жизни. Въ народной массѣ несомнѣнно жили и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе подобныя апокрифическія вѣрованія, и жили они не смотря на противодѣйствіе закона, на обличенія пророковъ и наставленія духовенства. А если это такъ (въ чемъ для насъ нѣтъ сомнѣнія), то развитие упомянутыхъ вѣрованій должно было подчиниться всеобщему закону о переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному, т. е. вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, какъ въ физическій актъ, вытекающій изъ начала безсмертія тѣлеснаго, должна была предшествовать вѣрѣ въ воздаяніе за гробомъ, внушаемое сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ; а вѣра въ воздаяніе должна была предшествовать отвлеченному принципу безсмертія души и о духовной жизни за гробомъ. Это апріорное заключеніе подтверждается въ дальнѣйшемъ ходѣ еврейской исторіи.

Повѣрія о загробной жизни и воскресеніи мертвыхъ (повѣрія, несомнѣнно, матеріалистическія, въ духѣ древнѣйшихъ греко-римскихъ или первобытныхъ) продолжали жить въ народныхъ преданіяхъ, но очень долго не проявлялись въ письменныхъ памятникахъ. Впервые они выступаютъ на сцену въ эпоху Маккавеевъ, во второмъ столѣтіи до Р. Х., въ борьбѣ фарисеевъ съ саддукеями. Изъ исторіи этой борьбы мы видимъ, что народъ не напрасно въ теченіе многихъ вѣковъ питалъ вѣрованія, не предписанныя религіознымъ закономъ: въ теченіе этого времени, вѣрованія въ загробную жизнь успѣли пустить такіе глубокіе корни въ народномъ сознаниі, что новые учителя народа и хранители закона—практическіе фарисеи—не могли не дать имъ религіозной санкціи, и вынуждены были включить ихъ въ составъ обширной группы нововведеній и прибавленій въ Моисееву законъ, которыя еще съ эпохи Эздры стали вводиться въ религіозный кодексъ евреевъ и впоследствии составили вторую Библію—Мишну. Такимъ образомъ, догматъ воскресенія мертвыхъ חיים מתים былъ введенъ въ еврейское вѣроученіе официально. Но это нововведеніе встрѣтило отчаянную оппозицію со стороны саддукееевъ—сторонниковъ чистаго мозаизма и ревнителей буквальнаго толкованія Пятикнижія. Саддукеи отрицали новый догматъ, основываясь на томъ, что у Моисея о немъ ничего не упомянуто *. Здѣсь не мѣсто рассказывать исторію этой знаменитой борьбы между саддукеями и фарисеями; для насъ имѣетъ значеніе лишь

* См. Талмудъ, Берахотъ 63-я (мишна); Сангедрия 90 и сл.; Евангеліе отъ Матвея XXII, 23 и сл.; Josephi Flavii, Antiq. Judaeorum, lib. XVIII, cap. 3—4.

ей результатъ: побѣда осталась на сторонѣ фарисеевъ, т. е. на сторонѣ общенароднаго преданія.

Около этого же времени (въ I вѣкѣ до Р. Х.) въ Иудеѣ достигли сильнаго распространения эллинскія идеи, и въ особенности мистико-метафизическія понятія александрійскій школы, корифеемъ которой вскорѣ сдѣлался еврей Филонъ. Между Александріею и Іерусалимомъ установились въ то время, кромя торговыхъ сношеній, и сношенія духовныя, живой обмѣнъ идей. Безсмертіе души было главнымъ центромъ этого философскаго движенія. Тайна жизни и смерти, тайны загробной жизни волновали всѣ умы въ эту великую и таинственную эпоху. Возникаютъ мистическія секты эссеевъ и терапевтовъ, углубляющихся въ созерцательную жизнь. Къ этому же времени возникаетъ на еврейской почвѣ христіанство, гдѣ вѣрованіе въ воздаяніе за гробомъ, связанное съ догматомъ воскресенія мертвыхъ, уже сильно развито. Все это не могло остаться безъ вліянія на развитіе этихъ же вѣрованій въ еврействѣ. Высшіе философскіе умы прониклись понятіями о безсмертіи души; ортодоксально-религіозные представители тогдашняго еврейства горячо проповѣдывали принципъ воздаянія за гробомъ; а масса электризировалась воскресеніемъ мертвыхъ, страшнымъ судомъ, адомъ и раемъ.

Особенно сильнаго развитія въ литературѣ достигаетъ въ это время понятіе о воздаяніи за гробомъ (מלך אלהים). Въ «этическомъ трактатѣ» мишны «Ширке-Аботъ», составившемся между вторымъ вѣкомъ до — и вторымъ вѣкомъ послѣ христіанской эры и заключающемъ въ себѣ изреченія авторитѣтнѣйшихъ «отцовъ синагоги»,—въ этомъ трактатѣ догматы загробнаго воздаянія весьма значительно развиты и прихвненъ къ этикѣ. «Знай, что надъ тобою есть око видящее, ухо слышащее, и что всѣ дѣянія твои въ книгу записываются» (Ширке-Аботъ II, 1),—говоритъ р. Іегуда Ганаси, патриархъ палестинскій и редакторъ мишны. «Вдумывайся въ три вещи— и ты не дойдешь до грѣха: знай, откуда ты пришелъ, куда ты идешь и кому ты долженъ будешь отдавать отчетъ; пришелъ ты изъ мѣста нечистаго, идешь ты въ мѣсто, гдѣ прахъ, черви и гады, а отчетъ долженъ ты отдавать на судѣ передъ Царемъ Царей, да благословится имя Его» (III, 1). Понятіе о ничтожествѣ «этого міра» передъ «миромъ будущимъ», загробнымъ, здѣсь особенно убѣдительно проводится. «Этотъ міръ есть только передняя предъ будущимъ міромъ; приготовься въ передней, дабы быть впущеннымъ въ самый чертогъ» (IV, 16). Въ «Ширке-Аботъ» мы, впервые въ еврейской литературѣ, встрѣчаемъ выраженія «геенна»

(адъ) и «эдемъ» (рай) *; но указаній на характеръ ада и рая мы здѣсь никакихъ не находимъ. Вообще, въ этой чисто-этической книгѣ догматъ загробнаго воздаянія разсматривается совершенно независимо отъ догмата воскресенія мертвыхъ, о которомъ тамъ даже не упоминается. Но такія понятія развивались только въ литературѣ, которая, какъ продуктъ передовыхъ умовъ, всегда выражаетъ идеи этихъ послѣднихъ, а не простой массы. Каковы были въ то время повѣрія о загробной жизни въ *народъ*, можно себѣ представить приблизительное понятіе: повѣрія эти, несомнѣнно, были весьма близки къ христіанскимъ представленіямъ о загробномъ мірѣ, какъ они выражены въ новомъ заветѣ, т. е. главный судъ надъ людьми предполагался *послѣ* воскресенія мертвыхъ, которое для этого и совершится. Однако, и въ литературѣ вопросъ о *порядкѣ и формѣ* загробной жизни остался еще неразъясненнымъ. Этотъ-то вопросъ взялась рѣшить талмудическая *агада*, которая сдѣлалась исходнымъ пунктомъ и какъ-бы основнымъ кодексомъ всей послѣдующей литературы по этому предмету.

Разсужденія объ «Olam ha'bah» (мірѣ будущемъ) составляютъ важнейшую часть этого обширнаго, энциклопедическаго отдѣла талмуда—агады. Разсужденія эти во множествѣ разбросаны по всѣмъ трактатамъ талмуда; всѣ они вращаются преимущественно около подробностей и частности; весьма рѣдко встрѣчается въ нихъ что нибудь общее, принципиальное; и наконецъ всей этой беспорядочной массѣ разсужденій не подведено никакого итога, никакого обобщенія. Все это, конечно, сильно затрудняетъ изслѣдованіе, имѣющее цѣлью обобщеніе, но все-таки не дѣлаетъ послѣдняго невозможнымъ. Не касаясь въ настоящей главѣ самаго содержанія агадическихъ представленій о загробной жизни, такъ какъ объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, при описаніи существующихъ *народныхъ* объ этомъ предметѣ повѣрій, для которыхъ агадическія сказанія послужили главнымъ основаніемъ, — мы теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ этихъ сказаній и сдѣлаемъ обобщеніе талмудическаго ученія о загробной жизни.

По отношенію къ общему характеру талмудическихъ представленій о загробной жизни, слѣдуетъ замѣтить, что преобладаетъ въ нихъ элементъ

---

* „Человѣкъ дерзкій пойдетъ въ геенну, а стыдливый—въ эдемъ“ (Аבותъ X, 20); люди завистливые и гордые попадутъ „въ геенну и въ преисподнюю“, а смиренные и доброжелательные—въ рай (V, 20); „Слишкомъ много болтающей съ женщинами въ концѣ концовъ попадетъ въ геенну“ (I, 5).

матеріалистической. Агада даетъ совершенно конкретныя представленія о вѣкъ сторонахъ загробной жизни, — представленія, не мало смущавшія впоследствии философскіе умы въ еврействѣ. Правда, въ агадѣ иногда встрѣчаются и рациональныя понятія, въ родѣ мнѣнія Рава, что «въ будущемъ мірѣ нѣтъ ни ѣды, ни питья, ни половыхъ сношеній, ни торговли, ни зависти, ни вражды, ни содерничества, а только праведники сидятъ съ вѣнцами на головахъ и наслаждаются сіяніемъ лика Божія, (Берахотъ, 17). Здѣсь представленія объ одной сторонѣ загробной жизни (рѣчь идетъ о жизни въ раю) нѣсколько абстрагировано, въ смыслѣ преобладанія духовныхъ наслажденій надъ физическими; но такія мнѣнія — совершенно единичныя въ талмудѣ. Большею частью агадическія представленія отличаются конкретностью и простою реальностью, свойственною чисто-народнымъ повѣріямъ. Рай представляется чуднымъ мѣстомъ, гдѣ праведники ѣдятъ на золотыхъ столахъ (*таанитъ*, 24), веселятся и пляшутъ (тамъ же, 31), стоятъ подъ балдахинами и получаютъ всяческія почести (*Баббата*, 75); геенна же изображается колоссальною огненною печью, въ 3600 разъ превосходящую своею величиною земной шаръ (*Таанитъ*, 10), гдѣ тѣла грѣшниковъ жарятся и впоследствии обращаются въ пепель (Рошъ-гашана, 16—17), не безъ надежды, однакожь, съ теченіемъ времени, по искупленіи грѣховъ, воскреснуть къ жизни райской. Самый судъ Божій изображенъ въ многихъ мѣстахъ въ реальныхъ и поэтическихъ чертахъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что агадическія представленія о загробной жизни отличаются крайнею простотою, естественностью (насколько это возможно для явленій по существу сверхъестественныхъ), умѣренностью и отсутствіемъ всякаго мистицизма; здѣсь чувствуется здоровая, народная фантазія, не извращенная еще чудовищными измышленіями кабалистовъ и полусумасшедшихъ мистиковъ.

Но что съ другой стороны характеризуетъ талмудическое ученіе о загробной жизни—это полнѣйшая его бессистемность, обиліе мелкихъ частей и отсутствіе общихъ началъ,—качества, впрочемъ, легко объяснимыя въ ученіи, составившемся многими лицами въ теченіе пяти столѣтій. Главное, что здѣсь бросается въ глаза—это отсутствіе разграничительной линіи между начальнымъ и конечнымъ періодами загробной жизни, между моментомъ частнаго суда, слѣдующимъ непосредственно за смертью чловѣка, и моментомъ всеобщаго суда, слѣдующимъ за воскресеніемъ мертвыхъ. Вслѣдствіе этого, часто весьма трудно бываетъ опредѣлить, къ какому изъ этихъ моментовъ относится то или другое указаніе талмуда. Что

сами талмудисты различали эти два состоянія загробной жизни—въ этомъ нѣтъ сомнѣнйя, тѣмъ болѣе, что характеры ихъ слишкомъ различны, чтобы ихъ можно было смѣшивать; но они не провели между ними опредѣленной демаркационной линйи. Замѣтно вообще, что они клонятъ центръ тяжести въ сторону догмата воскресенйя мертвыхъ, изъ-за котораго не задолго передъ тѣмъ такъ ожесточенно ломались копыя; повидимому, судъ послѣ воскресенйя мертвыхъ считается у нихъ болѣе важнымъ и существеннымъ, чѣмъ индивидуальный посмертный судъ. Но съ другой стороны и послѣднйй, гораздо логичнѣе выражающйй догматъ воздаянйя, далеко не оставляется агадистами безъ вниманйя; они наоборотъ, очень часто касаются этого момента, особенно со стороны детальной. И если основываться на нѣсколько разъ повторяемомъ въ талмудѣ мнѣнйи, что послѣ воскресенйя мертвыхъ (которое предполагается не на небѣ, а на землѣ), не будетъ геенны, а только Богъ извлечетъ солнце изъ его оболочки, и грѣшники будутъ сожжены имъ, а праведники испѣляются черезъ него, (*Аб-да-Зара*, 4—5 и др.),—то можно было-бы даже всѣ талмудическйя указанйя относительно ада и рая отнести къ моменту посмертнаго суда. Но такое заключенйе было бы слишкомъ смѣло, въ виду того, что въ талмудѣ нерѣдко встрѣчаются не вполне согласныя между собою мнѣнйя, и если желать вывести какое нибудь основательное заключенйе, то надо принимать во вниманйе преобладающйя мнѣнйя. Такимъ образомъ, систематизацйю талмудическйхъ сужденйй приходится дѣлать *a posteriori*, т. е. при распрѣсленнйи ихъ по той или другой группѣ повѣрйй необходимо въ сомнительныхъ случаяхъ руководствоваться указанйями послѣдующей раввинской, комментаторской литературы, а главнымъ образомъ—сферой фактическаго влйянйя того или другаго изъ этихъ сужденйй. Тѣ изъ сомнительныхъ мнѣстй талмуда, которыя искони, и въ литературѣ, и въ жизни, относились къ моменту посмертнаго суда, должны къ послѣднему и причисляться; а тѣ, которыя такимъ же образомъ относились къ моменту послѣ-воскреснаго суда, составляютъ фактическую принадлежность сего послѣдняго.

М. Метцлавскйй.

(Продолженйе будетъ).

ПРОРОКИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ ЭДУАРДА РЕЙССА.

III *.

Чтобы снова возвратиться къ пророкамъ-писателямъ, единственнымъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ совершенно точное мнѣніе, мы считаемъ необходимымъ охарактеризовать болѣе специальнымъ образомъ ихъ ученіе, по ихъ произведеніямъ. Эта задача очень легкая. Все, что относится къ ихъ идеямъ религіознымъ, нравственнымъ, социальнымъ, мы тамъ находимъ выраженнымъ съ самою совершенною ясностью. И если при чтеніи ихъ текстовъ, мы довольно часто видимъ себя остановленными темными мѣстами, иногда даже неодолимыми, приводящими въ отчаяніе трудностями, то это менѣе часто происходитъ отъ нашего несовершеннаго знанія ихъ языка, чѣмъ отъ многочисленныхъ и непрерывныхъ намековъ на историческія подробности, которыя намъ неизвѣстны, но которыя бы для насъ не имѣли важнаго значенія, если бы даже мы ихъ и знали точнѣе. Что же касается другого элемента, то онъ не содержитъ для насъ никакой тайны. Мы понимаемъ его предметъ и его тенденцію теперь еще точно такъ же какъ и современники авторовъ, и во всякомъ случаѣ лучше тѣхъ, которые въ теченіе болѣе двадцати вѣковъ искали у пророковъ такихъ вещей, о которыхъ тѣ никогда не думали.

Теологія пророковъ (если только хотятъ пользоваться этимъ слишкомъ претенціознымъ терминомъ тамъ, гдѣ нѣтъ система-

* См. «Восходъ», кн. X.

тически изложенныхъ догматовъ) сводится къ небольшому числу общихъ принциповъ, до того простыхъ, что въ сравненіи съ догматикою, развитою изъ евангельскаго ученія, они почти могутъ быть уподоблены тому, что мы называемъ естественною религіею. Поспѣшимъ однако прибавить, что основа ихъ совершенно другая и что они никоимъ образомъ не казались такими тѣмъ, которые ихъ исповѣдывали и провозглашали. Для нихъ все, что они говорятъ, внушено имъ непосредственно свыше; они себя считаютъ органами божественнаго откровенія; они чувствуютъ себя вдохновенными, одушевленными духомъ Іеговы, и если всѣ ихъ рѣчи начинаются этими словами: «вотъ что говорить Предвѣчный», то это у нихъ, безъ сомнѣнія, не условная фраза, еще меньше—тщеславная аффектація, но дѣйствіе глубокаго убѣжденія, сильнаго, неодолимаго движенія души, которая ищетъ и находитъ свою опору въ непосредственномъ сообщеніи съ источникомъ всякой истины, всякаго блага, и это съ тѣмъ болѣе твердою увѣренностью. что она сознаетъ себя въ борьбѣ съ враждебнымъ и индифферентнымъ міромъ, который ее окружаетъ и борется противъ нея, и котораго сопротивленіе и косность она старается побѣдить. Ибо истинные пророки всегда были только тамъ, гдѣ борьба, которая рѣшаетъ духовное направленіе человѣчества, требуетъ и вызываетъ развитіе нравственной силы, которую человѣкъ, если его искренность находится на высотѣ его преданности идеѣ, будетъ тщательно избѣгать приписывать лично себѣ самому. Впрочемъ, это именно убѣжденіе о себѣ, какъ объ органѣ Божьемъ, эта непосредственность сношенія между духомъ, который даетъ, и разумомъ, который принимаетъ, могли въ формѣ рѣчи привести до извѣстнаго рода отождествленія лицъ; и во многихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ читатель могъ бы колебаться при желаніи различать, какое именно лицо говорить, будетъ болѣе справедливо сказать, что вовсе не надо дѣлать различія. Понимая такимъ образомъ вдохновеніе пророковъ, мы сознательно и рѣшительно устраняемъ установившееся понятіе, представляющее себѣ это вдохновеніе чисто механическимъ фактомъ, т. е. какъ дѣйствіе духа Господняго на духъ человѣческой, совершающееся такимъ

образомъ, что сей послѣдній остается совершенно пассивнымъ *, и поэтому долженъ говорить вещи, абсолютно чуждыя его кругу, а посему и непонятныя поколѣнію, къ которому они обращались. Въ старое время и даже недавно еще это понятіе довели до такой степени, что сравнивали пророковъ съ музыкальными инструментами, которые производятъ звуки по желанію артиста, ими управляющаго, безъ всякаго сознанія о томъ, что они дѣлаютъ. Думали, что, такимъ образомъ, если отдѣлять ихъ вполне отъ остальныхъ смертныхъ, съ которыми они даже не раздѣляютъ выгоду—разсуждать и думать, то ихъ авторитетъ и ихъ достоинство больше возвысятся и будутъ внушать больше благоговѣнія. И не видѣли, что у нихъ отнимаютъ всякое личное значеніе, что ихъ низводятъ до степени машины, и лишаютъ всякаго права на удивленіе потомства, которое имъ будетъ воздаваться на столько, на сколько были велики ихъ личное побужденіе и дѣятельность въ исполненіи возложенной на нихъ Провидѣніемъ задачи. Кромѣ того, извращаютъ понятіе пророчества, приписывая ему какъ главную задачу, миссію — предсказывать отдѣльныя подробности исторіи отдаленнаго вѣка, между тѣмъ, какъ вся дѣятельность его представителей, всѣ ихъ усилія сосредоточивались на современныхъ нуждахъ, на томъ, что было самаго животрепещущаго и неотложнаго, и даже ихъ картины будущаго, которыя они любятъ начерчивать, всегда тѣсно связаны съ вѣроятными результатами ихъ ученія и относятся, слѣдовательно, къ судьбамъ современнаго поколѣнія. Но слѣдуетъ разъ навсегда отмѣтить еще одинъ предразсудокъ, предразсудокъ тоже такого характера, что можетъ уменьшить славу еврейскихъ пророковъ и который раздѣляется многими людьми, однако очень мало расположенными принять точку зрѣнія, опровергнутую нами выше. Онъ состоитъ въ томъ, что будто ораторы монотеизма и теократіи были просто толкователями моисеева законодательства, и что ихъ цѣль была единственно—дѣлать извѣстными и заставлять почитать предписанія, давно

---

* См. лучше объ этомъ рѣшительное заявленіе св. Павла, 1-е посл. къ Кор. XIV, 32.

уже формулированные, но забытые испорченнымъ выродившимся населениемъ. Еслибы это утверждение состояло въ томъ, что пророки всѣхъ вѣковъ провозглашали тѣ же принципы, которые провозгласилъ нѣкогда Моисей, то мы бы противъ этого ничего не стали возражать. Но не такъ понимается это утверждение. Говорятъ, что писанный законъ, такой, какимъ мы имѣемъ его теперь, составлялъ источникъ, откуда пророки черпали, служилъ текстомъ, который они комментировали. Противъ этого-то мы возстаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Никогда древніе пророки не ссылаются на писанный и официально провозглашенный кодексъ. Иерміагу—первый, дѣлающій намекъ на подобнаго рода кодексъ, у его преемниковъ очень легко найти разбѣянные, хотя сравнительно рѣдкіе слѣды этого факта. Раньше же никогда. Правда, что слово Тора, которымъ раввины обозначили писанный законъ Моисея, встрѣчается очень часто у нѣкоторыхъ древнихъ пророковъ, но въ его общемъ, этимологическомъ смыслѣ, обозначая всякаго рода обучение, и болѣе частно—поученія, которыя они сами давали. Мы пойдемъ еще дальше и скажемъ, что на столько, на сколько законъ, заключающійся въ Пятикнижїи есть, въ значительной своей части, собраніе правилъ относительно культа, санкціонированныхъ наказаніями, назначенными для ихъ нарушителей, пророки находятся въ борьбѣ противъ духа этого закона, говоря съ негодованіемъ объ этихъ формахъ и обычаяхъ, которыя для многихъ людей составляютъ всю религію, и которыя въ дошедшихъ до насъ текстахъ, разумѣется, вовсе не представлены какъ необходимые *. Они доходятъ до того, что отрицаютъ, будто Іегова заботился о такихъ предписаніяхъ, когда Онъ на Синаѣ провозглашалъ великіе принципы союза съ Израилемъ **.

Такимъ образомъ, будучи далеки отъ того, чтобы отводить пророкамъ второстепенную роль простыхъ толкователей религіознаго и литургическаго законодательства, будто бы найденнаго ими вполнѣ законченнымъ, водвореннымъ и всѣми признан-

* Амось, V, 21 и сл. От. VI, 6; VIII, 13; IX, 3 и сл. Уст. 1, 11; XXIX, 13, Мих. VI, 6 и т. д.

** Иерм. VII, 11 и слѣд.

нымъ, и заставлятъ ихъ поправлять дѣло, въ общемъ уже оконченное раньше ихъ, мы напротивъ того, требуемъ для нихъ, для ихъ корпораціи, для ихъ школъ права на славу за то, что они смѣло взяли за задачу, которая требовала непрерывныхъ усилій нѣсколькихъ вѣковъ, отдались ей съ непоколебимымъ геройствомъ, и за то, что они ожидали отъ пламенной и убѣжденной рѣчи и отъ внутренней силы божественной истины результатовъ, какихъ никогда не могла бы произвести мертвая буква свода. Образование кодекса даже сдѣлалось только тогда возможнымъ, когда лучшая часть пророческаго труда была уже закончена и когда уже другіе взгляды, другіе интересы стали преобладать. Исторія Пятикнижія вполне достаточно докажетъ справедливость этого утвержденія.

Понятіе о Богѣ, какимъ оно проявляется повсюду въ произведеніяхъ пророковъ, уже одно приобретаетъ имъ особенное мѣсто въ исторіи, особенно, если вспомнить о томъ, на сколько вѣковъ ихъ ясное и опредѣленное ученіе, изложенное въ доступной для всѣхъ умовъ формѣ, предшествовало понятіямъ болѣе или менѣе темнымъ и произвольнымъ греческихъ школъ, еслибы кто нибудь вообще пожелалъ сравнить ихъ съ школами пророковъ. Если любители спекулятивной философіи могутъ съ большею любовью изучать Платона, за то менѣе трансцендентныя поученія пророковъ имѣли за собою ту выгоду, что онѣ обнаружили на массы вліяніе, какого никогда не приобрѣла метафизика; и если религія должна быть дѣломъ всего міра, а не только нѣсколькихъ привилегированныхъ умовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что именно еврейскимъ пророкамъ, которыхъ мы тоже прямые наслѣдники, человечество обязано благодѣяніемъ, которымъ оно еще не переставало пользоваться.

Мы не станемъ останавливаться на томъ, чтобы доказывать, что теологія пророковъ имѣла основою самый абсолютный монотеизмъ, и что политеизмъ, въ какой бы онъ формѣ ни проявлялся, не только имъ былъ ненавистенъ, какъ оскорблявшій ихъ религіозное чувство и какъ источникъ нравственной порчи, но что они боролись противъ него, какъ противнаго разуму и простому здравому смыслу. Они не раздѣляютъ того народнаго мнѣнія, которое, признавая вполне Бога Из-

раиля, допускаетъ, что всякій народъ имѣетъ своего Бога, ипереносить такимъ образомъ вражду народовъ въ высшую сферу. Для нихъ боги другихъ народовъ не только безсильны до того, что могутъ возбудить смѣхъ всякаго размышляющаго человѣка, они вовсе не существуютъ, они—произведеніе воображенія людей грубаго, смѣшного суетвѣрія. Есть только одинъ Богъ, который дѣйствительно существуетъ, который создалъ вселенную, извлекши ее изъ ничего, и который ее поддерживаетъ, охраняетъ и управляетъ ею съ безпредѣльнымъ могуществомъ и неизмѣримою мудростью. Такъ имя, которымъ они его называютъ, преимущественно обнаруживаетъ этотъ фактъ его абсолютнаго существованія. Это не нарицательное имя и не такого характера, чтобы оно могло быть примѣнимо равно и къ воображаемымъ существамъ, о которыхъ мы только что говорили. Это истинное собственное имя, даваемое только тому, который существуетъ въ теченіе всей вѣчности и отъ котораго истекаетъ всякая жизнь и всякое другое существованіе. Онъ называется Іагеве (Jaheweh) (а не Іегова, какъ мы обыкновенно произносимъ): *Тотъ, который есть*; и этотъ одинъ терминъ даетъ намъ возможность не только установить, что теологія пророковъ также поднялась выше уровня всѣхъ другихъ религій, въ которыхъ преимущества божества суть только усиленные качества людей, но что она въ то же самое время твердо удержала и сильно укрѣпила идею личности божества, между тѣмъ какъ у другихъ философія привела къ однимъ только абстракціямъ.

Между тѣмъ мы тутъ находимся на виду одного довольно общаго возраженія, основаннаго на фактахъ, которые, можетъ казаться, представляютъ опроверженіе нашего только что формулированнаго тезиса. Мы говоримъ о многочисленныхъ антропоморфизмахъ, встрѣчающихся на каждой страницѣ произведеній, насъ занимающихъ. Языкъ пророковъ не отстываетъ передъ нѣкоторыми оборотами или формами мысли, которые переходятъ иногда границы того, что употребленіе библейскихъ выраженій сдѣлало для насъ обычнымъ, и которые, съ перваго взгляда, кажется, обнаруживаютъ понятіе довольно вульгарное. По этому вопросу можно сдѣлать различныя замѣчанія.

И прежде всего надо принять во вниманіе очень ограниченныя ресурсы, которые представлялъ пророкамъ языкъ ихъ страны и ихъ эпохи. Онъ еще рѣшительно не былъ выработанъ на столько, чтобы достаточно и прямо выражать абстрактныя понятія, или, чтобы выразиться вѣрнѣе, онъ долженъ былъ постоянно бороться съ этимъ недостаткомъ, свойственнымъ вообще всѣмъ семитическимъ нарѣчіямъ, и который не преминули почувствовать еврейскіе философы позднѣйшихъ временъ, особенно еще въ средніе вѣка, когда метафизика тщетно боролась противъ этого препятствія, дѣлавшагося все болѣе и болѣе стѣснительнымъ. Прибавьте къ этому то, что чѣмъ дальше мы восходимъ къ древней эпохѣ еврейской исторіи, тѣмъ больше мы узнаемъ тѣсную связь между абстрактными понятіями и поэтическимъ выраженіемъ, въ которыя ихъ любили облекать. Но поэзія, именно по своему характеру, любитъ конкретныя формы. Этой именно причинѣ мы обязаны первою категоріею антропоморфизмовъ, которые, можетъ казаться, приписываютъ божеству образъ существованія и дѣйствія, похожій на таковой же у обыкновеннаго смертнаго. Между тѣмъ многія изъ этихъ выраженій, которыя въ сущности суть просто метафоры, перешли въ новѣйшій теологическій языкъ, въ то время какъ другія, имѣющія рѣшительно то же происхождение и то же значеніе, оскорбляютъ нашъ слухъ и были изгнаны даже изъ переводовъ, въ другихъ отношеніяхъ очень вѣрныхъ. Мы также говоримъ о глазахъ, о рукахъ Бога, безъ того, чтобы кто нибудь не сознавалъ несоотвѣтственности этихъ выраженій. Мы поэтому не видимъ, почему мы должны порицать еврейскихъ теологовъ по поводу ушей, ногъ и даже носа Всевышняго, такъ какъ всѣ эти выраженія, очевидно фигуральныя, представляютъ столько же постоянныхъ атрибутовъ, какъ и временныхъ проявленій божества. Мы не думаемъ, чтобы авторы, пользуясь ими, принимали ихъ въ буквальный смыслъ и чтобы они не сознавали истиннаго отношенія формы къ сущности.

Другой источникъ, изъ котораго мы должны вывести происхождение ряда антропоморфизмовъ, независящихъ исключительно отъ формъ поэтическаго языка, есть еще очень при-

митивное понятіе о строѣ вселенной, общее всей древности. Выходя изъ факта, для нихъ несомнѣннаго, что земля есть неподвижный кругъ, надъ которымъ возвышается твердый сводъ небесный (небесная твердь, по техническому выраженію), пророки, говоря объ управленіи міромъ и божественномъ провидѣніи, принуждены были пользоваться, естественно, формулами, которыя намъ могутъ казаться дѣтскими, съ точки зрѣнія нашей современной космологической науки. Но если они помѣщаютъ тронъ Бога на этомъ небесномъ сводѣ, съ высоты котораго его взглядъ обнимаетъ все твореніе, котораго земля есть центръ и существенная часть, они послѣ всего говорятъ только о томъ, что теперь еще представляетъ для миллионовъ людей всѣ утѣшенія, могущія вытекать изъ идеи о Провидѣніи. Если мы только не хотимъ имъ вмѣнять въ преступленіе того, что они не были такими же сильными астрономами, какъ Коперникъ, то надо будетъ согласиться, что всѣ эти антропоморфизмы очень извинительны и нисколько не умаляютъ чистоты понятія о Богѣ. У нихъ всегда существуетъ тѣсное соотвѣтствіе между этимъ понятіемъ и понятіемъ о мірѣ, и отъ этого ихъ религіозная вѣра вовсе не довела до ничтожныхъ размѣровъ атрибутовъ всеприсутствія и всезнанія Бога. Хотя и имѣя сами менѣе широкій горизонтъ, они признаютъ и провозглашаютъ, что горизонтъ Творца не имѣетъ границъ, и они смиренно преклоняются передъ тайнами небеснаго строя, которыя они приводятъ, но за разрѣшеніе которыхъ не осмѣливаются взяться.

Мы должны будемъ сдѣлать болѣе серьезныя изысканія относительно третьяго разряда антропоморфизмовъ, касающихся болѣе близко этического понятія о Божествѣ. Мы говоримъ о многочисленныхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о гнѣвѣ, ревности, мщеніи, раскаяніи Бога, и другихъ еще чувствахъ и страстяхъ, которыя мы отчасти порицаемъ даже въ людяхъ. Что эти черты, особенно своимъ частымъ повтореніемъ, становятся такого характера, что могутъ допускать подозрѣнія относительно чистоты ихъ религіозныхъ идей, и что прогрессъ этихъ послѣднихъ долженъ былъ довести до ихъ избѣганія или же совершеннаго изгнанія—этого мы нисколько не станемъ отри-

цать. Тѣмъ не менѣе мы надѣемся представить нѣкоторыя соображенія, которыя дадутъ намъ возможность разсматривать подобныя антропоморфическія выраженія въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Прежде всего мы замѣтимъ, что еще теперь мы пользуемся, безъ малѣйшей щекотливости, извѣстными выраженіями, равно антропоморфическими въ томъ отношеніи, что они Богу приписываютъ качества, приличныя только человѣку. Такимъ образомъ мы говоримъ о Его милости, Его милосердіи, правдивости, вѣрности и т. д. Однако это насъ не шокируетъ, ибо мы видимъ въ этомъ добродѣтели. И вотъ, если присмотрѣться поближе, то мы очень ясно увидимъ, что пророки въ томъ же смыслѣ приписали Божеству качества, которыя намъ теперь кажутся недостатками. Гнѣвъ Бога является для нихъ въ сущности не больше какъ одно изъ проявленій Его святости и Его справедливости; раскаяніе есть не больше какъ другое названіе долготерпѣнія и прощенія; ревность есть смѣлая фигура, близкая къ одной изъ самыхъ употребительныхъ аллегорій, о которыхъ мы еще должны будемъ говорить ниже, и которая, въ существѣ дѣла, есть только выводъ изъ тезиса объ единствѣ божественнаго существа. Что простонародье могло держаться ближайшаго и человѣческаго смысла этихъ атрибутовъ, мы это легко допустимъ. Но даже въ этой сферѣ на сколько еще стояли выше печальныхъ и жалкихъ заблужденій греческой міеологіи! А что касается самихъ пророковъ, то мы должны напомнить, что они были первые и единственные теологи древности, которые громко прославляли святость Бога, какъ атрибутъ, затмѣвающій всѣ другіе въ Его отношеніяхъ къ человѣку. Можно было бы еще привести, какъ доказательство несовершенства понятія о Богѣ у пророковъ, употребленіе одного имени, которое по своему значенію, съ виду самому естественному и вполне этимологически оправданному, кажется нарушающимъ достоинство вышшаго существа. Согласно принятому переводу, оно есть Богъ воинствъ (Цеваосъ). Мы дѣйствительно не оспариваемъ, что только что приведенный еврейскій терминъ имѣетъ въ основѣ такое значеніе, какъ это доказываютъ безчисленныя мѣста, гдѣ онъ однако вообще употребленъ въ единственномъ

числѣ *. Мы также не станемъ оспаривать, что пророки лю-
бятъ представлять Бога, какъ рѣшителя судьбы сраженія, ко-
торый шествуетъ во главѣ своего народа противъ его враговъ
и дарить ему побѣду. Такимъ образомъ толкованіе даннаго тер-
мина въ военномъ смыслѣ не имѣетъ, правду говоря, ничего
необыкновеннаго. Мы даже согласимся, что въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ ** этотъ смыслъ напрашивается по преимуществу. Мы
однако съ трудомъ можемъ допускать, что пророки стали на
точку зрѣнія столь существенно, столь исключительно полити-
ческую и военную. Уже тотъ фактъ, что они пользуются по-
добнымъ именемъ съ предпочтеніемъ, котораго нельзя не при-
знать, долженъ намъ дать право на сомнѣніе на этотъ счетъ. Но
намъ нѣтъ нужды призывать къ инстинктивному чувству, чтобы
рекомендовать другое толкованіе. Мы думаемъ, что сами тексты
наводятъ насъ на это. Дѣйствительно, одна изъ самыхъ часто
употребляемыхъ формулъ Ветхаго Завѣта, которая повторяется
больше чѣмъ въ одной книгѣ и въ различныя эпохи исторіи,
есть *небесныя воинства*. Это формула употребляется въ двухъ
различныхъ смыслахъ. Вообще ею обозначаютъ звѣзды, то про-
сто какъ небесныя тѣла или какъ элементъ творенія, то осо-
бенно какъ предметъ языческаго, идолопоклонническаго культа***.
Рѣже она обозначаетъ ангеловъ † или высшія существа, ко-
торыя окружаютъ престолъ Господа, чтобы слушать и испол-
нять его повелѣнія. Иногда оба эти понятія до того соеди-
няются въ мысли, что какъ будто совсѣмъ сливаются †*, такъ
что приходишь къ предположенію, что столь свойственное се-
митическому духу понятіе о божествѣ звѣздъ играло какую ни-
будь роль въ образованіи этого термина съ двойнымъ значе-
ніемъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ частомъ употребленіи этой

* Множественное число, въ военномъ значеніи, очень рѣдко. Сравн. Второз. XX, 9. Иерм. III, 19. Псалм. LXVIII, 13.

** Смотр., напр., Иеш. XIII, 4 (сравн. Зах. XIV, 8). 1 кн. Сам. XVII, 45. Иеш. XXXI, 4.

*** Второз. XVII, 3. 2 кн. Ц. XVII, 16; XIV, 3 и слѣд. Цеф. 1, 15. Иеш. VIII.

† 1 кн. Ц. XVII, 19. Пс. CIII, 21. Иеш. V, 14.

†* Пс. CXLVIII, 2, 3. Иов. XXXVIII, 7.

формулы *Богъ Воинствъ* можно увидѣть явное намѣреніе пророковъ поставить того, имя котораго они проповѣдывали, выше всѣхъ тѣхъ боговъ, которыхъ боготворили другіе народы. Съ ихъ стороны это было самое положительное заявленіе своего строгаго монотеизма. Но теперь поймутъ, что мы имѣемъ основаніе переводить эту формулу черезъ *Богъ звездъ*. Если бы кто предпочиталъ такой оборотъ, который выражалъ бы вмѣстѣ оба понятія, о которыхъ мы говорили, то можно бы переводить: *Богъ небесныхъ воинствъ*. Но мы не думаемъ, чтобы это больше соответствовало мысли авторовъ.

Самый древній писатель, который сталъ употреблять эту формулу и который употреблялъ ее очень часто, былъ пророкъ Амосъ. Послѣ него мы ее находимъ еще иногда, но очень рѣдко *, въ ея примитивной формѣ. Уже Іешаіагу ввелъ сокращенную формулу, встрѣчающуюся у него на каждой страницѣ, которую послѣ него приняли всѣ пророки, за исключеніемъ одного Іезеккіэля, который ея никогда не употребляетъ. Вмѣсто *Богъ воинствъ*, они говорятъ *Іагеве воинствъ*, что въ протестантскихъ переводахъ было передано черезъ: Предвѣчный воинствъ. Этотъ переводъ намъ не кажется удачнымъ; онъ не даетъ довольно точнаго представленія въ томъ отношеніи, что оставляетъ опущеніе, затрудняющее читателя. Для преемниковъ Амоса то, что было въ началѣ качественнымъ генитивомъ (родительнымъ качества), сдѣлалось, путемъ сокращенія, эпитетомъ, а за тѣмъ и составнымъ элементомъ собственнаго имени **. Изъ *Іагеве*, *Богъ Цеваосъ* (воинствъ), сдѣлали: *Іагеве-Цеваотъ*, и наши старые нѣмецкіе и французскіе переводчики были совершенно правы, переведши: Богъ-Сабаотъ. Мы, не колеблясь, принимаемъ ихъ точку зрѣнія тамъ, гдѣ оба имени находятся поставленными рядомъ безъ посредствующей частицы, которая даетъ второму имени значеніе имени нарицательнаго.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что упрекъ, такъ часто дѣлаемый теологіи пророковъ за то, что она избылиуетъ антро-

* Уеш. XXXIV, 4; XL, 26. Нек. IX, 6; и т. д.

** Omia XII, 6. Јерм. XXXVIII, 17; XLIV, 7.

поморфизмами, значительно видоизмѣняется, когда умѣютъ различать сущность отъ формы, и когда принимаютъ во вниманіе участіе свойствъ или требованій языка. Однако мы должны отмѣтить еще одинъ послѣдній и, быть можетъ, самый важный фактъ въ этомъ разрядѣ идей, на которомъ мы тѣмъ болѣе должны остановиться, что онъ положительнымъ образомъ связанъ съ самою основою пророческаго ученія и составляетъ его самый оригинальный, самый характеристическій элементъ. Это именно то, что называютъ превосходно выбраннымъ именемъ *партикуляризма* ихъ религіи, т. е. требованіе для еврейскаго народа извѣстныхъ и почетныхъ привилегій, въ которыхъ отказано остальному человѣчеству.

Израиль есть народъ избранный между всѣми. Іегова уже въ очень древнюю эпоху провозгласилъ себя Богомъ ихъ отцовъ; Онъ торжественно повторилъ свои обѣщанія въ самый рѣшительный моментъ его исторіи, при выселеніи изъ Египта; Онъ тогда заключилъ съ нимъ союзъ, основанный на взаимномъ обязательствѣ, по которому, подъ условіемъ строгаго повиновенія и абсолютнаго отреченія отъ всякаго культа чужихъ боговъ, Онъ обѣщался обезпечить за потомствомъ Іакова мирное владѣніе землею Ханаана и продолжительное благополучіе.

Множество разъ въ теченіи столѣтій заблужденія народа нарушали этотъ союзъ, и непокорныя поколѣнія чувствовали гибельныя послѣдствія своей невѣрности; но всегда до того времени, какъ ихъ раскаяніе позволяло Богу возвращать имъ свою милость. Между тѣмъ возвращеніе къ старымъ заблужденіямъ повторялось безпрестанно, и вызывало со стороны органовъ Іеговы самыя грозныя напоминанія, горькіе упреки, наконецъ. самыя страшныя угрозы. Народъ, неисправимый въ болшинствѣ своихъ элементовъ, приближался быстро къ своей гибели. Чужестранные народы, часто уже призывавшіеся прежде какъ орудіе справедливаго Господняго гнѣва, и своими наказаніями оставлявшіе неизгладимые слѣды на почвѣ страны, должны были въ концѣ исполнить эти высшія постановленія, налагая на тѣхъ, которые не хотѣли имъ повиноваться, десять разъ заслуженное наказаніе, разрушая и истребляя все. Эта страшная катастрофа, на приближеніе которой сами пророки

смотрѣли съ глубокою скорбью и съ невыразимымъ ужасомъ, представляла имъ однако нѣкоторую утѣшительную перспективу: она должна была произвести среди народа рѣшительную очистку. Маленькій, слабый остатокъ пережить другихъ, пережить особенно тѣ, которые не навлекли на Сіонъ эту бурю, которая должна была обратить въ пепель оскверненное святилище. Этотъ остатокъ сдѣлается вѣтвью будущности Израиля, народа перерожденнаго, которому новый союзъ, болѣе уже ненарушимый, такъ какъ онъ будетъ начертанъ на сердцахъ, обезпечить навсегда миръ и счастье. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность того, что мы можемъ назвать философіею исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ ее понимали пророки, съ одной стороны, оглядывая прошлое и вникая въ настоящее, съ другой стороны—предвѣщая будущее. Однако по поводу этого послѣдняго элемента мы еще должны будемъ войти въ другія подробности.

Къ этому краткому резюме, котораго мы не имѣемъ надобности подкрѣплять цитатами, такъ какъ доказательства встрѣчаются на каждой страницѣ текстовъ, мы прибавимъ рядъ замѣчаній, которыя должны будутъ служить нашимъ читателямъ средствомъ ориентироваться при оцѣнкѣ достоинства и важности этой идеи, единственной въ своемъ родѣ и достойной нашего самаго серьезнаго вниманія.

Скажемъ прежде, что отношеніе, которое устанавливаетъ эта идея между Богомъ и народомъ, не можетъ быть лучше опредѣлено, какъ терминомъ *теократія*, который уже давно освященъ для этой цѣли, и которымъ мы, въ свою очередь, будемъ пользоваться, дѣлая однако нѣкоторыя оговорки относительно смысла, который можно ему придать. Теократія значить—управленіе Бога, исключющее всякую другую власть, которая стала бы между тѣмъ, который управляетъ, и управляемыми. Сотни разъ это опредѣленіе дается пророками въ видѣ намека въ слѣдующей формулѣ: *Я буду ихъ Богомъ, а они будутъ моимъ народомъ*, формулѣ, въ которой особенно рельефно выступаетъ партикуляристическій элементъ понятія. Можно еще упомянуть здѣсь такъ часто повторяемый эпитетъ *Святой Израиля*, который у многихъ авторовъ есть предпочтительное

обозначение божественной личности. Въ другихъ мѣстахъ Иегова называется просто и ясно Царемъ Израиля, чаще — Пастыремъ, вслѣдствіи аллегоріи, свойственной писателямъ, языкъ которыхъ выработался въ средѣ пастушескаго населенія, и тѣмъ болѣе выразительной, что она непосредственно напоминаетъ единство управленія и абсолютность подчиненія массы. Но самый любимый для пророковъ образъ, который извѣстнымъ образомъ придаетъ понятію теократіи поэтическую окраску, есть супружескій союзъ. Идея о союзѣ, о которомъ мы говорили выше, не могла бы одна навести на это сравненіе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что еврейскій языкъ употребляетъ одно и то же слово для обозначенія господина и мужа. Если пророки любятъ сравнивать единеніе Бога и Израиля съ союзомъ мужа и жены, то надо вездѣ помнить, что мотивомъ сравненія служить не столько чувство взаимной любви, сколько обязанность подчиненія и вѣрности одной изъ сторонъ. Кромѣ того, это сравненіе относится менѣе часто къ нормальнымъ отношеніямъ мужа и жены, чѣмъ къ послѣдствіямъ, возникающимъ между ними, когда эти отношенія нарушены, т. е. когда жена забыла свои обязанности и измѣнила своему долгу. Отсюда употребленіе терминовъ прелюбодѣянія, развода и другихъ, такъ часто повторяющихся въ произведеніяхъ всѣхъ пророковъ, начиная съ тѣхъ поръ, какъ Ошеа въ знаменитой аллегоріи * первый ввелъ въ литературу эту живую форму мысли, которая потомъ была усвоена даже простою историческою прозою. Буквальный переводъ всѣхъ формулъ, входящихъ въ эту категорію, часто заключаетъ въ себѣ неудобства и даже нѣчто оскорбляющее слухъ современнаго читателя. Мы поэтому позволили себѣ иногда замѣнять истиннымъ ихъ значеніемъ тѣ фигуральныя выраженія, которыя могутъ быть поняты въ смыслѣ, какого они вовсе не имѣютъ.

Когда теперь произносятся слово теократія, то слушатели охотно представляютъ себѣ порядокъ вещей, который будетъ

---

* И сказалъ Господь Ошеа: иди бери себѣ жену-блудницу и дѣтей блуда, ибо страна эта измѣнитъ Богу, чтобы предаться блуду и т. д. Ошеа, 1, 2.

Перев.

несправедливо примѣнять къ тому, что понимали и проповѣдывали пророки. Въ наши дни легко смѣшиваютъ теократію съ властью жрецовъ; ее противопоставляютъ свѣтской власти, и представляютъ себѣ преимущественно состояніе христіанскаго общества въ эпоху безграничнаго папскаго главенства, или каковымъ бы оно было, еслибы этому послѣднему удалось снова быть восстановленнымъ. Ничто не такъ чуждо пророкамъ, какъ мысль о подобной организаціи еврейскаго общества. Напрасно стали бы мы искать у нихъ идею о политическомъ строѣ, выработанномъ на принципахъ подобнаго рода. Дѣйствительно, въ теченіе всего періода монархіи, который, за нѣкоторыми исключеніями, есть вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ ихъ самой блестящей славы, они не имѣли никакихъ сношеній съ жрецами. Насколько можно знать, Іереміагу былъ первый между пророками, который принадлежалъ къ жреческой фамиліи; и у него точно такъ же, какъ ни у кого изъ его предшественниковъ, мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда кастоваго интереса. Совершенно напротивъ. Въ сотняхъ случаевъ классъ жрецовъ служить для нихъ предметомъ самыхъ строгихъ нападокъ. И если позже, послѣ паденія монархіи, другой жрецъ, Іезекіэль, опредѣляетъ своимъ собратамъ преобладающее мѣсто въ идеальномъ строѣ, который онъ начерчиваетъ, то онъ тутъ рассказываетъ не о прошедшемъ, и все-таки это ему не мѣшаетъ осуждать на очень ничтожную роль огромное большинство изъ тѣхъ, которые были призваны къ служенію въ храмѣ. Въ дѣйствительности, ни откуда не видно, чтобы пророки и жрецы соединили свою дѣятельность для общаго дѣла. Стремленія первыхъ и заботы послѣднихъ имѣли совершенно различные горизонты, и если сферы ихъ дѣйствія не были необходимо раздѣлены разнородными тенденціями, пункты ихъ соприкосновенія, какъ мы уже показали это выше, были очень малочисленны и очень небольшой важности.

Что касается политическаго строя еврейскаго народа, если только въ произведеніяхъ пророковъ можно найти элементы чего нибудь такого, что можно бы назвать этимъ именемъ, то уже, конечно, мы тамъ не найдемъ іерархіи нашихъ среднихъ вѣковъ. Но тутъ мы наталкиваемся на другой предразсудокъ,

также очень мало основанный на фактахъ, который очень важно устранить. Многие думали или думаютъ еще, что пророки были республиканцами въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. принципиальными противниками монархизма. Приверженцы этого мнѣнія любятъ противопоставлять теократію монархіи, учрежденной людьми, какъ двѣ вещи не совмѣстимыя по мнѣнію ихъ школы. Они опираются въ этомъ на не вполне понятномъ разсказѣ относительно Самуэля (кн. 1, гл. 8), затѣмъ на нѣкоторыхъ изъ хроникъ царей, гдѣ тотъ или другой царь является предметомъ порицанія, именно съ точки зрѣнія религіозной теоріи; наконецъ, еще указываютъ на нѣкоторыя столкновения между такимъ-то пророкомъ и такимъ-то обладателемъ свѣтской власти. Мы съ трудомъ можемъ понять, какъ подобный предразсудокъ могъ удержаться такъ долго въ виду всѣхъ фактовъ, его опровергающихъ. Мы дѣйствительно находимъ у евреевъ демократическія учрежденія, мѣстныя или муниципальныя; но они существовали съ древняго времени и независимо отъ пророковъ; что же касается народа въ его цѣломъ, то онъ никогда не имѣлъ республиканскаго строя, если не хотѣлъ давать этого имени порядку вещей, о которомъ было бы справедливѣе сказать, что тогда вовсе не было никакой власти*. Никогда Востокъ вообще не зналъ иной формы правленія, какъ монархія, и монархія автократическая и деспотическая. Никогда ни одинъ пророкъ, ни тѣ, которыхъ дѣятельность мы можемъ провѣрять по ихъ достовѣрнымъ произведеніямъ, ни какіе либо другіе не проповѣдывали ниспроверженія престола для учрежденія какого нибудь совершенно новаго рода строя. Они, напротивъ того, были первыми публицистами, если только можно себя позволить такое выраженіе, которые признали и провозгласили принципъ династической несмѣняемости; и если въ одномъ изъ двухъ царствъ, образовавшихся вслѣдствіе распа-

* Авторъ подразумѣваетъ тутъ такъ называемый періодъ судей, который онъ рассматриваетъ какъ примитивный. Онъ полагаетъ, что этотъ періодъ *предшествовалъ* завоеванію Палестины. См. его замѣчательный *Resumé de l'histoire des Israélites depuis la conquête de la Palestine jusqu'à l'exil*, составляющій введенье къ книгамъ Судей, Сам. и Царей и вообще такъ называемыхъ историческихъ книгъ.

денія монархіи Давида, пророкъ, по причинѣ непрерывныхъ революцій, принялъ сторону одного претендента противъ другого, сторону узурпатора противъ наслѣдника престола *, то это зависѣло отъ другихъ причинъ, и это нисколько не было актомъ республиканизма. Если хотятъ дать это имя мужеству, съ которымъ они всѣ защищали дѣло обдѣленныхъ, угнетенныхъ, жертвъ дурнаго устройства суда, съ которымъ они боролись противъ аристократіи, хищниковъ и корыстолюбцевъ, то мы не станемъ спорить изъ-за термина, хотя онъ тутъ и не кстати. Онъ не болѣе удачно примѣненъ къ здравому смыслу, съ которымъ они порицали гибельную систему исчерпыванія послѣднихъ средствъ страны на военные снаряды, до смѣшнаго недостаточные противъ силъ сосѣднихъ государствъ, между которыми евреи очутились стиснутыми. Да, правда, они занимались политикою тоже не для того, чтобы рекомендовать одну форму правленія предпочтительно передъ другою, но чтобы преобразовать духъ правленія вообще, чтобы установить выше всего принципы права, справедливости, благоразумія, социальной нравственности, принципы, освященные ихъ религіозною идеею, вытекающею отъ самого Бога, и чтобы бороться противъ всего, что должно было вести къ паденію націи.

Эти послѣднія соображенія насъ наводятъ еще на одно. Въ извѣстной теологической школѣ имѣютъ обыкновеніе представлять себѣ пророковъ, какъ людей, чуждыхъ интересамъ ихъ эпохи, погруженныхъ главнымъ образомъ въ созерцаніе отдаленнаго будущаго и пишущихъ собственно, такимъ образомъ, только для будущаго поколѣнія; современное же имъ не имѣетъ даже надобности ихъ понять. Ничто меньше не согласно съ истиною, какъ подобное мнѣніе. Они, напротивъ того, были люди самой живой современной имъ дѣйствительности, они, такъ сказать, отождествлялись, сливались съ важными интересами момента. Предостереженія, которыя они давали, чувства, которыя они выражали, опасенія, которыя они обнаруживали, надежды, которыя они хотѣли внушать другимъ, все, до тона ихъ рѣчи, зависѣло отъ положенія, какое они видѣли передъ

* 2 кв. Цар. IX.

глазами. Они работали съ пыломъ и самоотверженіемъ для блага своихъ современниковъ, и понимая отлично, что это послѣднее могло установиться твердо и продолжительно только на основѣ религіи и нравственности, нисколько не пренебрегали указывать на матеріальныя послѣдствія, какія должны были являться непосредственнымъ результатомъ реформы, которую они призывали всеми силами своей души, какъ завѣтнѣйшее ихъ желаніе. Будетъ ошибочно слишкомъ спиритуализировать ихъ картины. Религія ничего не выиграетъ отъ того, что духовные и матеріальные интересы людей, которые, въ концѣ концовъ, суть также дѣти земли, будутъ отдѣлены другъ отъ друга пропастью, не говоря уже о томъ, что это было бы очень плохо выбраннымъ средствомъ для преобразования народа, съ какимъ пророки имѣли дѣло. Ихъ патріотизмъ былъ болѣе крѣпкаго закала. У нихъ было болѣе великое дѣло, нѣмъ спекулированіе скрытымъ смысломъ и будущимъ завершеніемъ того, что имъ было открыто; они твердо вѣрили въ возможность ближайшаго осуществленія того, что они обѣщали. И если для нихъ также первымъ и существеннымъ дѣломъ было, чтобы воля Господня совершилась на землѣ, какъ и на небѣ, они изъ-за этого вовсе не считали недостойнымъ себя преподавать людямъ истинный способъ добывать ежедневный хлѣбъ.

Здѣсь будетъ очень умѣстнымъ сдѣлать одно замѣчаніе, которое, не имѣя прямого отношенія къ теологическому вопросу, между тѣмъ очень важно для характеристики ученія пророковъ. Мы считаемъ нужнымъ прочно установить, что это ученіе обращено повсюду и всегда къ народу, взятому въ его цѣломъ, а не къ личностямъ. Примѣры противнаго очень рѣдки, и въ такомъ случаѣ дѣло будетъ идти о какой нибудь выдающейся по своему положенію личности, о царѣ или о министрѣ, названномъ даже по имени, но представляющемъ, въ свою очередь, тенденцію, принципъ или партію. Безъ сомнѣнія, когда злые, предатели, идолопоклонники подвергаются порицанію, это касается прямо болѣе или менѣе большаго числа лицъ, которые уже самымъ фактомъ отличены отъ всѣхъ тѣхъ, кто не заслужилъ этихъ упрековъ. Но было бы очень ошибочно изъ-за этого уподоблять рѣчи пророковъ евангелическимъ проповѣдямъ, ко-

торыя прежде всего стремятся дѣйствовать на наклонности индивидуума, которыя занимаютъ его личными недостатками, желаютъ просвѣтить его разумъ, укрѣпить его убѣжденія, работать для его перерожденія, чтобы образовать общность изъ успѣшныхъ частичныхъ и послѣдовательныхъ усилій. Пророкъ имѣетъ всегда дѣло съ массами, онъ разсматриваетъ тѣхъ, которыхъ онъ порицаетъ, какъ составляющихъ огромное большинство, рядомъ съ которымъ меньшинство едва входитъ въ расчетъ, или же является на сцену только послѣ предварительной очистки, послѣ крупнаго несчастія, служащаго испытаніемъ или воспитательнымъ средствомъ въ рукахъ небснаго правосудія.

Если выпустить изъ виду этотъ капитальный фактъ въ области пророчества, то рискуешь легко быть введеннымъ въ заблужденіе относительно характера религіи Ветхаго Завета и важности . извѣстныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ пунктовъ доктрины, съ виду необъяснимыхъ. Мы въ другомъ мѣстѣ возвратимся къ тому, что входитъ въ сферу культа. Здѣсь мы остановимся на одномъ фактѣ, вообще мало понятномъ и даже извращенномъ вслѣдствіе предразсудка нѣкоторыхъ теологовъ. Мы говоримъ о вѣрѣ въ будущую жизнь.

Не подлежитъ спору, что пророки никогда не говорятъ о вознагражденіи въ будущей жизни. Само собою разумѣется, что они знаютъ и раздѣляютъ народное вѣрованіе относительно будущаго существованія въ обители мертвыхъ, въ Шеолѣ тѣней. Они на него часто намекаютъ; онъ служитъ украшеніемъ для ихъ поэзіи или для ихъ реторики; но никогда онъ не употребляется ими какъ поводъ для нравственнаго поученія или какъ предметъ Божьяго правосудія. Судьбы человѣка завершаются здѣсь. Правосудіе Божье дѣйствуетъ и проявляется на землѣ. Нѣтъ вопроса о томъ, чтобы отсылать злодѣя и его жертву передъ трибуналь судьи, который перенесъ бы произнесеніе своего приговора въ иной міръ, чѣмъ тотъ, гдѣ живущее поколѣніе призвано его выслушать и видѣть его дѣйствіе. Мы бы могли здѣсь громко выразить наше удивленіе къ религіозной и нравственной вѣрѣ, которая, не испытывая еще потребности въ перспективѣ въ одно и то же время болѣе отдаленной и болѣе спокойной, нашла довольно силы въ себѣ самой, чтобы

удержать себя на пути долга и заставлять молчать всё сомнѣнія, которыя опытъ повседневной жизни могъ бы породить относительно путей Провидѣнія. Но эти соображенія удалили бы насъ отъ настоящаго предмета, а случай къ нимъ возвратиться представится еще не разъ и болѣе непосредственнымъ образомъ въ ходѣ нашихъ изслѣдованій.

Мы упомянули объ этомъ специальномъ пунктѣ, который, повторяемъ, не имѣетъ отношенія къ теологіи пророковъ, только для того, чтобы лучше выдвинуть то, что мы только что сказали о важности ихъ ученія. Они говорятъ всему народу, они поучаютъ всю націю, это про его судьбы они объявляютъ, что онѣ должны регулироваться настоящими отношеніями народа къ Іеговѣ. Народъ же не умираетъ, и самыя страшныя несчастія, какія онѣ можетъ навлечь на себя своими заблужденіями, его не уничтожаютъ; остается всегда сохранившійся остатокъ, испытанный, очищенный, который составитъ отпрыскъ лучшаго поколѣнія; и картина возвращенія къ жизни костей поколѣнія погибшаго — есть ни что иное, какъ образъ этого счастливаго перерожденія, которое пророки призываютъ всѣми своими желаніями, и которое они дѣлали главнымъ предметомъ своихъ видѣній.

Безъ-Ами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П Ъ С Н И Д Н Я.

МОЯ МОЛИТВА.

Душа моя горда, и пусть моя молитва
Безумна и дерзка, Владыка Саваоѣ,—
Измучила меня за жизнь и счастье битва,
Тернисть мой скорбный путь, и узокъ, и суровъ!

О равенствѣ одномъ молюсь Тебѣ. Себѣ я
Иного не прошу, отвагою горя.
Пусть я не лъщу Тебѣ съ притворствомъ фарисея
И не склоняюсь въ прахъ предъ славой алтаря;
Пусть, видя въ жизни зло, неправду и страданья,
Я вѣрить не могу, что даръ Твой совершенъ,
И не утѣшенъ—нѣтъ!—величьемъ мірозданья
За ужасъ вѣчныхъ битвъ и безконечныхъ смѣнъ;—
Все-жъ, страстно жизнь любя, безъ хвалъ и безъ проклятій
Иду я по стезѣ, начертанной судьбой,
Съ рѣшимостью страдать, какъ тысячи собратій,
Врагамъ подставить грудь, друзьямъ отереть объятья
И за блаженства мигъ кидаться годы въ бой...

Таковъ удѣлъ людей; таковъ порядокъ міра.
И счастья не прошу я не въ примѣръ другимъ.
Я равенства хочу; хочу, чтобъ та сѣкира,
Которую занесъ надъ племенемъ моимъ
Слѣпой, жестокой рокозъ безжалостной рукою,
Была-бъ сокрушена, Владыка Саваоѣ!
Побѣдъ мнѣ не давай,—я самъ возьму ихъ съ бою;
Но пусть весь міръ томятъ нозорь и гнетъ оковъ,—
Сравняй и насъ, молю, съ толпой другихъ рабовъ!
Не будь мнѣ одному, Господь, щитомъ средь битвы,
Но равнаго меча я требую себѣ!..
Горда душа моя, смѣлы мои молитвы,
Но развѣ ханжество и лесть нужны Тебѣ?..

М. Абрамовичъ.

НА ПУТИ.

РОМАНЪ.

XXXIII.

Тамъ, гдѣ соединяются такія двѣ силы, какъ представитель *улицы Мьянъ* и питомецъ *Грязной улицы*, тамъ всегда можно ручаться за какой угодно успѣхъ... Минкесъ и Бергофъ! Одинъ вооруженъ послѣднимъ словомъ науки, другой — золотомъ. Что можетъ устоять противъ этихъ могущественныхъ орудій современной цивилизаціи!..

Пусть, однако не подумаютъ, что Минкесъ и Бергофъ въ самомъ дѣлѣ заключили оборонительный и наступательный союзъ противъ общаго врага; ничуть не бывало. Минкесъ хотѣлъ вернуть свою дочь, а Бергофъ, напротивъ, былъ очень доволенъ пребываніемъ Эти въ деревнѣ. Но, какъ это часто бываетъ, самыя противоположныя желанія имѣютъ однѣ и тѣ же точки соприкосновенія и, сталкиваясь, переплетаются до того, что люди перестаютъ понимать другъ друга. Минкесъ, напр., горѣлъ желаніемъ вырвать свою дочь изъ когтей *этихъ дьяволовъ*; но какъ ему поступать и что, наконецъ, ему дѣлать съ опозоренной дѣвушкой... И слушая Минкеса, можно было подумать, что онъ никогда не пуститъ свою дочь къ себѣ на глаза. Бергофъ, напротивъ, скрывая свои сокровенныя желанія, уговаривалъ Минкеса простить дочь и вернуть ее къ себѣ. Но вмѣсто того, чтобы посоветовать ему просто поѣхать въ деревню и вытребовать свою дочь, онъ предложилъ ему

---

* См. Восходъ кн. X.

правда, очень отдаленными намеками, другой планъ, который Минкесу до того понравился, что онъ отъ него уже не могъ оторваться и подъ конецъ принялъ его за свой собственный и сталъ его оспаривать у Бергофа. Они похитили его дочь, опозорили ее и его на всю жизнь, а онъ еще явится къ нимъ съ повинной... Никогда!... Чтобы онъ, Минкесъ, унижался предъ ними... Развѣ у него нѣтъ средствъ заставить ихъ трепетать, прижать ихъ своимъ кулакомъ...

— Какъ вы думаете, докторъ?

— Боюсь совѣтовать... вы лучше знаете...

— Конечно, конечно... Мнѣ лично, Ясинскій, правда, ничего не долженъ, такъ, пустяки... Но я знаю, гдѣ и у кого хранятся его векселя... Я тутъ даже ничѣмъ не рискую... Имѣніе образцовое и во всякомъ случаѣ стоитъ больше, чѣмъ онъ долженъ... А что онъ не въ состояніи платить долговъ— это я отлично знаю.

Бергофъ дѣлалъ видъ, что долженъ согласиться съ Минкесомъ, что въ виду непростительнаго поступка Ясинскаго ничего другого ему, Минкесу, не остается дѣлать. Однако, къ чести доктора надо сказать, что ему было жаль Ясинскаго, тѣмъ болѣе, что Давидъ, не менѣе его виновный, не попадетъ въ зубчатое колесо Минкесовой машины.

Но Бергофъ былъ умнѣе и дальновиднѣе Минкеса и въ махинаціи послѣдняго видѣлъ нѣчто такое, что бѣдному ростовщику и не снилось. Для этого нѣчто онъ вступилъ въ самую тѣсную дружбу съ Хазаномъ и принялъ очень дѣятельное участіе въ *комитетъ*. Тутъ онъ въ первый разъ послѣ долгаго времени снова встрѣтился съ Рейнгерцемъ и такъ привѣтливо обошелся съ нимъ, что у того разошлись всякія сомнѣнія на счетъ недружелюбія доктора къ нему и къ его семейству. Бергофъ такъ искусно счумѣлъ обойти щекотливый вопросъ о помолвкѣ Беллы, съ такой теплотой и добродушіемъ говорилъ о своей привязанности къ семейству Рейнгерца, наконецъ въ такихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ коснулся злобы дня, что онъ показался теперь Рейнгерцу совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Мысли его въ послѣднее время, когда неприятныя событія заставили его относиться осторожнѣе къ

Давиду, не разъ останавливались на докторѣ, какъ на чело-
вѣкѣ, который могъ бы составить счастье его дочери. Это,
конечно, были мимолетныя мысли; но все же таки онѣ отъ
времени до времени занимали Рейнгерца. Общность интере-
совъ все болѣе и болѣе сближала ихъ. Встрѣчаясь на собра-
ніяхъ, они обмѣнивались взглядами и мыслями. Рейнгерць
былъ въ восхищеніи отъ серьезныхъ и стойкихъ убѣжденій
доктора, а Бергофъ упивался юношескимъ увлеченіемъ ста-
рика. Рейнгерць, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ все
болѣе и болѣе увлекался идеей колонизаціи Палестины. Подъ
вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, прежде трезвый и реаль-
ный, съ широкими и гуманными взглядами, онъ сталъ подо-
зрителенъ и недоувѣрчивъ. Годы уходили, и вмѣстѣ съ ними
исчезали самыя завѣтныя его мечты и надежды. На его гла-
захъ его народъ какъ будто сталъ пробуждаться отъ вѣко-
ваго сна. Но это былъ обманъ; его разбудили другіе для того,
чтобы подразнить его и потѣшиться надъ нимъ. Тѣ пути, ко-
торыя, повидимому должны вести къ общему счастью, оказа-
лись непроходимыми и тернистыми. Спасенія отъ нихъ ждать
нельзя было, а между тѣмъ его народъ погибаетъ... Давидъ
ему обѣщаетъ жизнь, Радоверъ сулитъ ему земной рай; но онъ
не вѣрилъ ни тому, ни другому...

Однажды при встрѣчѣ въ комитетѣ, Бергофъ ему сооб-
щилъ, какъ новость, что Радоверъ получилъ разрѣшеніе чи-
тать проповѣди народу.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ въ испугѣ Рейнгерць.

— Я это знаю изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ,—
сказалъ Бергофъ.

— Не слѣдуетъ ли намъ предпринять какія либо мѣры?..

Бергофъ былъ очень радъ, что Рейнгерць принимаетъ все
это такъ близко къ сердцу. Онъ бы могъ ему рассказать еще
болѣе интересныя вещи, если бы хотѣлъ; но онъ не торопился,
находя, что на все свое время.

Хазанъ тоже слышалъ объ этой новости и настаивалъ на
немедленномъ открытіи кампаніи противъ Радовера.

— А вашъ сынъ не вернулся еще изъ деревни?—какъ бы
мимоходомъ спросилъ у него Бергофъ.

— Нѣтъ еще, но онъ мнѣ пишетъ, — совралъ Хазанъ, по-
нявъ къ чему клонится вопросъ доктора.

Бергофъ промолчалъ и подошелъ къ вошедшему только что
Бергману.

Бергманъ хотѣлъ огорошить всѣхъ неожиданной новостью;
но смутился, когда услышалъ, что всѣ уже ее знаютъ.

— Меня это нисколько не страшитъ, сказалъ онъ; пусть
себѣ проповѣдуетъ; вѣдь мы все равно ѣдемъ въ Палестину...

Эта шутка дурно подѣйствовала на всѣхъ; но находчивый
Бергманъ успѣшилъ загладить свой промахъ, предложивъ со-
ставить депутацію и послать къ губернатору.

При словѣ «губернаторъ», Рейнгерцъ почему то опустил
глаза, а на лицѣ Бергофа появилась мефистофельская улыбка.
Однако всѣ приняли предложеніе Бергмана.

XXXIV.

У Ясинскаго на гумнѣ шла самая оживленная работа. Объ-
емистые снопы одинъ за другимъ летѣли въ ненасытную
пасть громаднаго, пыхтащаго локомотива, гдѣ мгновенно исче-
зали. Нѣсколько десятковъ рукъ, вооруженныхъ длинными
остроконечными вилами, неутомимо подбрасывали пищу этому
чудовищу, а оно только пыхтѣло и сердилось, мечая вокругъ
себя блестящія искры.

Самуилъ стоялъ на самомъ верху высокой скирды и, хватая
своими вилами одинъ снопъ за другимъ, ловко бросалъ ихъ
внизъ, гдѣ они на лету подхватывались другими. Солнце уже
садилося за сосѣднимъ лѣсомъ, и розовый отблескъ его ложился
на всѣ предметы. Послѣ знойнаго дня наступила пріятная
свѣжесть приближающагося вечера.

— Скоро ли мы работу закончимъ? — спросилъ кто-то изъ
рабочихъ.

— Больно рано захотѣлъ, — сказалъ Борухъ; смотри, гдѣ
солнце.

— Что же, что солнце; — ты, видно забылъ, что сегодня
пятница.

— По мнѣ все равно, что пятница, что четвергъ—всѣ дни

равны, смѣясь сказалъ Борухъ.—Право, если мы такъ будемъ соблюдать и пятницу и субботу и еще Богъ вѣсть что, то далеко не уйдемъ.

— Ужъ это какъ себѣ кто хочетъ, а я по субботамъ работать не намѣренъ; праздникъ необходимъ...

— Кто же намъ мѣшаетъ праздновать воскресенье, наравнѣ со всѣми прочими? сказалъ Борухъ.

— Вотъ еще выдумалъ!—раздалось нѣсколько голосовъ разомъ;—что мы, не евреи что-ли? Эй, братцы, баста, будетъ на сегодня, видите, суббота приближается.—И нѣсколько дюжихъ рукъ побросали вилы и собрались въ кучу возлѣ пыхтѣвшаго локобиля. Другіе, однако, продолжали работать, не обращая вниманія на набѣгающія сумерки. Они дожидались смѣны рабочихъ, которые должны были придти изъ деревни. Не смотря на вмѣшательство Давида и даже Ясинскаго и на то, что изъ-за этого часто происходили недоразумѣнія и даже мелкія перебранки, рабочіе каждую пятницу опаздывали, заставляя евреевъ работать лишній часъ. Тоже случилось и на этотъ разъ. Такъ какъ становилось уже темно и пора было читать вечернюю молитву, то даже самые усердные и свободо-мыслящіе изъ рабочихъ побросали работу и присоединились къ своимъ товарищамъ.

— Такъ нельзя,—слышалось со всѣхъ сторонъ,—или праздновать субботу, или не праздновать; одно изъ двухъ.

Самуилъ послѣдній бросилъ работу. Ухватившись за край скирды и цѣпляясь за торчащія пучки соломы, онъ ловко спустился внизъ и, соскочивъ на землю, присоединился къ остальнымъ.

— А мы все-таки не хорошо сдѣлали, что до ихъ прихода прекратили работу,—сказалъ онъ;—это имъ даетъ поводъ посмѣяться надъ нами.

— Пусть они себѣ смѣются, на то они мужики...

Въ это время вдали раздалось веселое гиканье, и вскорѣ показалось человѣкъ пятнадцать рабочихъ.

— Ага, уже зашабашовали наши!—весело крикнуть какой-то молодой парень. Раздался дружный и громкій смѣхъ.—Ну

же работники... гдѣ вилы? гдѣ веревки... все побросали теперь ищи... Экъ чортовъ народъ...

Два-три рабочихъ ловко взобрались на скирду, на которой прежде стоялъ Самуиль, и, не дождавшись приказанія кочегара, стали бросать внизъ снопы. Нѣсколько сноповъ упало на головы евреямъ. Раздался дружный хохоть, смѣшанный съ бранью.

Самуиль крикнулъ на рабочихъ, а евреямъ велѣлъ удалиться.

За исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ Боруха, всѣ остальные отправились на мельницу, гдѣ они обыкновенно встрѣчали субботу.

Самуиль никогда не посѣщаль по субботамъ мельницы, но на этотъ разъ онъ отправился туда, чтобъ увидѣться тамъ съ Давидомъ, который тоже обѣщаль быть.

Съ тѣхъ поръ, какъ Самуиль присоединился къ партіи рабочихъ, прошло уже порядочно времени, но результаты, достигнутые имъ, далеко еще не могли назваться блестящими. Правда, онъ дѣйствовалъ осторожно, и въ этомъ одномъ было его утѣшеніе. Единственный человѣкъ, который всецѣло отдался ему, былъ Борухъ. Этотъ добродушный и честный, но недалекій парень съ широкими плечами и крѣпкими мускулами, казалось, рожденъ былъ для деревни и для плуга. Первымъ актомъ его солидарности съ Самуиломъ было открытое заявленіе, что онъ не намѣренъ отказываться отъ работы по субботамъ.

— Ужъ если праздникъ нуженъ, то я буду праздновать воскресенье, какъ и всѣ люди,—рѣшилъ онъ;—почему мнѣ составлять исключеніе и чтобы меня за это преслѣдовали... Будто Богу не все равно.—Къ нему пристали еще два-три человѣка. Немного туже дѣло пошло съ пищею. Доставлять особенную пищу для евреевъ-рабочихъ было довольно обременительно для хозяйства; но такъ какъ это условіе было выговорено рабочими, то Давидъ свято исполнялъ его.

Но, къ величайшему огорченію Самуила, не только остальные рабочіе, даже Борухъ долго упорствовалъ. А между тѣмъ заставить рабочихъ употреблять общую со всѣми пищу

представляло настоятельную необходимость въ виду того, что это сильно раздражало всѣхъ прочихъ рабочихъ.

Самуилъ нѣсколько разъ намекалъ объ этомъ Давиду, но тотъ почему-то не обращалъ на это вниманія.

Когда Самуилъ явился на мельницу, всѣ работники сидѣли уже за субботней трапезой и весело болтали между собой. Мельникъ тутъ же присутствовалъ, хотя не участвовалъ въ трапезѣ. Онъ обыкновенно праздновалъ отдѣльно въ кругу своего семейства; здѣсь же онъ находился для порядка.

Давида еще не было, и Самуилъ рѣшился подождать его. На приглашеніе мельника отвѣдать изъ субботнихъ блюдъ, онъ наотрѣзъ отказался.

Нѣсколько рабочихъ посмѣялись надъ нимъ за его отступничество, но онъ не былъ расположенъ къ спору и потому оставилъ безъ вниманія ихъ насмѣшки.

Когда трапеза кончилась, мельникъ напомнилъ рабочимъ, чтобы они завтра пораньше собрались на утреннюю молитву.

Видя, что Давидъ не является, Самуилъ тоже оставилъ мельницу. Онъ пошелъ по луговой тропинкѣ, которая пересѣкала дорогу, ведущую къ господскому дому. Не смотря на восхитительный вечеръ, на благоухающій воздухъ и ярко сверкающія звѣзды, ему было не по себѣ.

Впервые онъ начиналъ испытывать разочарованіе. Онъ явился сюда съ богатыми надеждами; онъ не рассчитывалъ на такое упорное сопротивленіе со стороны рабочихъ; ему было непонятно, какъ люди хоть на минуту могли усумниться въ чистотѣ того идеала, которому онъ поклонялся, какъ они были настолько слѣпы, чтобы не видѣть истины. Онъ развѣ не сразу увѣровалъ, онъ развѣ рассуждалъ, когда услышалъ новое слово?.. Онъ самъ себя порицалъ за свою нерѣшительность и трусость. Развѣ истину нужно скрывать, развѣ она боится свѣта? Развѣ жъ ей нужно готовить людей? Что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ?

Недовольство собой росло все болѣе и болѣе. Онъ вспомнилъ про Рахиль. Она теперь вдали отъ него; она отпустила его на подвиги во имя истины; она ждетъ, чтобы онъ явился съ бо-

гатыми трофеями своей побѣды и положилъ ихъ къ ея ногамъ, — а что онъ ей принесетъ?..

Кто-то перерѣзаль ему дорогу. Онъ вздрогнулъ и слабо вскрикнулъ отъ испуга. Предъ нимъ стоялъ Давидъ, возвращавшійся изъ новаго участка, гдѣ онъ слѣдилъ за работами. Онъ былъ такъ занятъ цѣлый день, что не могъ по обѣщанію зайти на мельницу.

— А я васъ ждалъ тамъ, — сказалъ Самуиль. — Давидъ освѣдомился о ходѣ работъ на гумнѣ и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Нѣкоторое время они шли молча. Самуиль не зналъ, какъ приступить къ интересующему его вопросу. Наконецъ онъ заговорилъ съ Давидомъ о пищѣ для рабочихъ. По его мнѣнію, нужно разъ навсегда изгнать этотъ обычай, хотя бы пришлось рисковать расположеніемъ рабочихъ. Кромѣ того, что такой порядокъ ложится бременемъ на хозяйство, онъ является первымъ стимуломъ отчужденія и розни между двумя элементами. А развѣ это желательно?

— Я совершенно согласенъ съ вами, — сказалъ Давидъ, — и первый бы уничтожилъ этотъ предрасудокъ. Но не такъ легко бороться съ вкоренившимися обычаями. Къ тому же, — прибавилъ онъ, — не забудьте, что противъ насъ всѣ предубѣждены, и малѣйшій нашъ шагъ къ эмансипированію примутъ за походъ противъ религіи.

— Пусть примутъ... — воскликнулъ Самуиль, — тѣмъ лучше для насъ; развѣ намъ рано или поздно не придется бороться съ ними?

— Я хочу войны безъ крови и побѣды безъ жертвъ, — улыбувшись, сказалъ Давидъ. — Я надѣюсь, что плугъ и соха сдѣлаютъ свое дѣло, и намъ не нужно будетъ прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ.

— Сомнѣваюсь, — проговорилъ въ волненіи Самуиль. — Безъ внутренняго очищенія, безъ отрѣшенія отъ вѣковыхъ предрасудковъ и старыхъ идеаловъ мы никогда не достигнемъ ничего.

— Имѣйте терпѣніе, — сказалъ Давидъ, — и вы сами убѣдитесь, какимъ сильнымъ оружіемъ мы владѣемъ. Что же касается пищи, — прибавилъ онъ, — то объ этомъ нужно серьезно подумать. А пока, прощайте, вамъ нужно повернуть налѣво.

— Прощайте, — сказала Самуиль.

— А что, смѣнщики сегодня не опоздали? — крикнулъ ему вслѣдъ Давидъ.

— По обыкновенію опоздали, — отвѣтилъ Самуиль.

— Какая досада...

Голосъ Давида замеръ въ воздухѣ. Самуиль ускорилъ шаги. Онъ теперь былъ еще болѣе не въ духѣ. Отвѣты Давида, видимо уклонявшася отъ откровеннаго разговора, еще болѣе его раздражили. Или Давидъ смотритъ на него какъ на мальчика, или онъ совсѣмъ ему не сочувствуетъ. И онъ въ этотъ вечеръ долго не могъ заснуть; тревожныя мысли не давали ему успокоиться.

XXXV.

Давидъ между тѣмъ медленно пробирался по хорошо знакомой ему тропинкѣ. Онъ общалъ Ольгѣ непременно придти послѣ работы въ господскій домъ, гдѣ онъ въ послѣднее время такъ рѣдко бывалъ. Со времени своего возвращенія въ деревню, онъ, не смотря на всѣ протесты Ясинскаго, отказался жить въ господскомъ домѣ и поселился вмѣстѣ съ остальными рабочими сначала на гумнѣ, а когда вскорѣ затѣмъ онъ получилъ возможность начать подготовительныя работы на избранномъ участкѣ, то съ нѣсколькими рабочими перешелъ туда.

Помимо того, что Давидъ хотѣлъ жить въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми рабочими, и другія, болѣе глубокія причины заставили его покинуть господскій домъ. Хотя кромѣ обыкновенной дружбы, установившейся между нимъ и Ольгой съ перваго же дня ихъ знакомства, ничто ихъ не связывало, но жить подъ одной кровлей, во всякомъ случаѣ, было не удобно, и Ольга внутренно одобряла упорство Давида, съ которымъ онъ отстаивалъ свое рѣшеніе. Помолвка его съ Беллой хотя и поразила ее своей неожиданностью, но не вызвала въ ея душѣ никакихъ тревожныхъ сомнѣній. Ей только было досадно, отчего Давидъ скрывалъ отъ нея, что онъ любить и скоро сдѣлается женихомъ. Она совсѣмъ не считала его такимъ скрытнымъ. Но вскорѣ и это чувство ступевалось и она стала отно-

ситься къ нему съ прежнимъ довѣріемъ. Это съ своей стороны вызывало въ душѣ Давида чувство благоговѣнія и глубокой благодарности къ Ольгѣ. Ему почему-то казалось, что послѣ его помолвки Ольга должна была потерять къ нему всякое уваженіе. Почему это ему такъ казалось—онъ самъ не зналъ; но чѣмъ ласковѣе и внимательнѣе Ольга относилась къ нему, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ свою вину предъ нею. Не разъ его подмывало объясниться съ Ольгой, рассказать ей, какъ все это случилось, и какъ онъ сдѣлался женихомъ Беллы; но потомъ онъ смѣялся надъ этимъ дикимъ желаніемъ, которое казалось ему бредомъ сумасшедшаго. Тогда онъ мысленно каялся предъ своей невѣстой, которую въ эту минуту любилъ болѣе всего въ жизни.

Переселившись къ рабочимъ и поглощенный дѣлами, онъ въ первое время совсѣмъ не бывалъ въ господскомъ домѣ, но затѣмъ, по настоянію Ясинскаго, сталъ снова являться туда, сначала по праздникамъ, а потомъ и въ другіе свободные дни. Его посѣщенія были теперь даже необходимы для Ольги, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ она приняла на себя роль наставницы все еще гостившей у нихъ Эти, она сильно нуждалась въ совѣтахъ Давида.

Этя быстро освоилась со своимъ новымъ положеніемъ и хотя продолжала еще дичиться постороннихъ, но Ольгу такъ полюбила, что слушалась ее во всемъ. Ольга тоже полюбила эту своенравную дикарку съ огненными глазами и не безъ удовольствія посвящала ей все свое свободное время. О возвращеніи къ отцу она и слышать не хотѣла, тѣмъ болѣе, что Минкесъ и не настаивалъ особенно; о причинѣ, заставившей ее бѣжать изъ отцовскаго дома, она не говорила, и не смотря на всѣ пристававанья Ольги, упорно отмалчивалась. Давидъ и Ясинскій не разъ думали о послѣдствіяхъ, какія повлечетъ за собой пребываніе Эти въ деревнѣ и старались найти какойнибудь исходъ; но защитницей Эти теперь являлась Ольга, которая ни за что не соглашалась съ желаніемъ мужчинъ отвезти дѣвушку обратно въ городъ и заставить отца принять ее. Это, по мнѣнію Ольги, было бы слишкомъ бездушно, тѣмъ болѣе, что она какъ была увѣрена—надъ всѣмъ этимъ тяготѣла какая-то тайна.

Когда Давидъ явился въ господскій домъ, Ольга и Этя сидѣли еще за чайнымъ столомъ; Ясинскаго не было, ему нужно было уѣхать къ сосѣду. Ольга налила Давиду чаю, а Этя, по обыкновенію, уткнулась въ уголъ и потомъ, улучивъ удобную минуту, незамѣтно исчезла съ веранды.

Двѣ свѣчи, вставленные въ стеклянные шары, слабо мерцали, бросая легкую тѣнь кругомъ; самоваръ давно уже потухъ и больше не шипѣлъ.

Разговаривая съ Давидомъ, Ольга не замѣтила исчезновенія Эти и теперь громко засмѣялась, увидя себя одну съ Давидомъ.

— Куда убѣжала эта дикарка? Знаете, она васъ болѣе всего почему-то боится.

Давидъ тоже теперь только замѣтилъ отсутствіе Эти.

— Меня?—удивленно сказалъ онъ; но тотчасъ же замолчалъ, медленно глотая застывшій чай. Двѣ бабочки кружились надъ колеблющимся пламенемъ свѣчи. То приближаясь, то удаляясь отъ него, онѣ выдѣлывали удивительные зигзаги, постоянно ударяясь о стѣнки стекляннаго шара; затѣмъ все ближе и ближе касались пламени... Наконецъ что-то вспыхнуло, и одна изъ нихъ упала на пламя; вслѣдъ за нею упала и другая...

Разговоръ Ольги и Давида продолжался урывками и съ продолжительными паузами; казалось, у нихъ недоставало словъ, или ихъ занимали разныя мысли.

Въ этотъ вечеръ, противъ обыкновенія, Давидъ ни словомъ не обмолвился о своей невѣстѣ, и Ольга не спрашивала его объ ней, какъ всегда.

Когда, наконецъ, всѣ темы были истощены, Ольга снова вспомнила объ Этѣ.

— Она, вѣроятно, въ саду; вы не знаете, какая она мечтательница,—сказала она.—Пойдемте ее искать.

И Ольга проворно сбѣжала съ веранды; Давидъ послѣдовалъ за нею.

Густая темная пелена ночи окутывала садъ; здѣсь звѣзды казались еще выше и еще ярче, и млечная полоса, прорѣзывая сводъ неба, искрилась фосфористымъ блескомъ. Вездѣ

было тихо, и звуки ихъ шаговъ рѣзко отдавались среди этой тишины.

Пройдя нѣсколько аллей и не найдя Эти, они вернулись обратно. Въ ночномъ воздухѣ было сыро и Ольга продрогла.

Давидъ тоже чувствовалъ легкую дрожь во всемъ тѣлѣ.

Такъ какъ было уже поздно и ему предстояло пройти еще порядочное разстояніе, то онъ сталъ прощаться.

Ольга не удерживала его. Она протянула ему влажную отъ сырости руку, и когда Давидъ крѣпко пожалъ ее, нервная дрожь пробѣжала по всемъ ея членамъ.

— Что съ вами? вы вся дрожите...—въ испугѣ произнесъ Давидъ.

— Ничего, пустяки... Я сегодня слишкомъ легко одѣта. Приходите завтра съ братомъ... или нѣтъ, не нужно; я завтра занята... Прощайте.

— Спокойной ночи.—Давидъ скрылся въ темнотѣ, а Ольга еще долго стояла на прежнемъ мѣстѣ, задумчиво всматриваясь въ черное пространство. Проходя мимо комнаты Эти, она уви дѣла тамъ свѣтъ: Этя, полураздѣтая, сидѣла на своей кровати.

— Отчего ты еще не спишь?—спросила ее Ольга.

Этя ничего не сказала и только подняла на нее свои большіе глаза.

Ольга остановилась предъ ней.

— Ты хочешь мнѣ чтонибудь сказать?

Этя не отвѣчала, продолжая смотрѣть на нее. Вдругъ она схватила руку Ольги и притянула ее къ себѣ.

— Вы знаете его невѣсту?—спросила она шопотомъ.

Ольга удивленно посмотрѣла на нее.

Но Этя быстро опустила ея руку и отвернулась; на глазахъ у нея сверкали слезы.

Что-то ударило въ самое сердце Ольги. Неумѣстный вопросъ Эти сталъ вдругъ для нея понятенъ, и отъ этихъ словъ повѣяло на нее чѣмъ-то страшнымъ, роковымъ.

Она нагнулась къ Этѣ и обняла ее.

И у нея на глазахъ теперь сверкали слезы.

XXXVI.

На другой и послѣдующіе за нимъ дни Давидъ не являлся въ господскій домъ. У него было очень много дѣла, и онъ никакъ не могъ оторваться отъ работы. Между рабочими каждый разъ происходили недоразумѣнія и ссоры. Въ послѣднюю субботу, смѣнщики, работавшіе вмѣсто евреевъ при локомотивѣ, заявили вдругъ, что они не могутъ работать, такъ какъ евреи испортили машину. Давиду тотчасъ дали знать, и когда онъ явился на гумно, работа была дѣйствительно приостановлена и рабочіе безпечно покуривали трубки. Давидъ немедленно послалъ за машинистомъ; но до его прихода самъ принялся за осмотръ машины.

Къ величайшему его удивленію, оказалось, что никакой порчи не произошло, но одно колесо перестало дѣйствовать, потому что въ проводникѣ накопилось много соломы.

Рабочіе увѣряли, что евреи небрежно обращались съ машиной, не чистили ее и потому случилось такое обстоятельство. Но это была, очевидно, выдумка, такъ какъ въ противномъ случаѣ машина должна была еще раньше остановиться. Явившійся машинистъ подтвердилъ предположеніе Давида и тотчасъ же пустилъ въ ходъ колеса, предварительно выругавъ рабочихъ, которые не переставали, однако, утверждать, что евреи плохіе работники и т. п.

Это, ничтожное повидимому, обстоятельство неприятно по дѣйствовало на Давида.

Было ясно, что рабочіе-хрістіане не только не относятся сочувственно къ рабочимъ евреямъ, но стараются имъ пакостить. Тѣмъ не менѣе Давидъ рѣшился сдѣлать строгое внушеніе евреямъ-рабочимъ, чтобы они добросовѣстнѣ относились къ своимъ обязанностямъ.

На другой день праздные рабочіе пришли смотрѣть, какъ евреи работаютъ. Послѣдніе молча дѣлали свое дѣло и, помня внушеніе Давида, удвоили свою энергію. Но деревенскіе парни, пришедшіе очевидно съ демонстративной цѣлью, стали передразнивать евреевъ, смѣясь надъ ихъ неуклюжестью. Евреи долго молчали, наконецъ не выдержали, и Борухъ, менѣе

всѣхъ обладавшій терпѣніемъ, толкнулъ вилами стоявшаго близъ него парня. Веселый парень только этого и ожидалъ и, недолго думая, бросился на Боруха. Нѣсколько минутъ длилась борьба при торжественномъ молчаніи обѣихъ сторонъ, съ замираніемъ сердца ожидавшихъ результата. Наконецъ оба борца прохнулись на землю, причѣмъ Борухъ оказался наверху.

Раздалось радостное восклицаніе одной стороны, въ то время, какъ другая въ мигъ набросилась на ликующаго побѣдителя. Произошло общее смятеніе, которое впрочемъ, сразу прекратилось, такъ какъ на мѣсто побоища появился Давидъ. Энергическимъ крикомъ онъ разогналъ толпу, пригрозивъ связать бунновъ.

Когда толпа удалилась, Самуиль подошелъ къ Давиду.

— Видите,—сказалъ онъ:—плугъ и соха еще недостаточная гарантія...

— Не слѣдуетъ изъ частнаго случая дѣлать общіе выводы, — съ несвойственнымъ ему раздраженіемъ произнесъ Давидъ.

— Это вовсе не частный случай,—возразилъ Самуиль; — неприязнь къ намъ рабочихъ-христіанъ сказалась съ перваго момента.

— Это съ непривычки...

— Нѣтъ, не потому, а потому, что они видятъ въ насъ евреевъ...

— Мы ихъ заставимъ иначе смотрѣть...

Давидъ спѣшилъ и потому не могъ удѣлить много времени Самуилу. Онъ только что получилъ письмо отъ Беллы, гдѣ она между прочимъ писала ему, что ея отецъ очень недоволенъ его пребываніемъ въ деревнѣ и настаиваетъ на томъ чтобы какъ можно скорѣе устроить свадьбу. Письмо Беллы, противъ обыкновенія, тоже носило на себѣ отпечатокъ какого-то тайнаго недовольства. Отъ времени до времени прорывались слова, въ которыхъ слышалось и недовѣріе, и подозрѣніе... Она разочаровалась въ этомъ предпріятіи и не вѣритъ больше въ его успѣхъ. Хотя ея отецъ и пристрастенъ, но въ его словахъ и желаніяхъ есть много правды, и т. д.

Давидъ былъ глубоко огорченъ этимъ письмомъ, тѣмъ болѣе, что это писала Белла, изъ-за которой ему приходилось выдерживать такую сильную борьбу съ самимъ собою. Уже двѣ ночи онъ проветъ напроветъ безъ сна, стараясь разрѣшить трудную, непосильную для него задачу.

Онъ больше не хотѣлъ обманывать себя; то, что казалось ему призрачнымъ, скоропреходящимъ, о чемъ онъ самъ боялся думать и чему онъ думалъ противопоставить другое чувство, — оказалось совершившимся фактомъ. Онъ любитъ Ольгу, и она любитъ его. Въ этомъ онъ больше не сомнѣвался. Какъ это все случилось—онъ самъ не понималъ и не хотѣлъ понимать. Когда это открытіе сдѣлалось для него яснымъ, первой его мыслью было оставить все и убѣжать отсюда. Но этотъ первый порывъ вскорѣ смѣнился сознаніемъ невозможности и несостоятельности такого поступка. Онъ долженъ остаться и останется на своемъ посту, какая бы опасность ему ни грозила. У него хватитъ силъ побороть свои личныя чувства и, если понадобится, онъ вынудитъ и Ольгѣ то сознаніе долга, которое тяготѣетъ надъ нимъ и которое она должна дѣлится съ нимъ, если ему сочувствуетъ... И днемъ и ночью эти мысли не покидали его и терзали его умъ и сердце. Онъ сознавалъ свое отчаянное положеніе, но онъ надѣялся побороть въ себѣ охватившее его чувство. Предстоялъ еще другой выходъ—прямо объясниться съ Беллой и рассказать ей всю правду. Но чувство долга и сознаніе той задачи, которую онъ взялъ на себя, не позволяли ему сдѣлать этотъ шагъ, который долженъ былъ имѣть для него такія роковыя послѣдствія; къ тому же, онъ рассчитывалъ на свои силы.

Письмо Беллы, вмѣсто того, чтобы успокоить его, вызвало въ его душѣ еще сильнѣе бурю. Онъ не узнавалъ въ немъ Беллы, и ея симпатичныя черты покрывались густымъ флеромъ. Онъ былъ раздраженъ до невозможности; событія послѣднихъ дней еще ухудшили его настроеніе. Въ такомъ состояніи духа онъ вернулся къ себѣ, гдѣ нашелъ другое письмо, отъ отца.

Повторивъ почти то же самое, что писала ему Белла, лишь съ болѣе подробными комментаріями и совѣтами, отецъ между

прочимъ сообщили ему, какая опасность угрожаетъ Ясинскому со стороны Минкеса.

Давидъ былъ ошеломленъ этимъ извѣстіемъ и нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя. Онъ тотчасъ написалъ отцу, прося его, чтобы тотъ своимъ вмѣшательствомъ предупредилъ неминуемую катастрофу. Затѣмъ, поручивъ старшему работнику наблюденіе надъ работами, онъ, не теряя ни минуты, отправился къ Ясинскому.

— Пожалуйста, пусть только Ольга не знаетъ; она будетъ напрасно тревожиться, — сказалъ ему Ясинскій послѣ обсужденія дѣла, при которомъ Давидъ находился въ болѣе сильномъ волненіи, чѣмъ самъ Ясинскій. Послѣдній очевидно не желалъ распространяться. Онъ говорилъ, что это пустяки какіе нибудь и рѣшилъ поѣхать въ городъ и уладить ихъ. Давидъ передалъ ему письмо къ отцу, прося его непременно зайти къ старику.

Ясинскій обѣщалъ.

Какъ только Ясинскій уѣхалъ, Давидъ тотчасъ же отправился обратно въ поле.

XXXVII.

Всѣ послѣдующіе дни прошли мирно и тихо. Погода стояла хорошая и работы шли бойко, какъ въ полѣ, такъ и на гумнѣ. Но въ ближайшую субботу непріязнь рабочихъ-христіанъ къ евреямъ сказала уже въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ пятницу вечеромъ смѣнщики не только не пришли во время, но вовсе не явились.

Напрасно рабочіе-евреи прождали ихъ весь вечеръ, не покладая работы. То же было на слѣдующій день. Рабочіе засѣли въ кабакъ и, не смотря ни на просьбы, ни на угрозы надсмотрщика, наотрѣвъ отказались работать «за жиновъ».

Рабочіе-евреи въ свою очередь подняли гвалтъ, но благодаря энергической агитаціи Самуила, поддерживаемой Буромъ и еще двумя-тремя молодыми парнями, всѣ согласились не покидать работы...

Давидъ былъ пріятно пораженъ, когда, послѣ напрасныхъ

переговоровъ съ рабочими, явился на гумно и напелъ всѣхъ на своихъ мѣстахъ. Самуиль былъ внѣ себя отъ восторга.

— Что вы на это скажете?—шепнулъ онъ ему послѣ того, какъ Давидъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ благодарилъ рабочихъ отъ имени помѣщика за усердіе и благоразуміе, которое они выказали своимъ поступкомъ.

— Побѣда безъ жертвъ и крови...—тихо отвѣтилъ Давидъ.

Самуиль остался недоволенъ этимъ отвѣтомъ. Ему хотѣлось услышать отъ Давида нѣчто другое, но за то онъ былъ доволенъ своимъ собственнымъ успѣхомъ. То, что Давидъ считалъ побѣдой, было только шагъ къ настоящей побѣдѣ, которая опять стала казаться возможной. Согласіе работать въ субботу нельзя было назвать простымъ капризомъ или желаніемъ угодить помѣщику; тутъ крылась болѣе глубокая причина, и эту причину Самуиль видѣлъ въ своей пропагандѣ. Въ послѣднее время онъ сдѣлался смѣлѣе и сталъ высказывать такія вещи, которыя во всякое другое время вызвали бы цѣлую бурю. На его сторонѣ была уже маленькая партія въ лицѣ Воруха и трехъ молодыхъ рабочихъ, которые всячески поддерживали его.

Въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ Самуиль выставлялъ предъ ними ту новую жизнь, которая ихъ ожидала, если они признаютъ истинное ученіе. Не только загробный рай, но и земной ожидаетъ ихъ. Пора сбросить съ себя вѣковыя цѣпи рабства, пора забыть о жестокихъ преслѣдованіяхъ... Всѣ люди живутъ счастливо, за всѣми признается право на пользованіе благами міра, только не за ними; а—почему? потому что они отвержены, потому что надъ ними тяготѣетъ тяжелый рокъ...

Какъ на бѣду этотъ тяжелый рокъ сказывался теперь на каждомъ шагу. Столкновенія съ рабочими-христіанами стали повторяться почти на каждомъ шагу. Согласіе евреевъ работать по субботамъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить рабочихъ, еще болѣе возбудило ихъ. Прежде они ихъ только дразнили и смѣялись надъ ними, какъ надъ неуклюжими жидами, но и не думали видѣть въ нихъ опасныхъ конкурентовъ. Теперь же, когда они увидѣли, что евреи работаютъ не только по воскресеньямъ, но и по субботамъ, и что надсмотрщикъ хвалитъ постоянно ихъ усердіе, они не на шутку перепугались

и стали открыто кричать, что не хотят нехристей... Особенно рѣзко это обнаружилось когда однажды евреи по недостатку необходимыхъ рукъ пришли поработать въ поле.

«Они ни за что не допустятъ ихъ въ поле, не будутъ работать вмѣстѣ съ нехристями; слыханное-ли дѣло, чтобы жиды, которые Христа распяли, ходили за плугомъ... Ни за что... Наконецъ, что они будутъ дѣлать, когда жиды возьмутся за плугъ и соху!..»

Напрасно Давидъ ихъ урезонивалъ, представляя имъ всю нецѣлность ихъ опасеній, напрасно имъ доказывалъ, что онъ пошлетъ евреевъ въ поле потому, что не хватаетъ рабочихъ христіанъ... Мужики чесали затылки и упорно стояли на своемъ.

Тогда Давидъ велѣлъ надсмотрщику отнять у нихъ плуги и прекратить работы. Такая энергическая мѣра подѣйствовала на рабочихъ, и они молча принялись за дѣло, причѣмъ евреи безъ ропота были допущены въ плугамъ.

Въ слѣдующіе дни не произошло ничего особеннаго, и мужики, повидимому, примирились съ мыслью видѣть вовлѣ себя работниковъ-евреевъ. Но въ ближайшую субботу, когда они увидѣли, что евреи вовсе не думаютъ отъазываться отъ работы, они снова загадѣли, и часть плугарей даже бросилась на гумно съ цѣлью помѣшать евреямъ работать.

«Мы не можемъ допустить, чтобы евреи работали и по субботамъ и по воскресеньямъ; они, такимъ образомъ, будутъ зарабатывать больше чѣмъ мы...» На этотъ разъ угрозы рабочихъ были серьезнѣе, чѣмъ всегда; и они только тогда успокоились, когда Давидъ обѣщалъ имъ, что онъ впредь не будетъ допускать евреевъ къ работамъ по воскресеньямъ...

Всѣ эти дразги, въ связи съ личными тревогами и опасеніемъ за успѣхъ Ясинскаго въ городѣ, сильно дѣйствовали на Давида, и онъ за послѣднее время замѣтно измѣнился.

Совсѣмъ обратное вліяніе имѣли стычки между рабочими на Самуила. Если ему были противны нецѣлныя требованія мужиковъ, то за то ихъ неприязнь къ евреямъ была ему на руку, ибо она давала ему достаточно поводовъ говорить своимъ товарищамъ: «видите, ничего подобнаго не было бы, если

бы между ними и нами не было этой розни... Развѣ они не правы?.. Мы вторгаемся къ нимъ, какъ чужіе, не какъ братья... И мы бы не были лучше, а между тѣмъ какъ бы мы могли жить мирно между собой»...

Такъ какъ евреи были теперь свободны въ воскресенье, то большинство изъ нихъ, въ томъ числѣ и Самуиль, отправились въ деревню. Въ кабакѣ всѣ равны, и за кружкой вина забывается всякая вражда. А тутъ еще Борухъ и Самуиль поставили угощенье. Борухъ, впрочемъ, не первый разъ посѣщалъ кабакъ. Онъ имѣлъ въ деревнѣ много друзей, какъ между мужиками, такъ и между бабами. Онъ былъ веселый малый, и когда у него водились деньги въ карманѣ, онъ не прочь былъ заводить пріятныя знакомства. Поговаривали даже, что ему больно приглянулась краснощекая Гапка и что ради нея онъ часто бѣгаетъ въ деревню. На этотъ разъ, однако, его привлекла въ кабакъ не Гапка, а соображенія высшаго порядка. «Конечно, онъ бы самъ никогда до этого не додумался, на то у Самуила есть голова; но онъ, Борухъ, тоже не глупый человѣкъ, и если учитель говоритъ, то ученикъ долженъ слушаться... Вѣдь когда Христось говорилъ апостоламъ, они его слушались, не правда-ли?.. А развѣ ты думаешь, что я не вѣрю въ Христа... Побей меня Богъ, если я говорю неправду»...

У Боруха все болѣе и болѣе развязывался языкъ, а у мужиковъ все болѣе и болѣе наострались уши; еврей-рабочіе тоже присоединились къ этимъ теологическимъ преніямъ.

Народу набралось много въ кабакъ; услужливый кабатчикъ подавалъ вино въ изобиліи; мужики и евреи усердно полоскали свое горло.

Самуила тоже заставляли пить и нѣкоторые даже дѣлали къ нему уже цѣловаться, «потому онъ уже больно хорошо говорить... Вотъ и Борухъ говоритъ дѣло, а уже куда ему до Самуила. И самъ отецъ Софронъ лучше не скажетъ». Самуиль дѣйствительно говорилъ съ увлеченіемъ; даже евреи его заслушались.

— Знай я, что не вы распяли Христа, то ей Богу ни за что бы вчера не гадѣлъ на гумнѣ... Вотъ тебѣ крестъ, что я не вру...—И пьяный мужиченко съ осоловѣлыми глазами осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

— И я тоже, побей меня Богъ!—вскричалъ другой.

— То жиды распяли Христа, а это не жиды, — отвѣтилъ третій мужичекъ,—слышишь, что Борухъ говорить: что и они вѣрують въ Христа...

Нѣкоторымъ изъ присутствующихъ евреевъ такое заявленіе пьянаго мужика сильно не понравилось. Но ихъ протестъ затерялся среди общаго шума и звона стакановъ.

Какой-то пьяный мужичекъ потребовалъ, чтобы Самуиль доказалъ на дѣлѣ, что онъ не нехристь.

— Какъ же тебѣ доказать?—спросилъ онъ.

— А перекрестись.

— Этого я не могу сдѣлать,—сказалъ Самуиль,— я вѣрую въ Христа не такъ какъ вы...

— Если ты не перекрестишься, такъ ты нехристь и есть, потому нельзя не креститься... приставалъ къ нему мужичекъ.

Самуиль пытался объяснить разницу между обыкновеннымъ христіаниномъ и евреемъ-христіаниномъ... Но мужиченко не слушалъ его и продолжалъ настаивать:

— Перекрестись, или ты нехристь и есть...

— А вотъ Борухъ перекрестится, —вскричалъ его сосѣдъ.

Борухъ поднялъ свою отяжелѣвшую голову и безмысленно посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Ну, перекрестись ты, Борухъ, — пристали къ нему и другіе.

— А вы думаете, не перекрещусь, эка важность. — И Борухъ поднялъ свою руку.

Кто-то изъ евреевъ толкнулъ его въ бокъ.

— Ты съ ума сошелъ, Борухъ!

Борухъ удивленно посмотрѣлъ на него и потомъ быстро осѣнилъ себя крестомъ.

Раздалось радостное и громкое одобреніе присутствующихъ. Ближайшіе полѣзли къ нему цѣловаться, другіе кричали и толкали своихъ сосѣдей-евреевъ, чтобы и они послѣдовали примѣру Боруха. Кто-то крикнулъ, чтобы идти всей гурьбой къ отцу Софрону, что онъ-де все толкомъ разберетъ, потому какъ все они христіанскія души, но попали въ жидовскую шкуру...

— И пойду... что мнѣ отецъ Софронъ... — слышался хрип-

лый голосъ Боруха. — Я такой же человекъ, какъ и всѣ, и Христось мей братъ... Такъ ли я говорю, Самуиль?

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, произошло общее смятеніе. Одни рвали Боруха къ себѣ, другіе—къ себѣ. Среди подымающаго шума и гвалта ничего нельзя было разобрать. Нѣсколько пьяныхъ мужиковъ упали на полъ и, не будучи въ состояніи подняться, тутъ же и остались. Слышались голоса: Къ отцу Софрону... Христіанскія души... жидовская шкура... Борухъ, не смѣй этого дѣлать, или ты не еврей больше... Валявшіеся на полу мужики орали и охали, нѣкоторые пѣли...

Когда пьяная толпа пришла къ отцу Софрону, тотъ долго не могъ добиться, чего они отъ него хотятъ.

— А вотъ, Боруха привели, некрещеннаго христіанина... крестить нужно...—кричала толпа.

— Гдѣ же Борухъ?—спросилъ удивленный отецъ Софронъ, ища глазами некрещеннаго христіанина.

— Борухъ, Борухъ!.. Ишь чортовъ сынъ... да гдѣ же онъ?— Мужики въ недоумѣніи стали оглядываться...

— Что же вы шутить надо мной вздумали... Гдѣ же Борухъ?—разсердился отецъ Софронъ,

Мужики потупились.

— Да онъ тутъ былъ съ нами...—сказалъ кто-то.

— Я его не видѣлъ,—строго сказалъ отецъ Софронъ,—это вамъ, вѣроятно, съпьяна показалось.

— Ни, ни... Побей насъ Богъ... Тутъ былъ — да и пропалъ...

— Проваливайте... крикнулъ, уже не на шутку разсердившись, отецъ Софронъ... Сами пьянствуете, а другихъ напрасно тревожите...

XXXVIII.

Такъ неудачно окончившаяся попытка сближенія между евреями и христіанами на религіозной почвѣ, однако, не обезкуражила Самуила. Если крестьяне его не поняли, а еврей противодѣйствовали его планамъ, то это, по его мнѣнію, происходило отъ слабой подготовки и тѣхъ и другихъ къ воспринятію его идей. И онъ рѣшился еще съ большимъ рвеніемъ при-

няться за дѣло, тѣмъ болѣе, что въ полученномъ изъ города письмѣ его извѣщали, что тамъ дѣла идутъ успѣшно и что Радоверъ готовится къ первой публичной проповѣди. Не такъ, однако, повліяла сцена въ кабакѣ на остальныхъ рабочихъ.

Не подозрѣвая ни въ чемъ Самуила, не находя въ его поступкахъ ничего подозрительнаго, они всей суровостью своего приговора набросились на Боруха.

Рѣчь Самуила въ кабакѣ была для нихъ мало понятна, но за то поступокъ Боруха превышалъ всякія мѣры, и всякій правовѣрный еврей долженъ былъ отъ него сторониться. Къ Самуилу приставали, къ другимъ приставали, а только одинъ Борухъ положилъ крестъ и согласился даже пойти къ отцу Софрону, и не будь мужики такъ пьяны, а они такъ трезвы, одинъ Господь знаетъ, что бы было...

У Боруха голова еще была тяжела отъ утренней попойки, и онъ крайне неохотно слушалъ упреки своихъ товарищей... Ему еще мерещились кабакъ и веселая компанія... Въ городѣ онъ голодалъ и ходилъ вѣчно грустный съ опущенной головой, точно всѣ несчастія міра на него обрушились... А тутъ и печали нѣтъ... Немножко голова трещить и во рту не совѣтъ ладно; но стоитъ только всполоснуть горло. И онъ рѣшилъ снова отправиться въ деревню. Тамъ онъ кстати, можетъ быть, встрѣтитъ и Ганку. Вотъ дѣвка, такъ дѣвка... Въ городѣ онъ такихъ не видалъ... И его мысли на минуту сосредоточились на здоровой, краснощекой Ганкѣ, съ которой онъ нѣсколько времени тому назадъ познакомился. Отъ Ганки мысли его опять перешли къ событіямъ сегодняшнаго дня и къ приставамъ товарищей, и въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что Самуилъ самый умный человѣкъ въ мірѣ и что не открой онъ ему глазъ, онъ бы и до сихъ поръ думалъ, что лучше еврея и на свѣтѣ нѣтъ...

Онъ приподнялся съ своего ложа и, ниѣмъ незамѣченный, нетвердой походкой отправился по тропинкѣ, ведущей въ деревню. Благодаря свѣжести вечерняго воздуха, хмѣль у него сталъ проходить; онъ чувствовалъ себя бодрѣе, и его веселое настроеніе увеличивалось еще при мысли о возможной встрѣчѣ съ Ганкой. Она ему не говорила, что будетъ ждать его, но по ея лукавой улыбкѣ, которая ему такъ въ

ней правилась, онъ похвально, что она навѣрное придетъ повидаться съ нимъ.

Борухъ теперь вспомнилъ эту улыбку, и нѣкоторое чувство гордости закралось въ его душу. Двадцать пять лѣтъ онъ уже живетъ на бѣломъ свѣтѣ, и до сихъ поръ ни одной дѣвушкѣ, которыхъ въ городѣ такъ много, въ голову не приходило улыбнуться ему такъ, какъ это сдѣлала Ганка. Правда, не смотря на его бѣдность, въ невѣстахъ у него недостатка не было, и многіе подсылали къ нему сватовъ; но улыбки онъ нигдѣ не встрѣчалъ... А что Ганка не хуже, а лучше ихъ... И не дожончивъ своей мысли, онъ запѣлъ какую-то веселую пѣсенку.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда онъ пришелъ въ деревню. На перекресткѣ Борухъ остановился въ нерѣшительности, въ какую сторону ему повернуть. Вдругъ кто-то пробѣжалъ мимо него.

— Ганка, это ты?—окликнулъ Борухъ, и въ тотъ же мигъ уже схватилъ ее за руку.

Ганка сдѣлала видъ, что хочетъ уйти; она говорила, что ей некогда, ее ждутъ... Но Борухъ удержалъ ее.

— Куда ты спѣшишь?—сказалъ онъ.

— У тебя, видно, время ждать,—съ напускной суровостью сказала Ганка, продолжая однако стоять на мѣстѣ.

Борухъ тоже стоялъ молча, не зная, что бы такое сказать Ганкѣ: сердце у него учащенно билось, и онъ чувствовалъ, какъ голова у него кружится.

Нѣсколько минутъ длилась нѣмая сцена; наконецъ Ганка громко засмѣялась и ударила Боруха по рукѣ. Борухъ схватилъ ее за плечо и привлекъ къ себѣ.

— Ганка!—сказалъ онъ тихо.

— Что тебѣ?.. Ганка продолжала хихикать поддразнивающимъ смѣхомъ.

Борухъ обнялъ ее широкую талью.

Дѣвушка не сопротивлялась. Она перестала хихикать и разомъ притихла.

Борухъ осторожно поцѣловалъ ее. Она прижалась къ нему, и онъ еще крѣпче обнялъ ее.

. — Пусти, Борухъ... прошептала наконецъ Ганка.

Но Борухъ ее не слушалъ; онъ теперь держалъ ее въ своихъ крѣпкихъ рукахъ и увлекалъ за собой. Ганка тяжело дышала, но слѣдовала за нимъ, слабо сопротивляясь.

Когда Борухъ и Ганка остановились, на нихъ повѣяло запахомъ душистаго сѣна. Борухъ выпустилъ ее изъ своихъ объятий, чтобы перевести дыханіе.

Ганка не двигалась съ мѣста. Они теперь были въ просторномъ сѣновалѣ. мягкое сѣно своимъ ароматомъ кружило имъ голову. Кругомъ было темно; только свѣозъ дырявую крышу смотрѣли слабо мерцающія звѣзды.

Ганка первая опомнилась и бросилась къ дверямъ, но поскользнулась и упала. Борухъ кинулся за ней.

— Пусти, Борухъ...—раздался ея шопотъ.

— Не пущу... Борухъ крѣпко держалъ ее въ своихъ объятияхъ; онъ весь пылалъ, какъ въ огнѣ, и этотъ огонь передавался Ганкѣ.

Она сдѣлала усиліе, чтобы оттолкнуть отъ себя обезумѣвшаго отъ бѣшеннoй страсти Боруха, но силы ей измѣнили. Она опустила голову и въ сладостномъ трепетѣ замерла у него на груди...

Когда Борухъ повдно ночью возвращался по тропинкѣ на гумно, звѣзды по прежнему тихо мерцали на небѣ и та же свѣжесть и прохлада чувствовались въ ночномъ воздухѣ. Только въ его душевномъ настроеніи произошла сильная перемена. Не будучи въ состояніи объяснить и анализировать, онъ, однако, чувствовалъ, что въ его жизни произошелъ какой-то рѣзкій переломъ и что съ этого момента у него все пойдетъ не такъ, какъ до сихъ поръ. Онъ замедлилъ шаги и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни крѣпко задумался.

XXXIX.

Происшествіе въ кабакѣ непріятно подѣйствовало на Давида, тѣмъ болѣе, что съ этого дня установившіяся было дружескія отношенія между евреями и крестьянами снова были нарушены и обнаружались цѣлымъ рядомъ мелкихъ стычекъ

и пререканій, предвидѣть и предотвратить которыя не было никакой возможности. Но, помимо всего этого, самая подкладка этого происшествія крайне не нравилась Давиду. Ему было досадно, что Самуилъ переступаетъ всякія границы. До сихъ поръ онъ старался держаться нейтрально и всячески избѣгалъ объясненія съ Самуиломъ, не смотря на то, что тотъ не разъ вызывалъ его на это. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что идеи Радовера, представителемъ которыхъ въ деревнѣ явился Самуилъ—если онѣ, можетъ быть, и искренни, то во всякомъ случаѣ не имѣютъ подъ собою почвы. Но онъ не мѣшалъ Самуилу—считая его агитацію небезполезною совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Но послѣдняя выходка его носила уже такой характеръ, что ее нельзя было оставить безъ протеста, и Давидъ счелъ своею прямою обязанностью серьезно потолковать съ экзальтированнымъ юношей.

Случай не замедлил представиться. Давида какъ-то навѣстилъ отецъ Софронъ, съ которымъ онъ давно уже былъ знакомъ и который очень сочувственно относился къ его предпріятію, хотя по временамъ и подтрунивалъ надъ жидомъ-пакаремъ.—«То ли дѣло жидъ-шинкарь... Велякъ сверчокъ знай свой шестокъ...» совершенно добродушно и даже съ претензіею на философское глубокомысліе утверждалъ строгій пастырь.

Въ теченіе разговора отецъ Софронъ, между прочимъ, кокнулся исторіи съ Борухомъ и сообщилъ, что онъ стороною узналъ, что Борухъ дѣйствительно хотѣлъ идти къ нему, да другіе его удержали.

— Вотъ и этотъ паренекъ былъ въ шинкѣ,—сказалъ священникъ, указывая на вошедшаго въ это время Самуила.

— Ну такъ что же, что былъ? — отрѣзалъ ему Самуилъ.

— А отчего Боруха ко мнѣ не пустилъ?.. Душу загубилъ...

— Онъ самъ не захотѣлъ идти.

— Врешь!

Давидъ не вмѣшивался въ этотъ разговоръ, но когда священникъ уѣхалъ, онъ обратился къ Самуилу.

— Я уже давно хотѣлъ поговорить съ вами по этому поводу...

Радостная улыбка заиграла на лицѣ юноши; онъ весь прератился въ слухъ.

— Я того мнѣнія,—продолжалъ Давидъ,—что всякая идея, даже самая совершенная, если она является несвоевременно, не только не приноситъ пользы, но и вредна во многихъ отношеніяхъ. Я не желаю навязывать вамъ свое убѣжденіе, что не на почвѣ религиозныхъ началъ народы возрождаются и мирятся другъ съ другомъ; я только хочу вамъ показать, что ваша пропаганда несвоевременна, не имѣетъ подъ собою почвы и, кромѣ дурного, ничего не принесетъ...

— Почему вы думаете, что она не имѣетъ почвы?—съ жаромъ воскликнулъ Самуиль.

— Потому что умъ и сердце еврея воспитаны въ такихъ традиціяхъ, скованы такими крѣпкими цѣпями съ прошлымъ, что вашей пропагандѣ никогда туда не проникнуть...

— Вы хотите сказать, что еврей вообще не способенъ къ воспринятію новыхъ ученій, или только этого?

— Нѣтъ, только этого...

— Почему?

— Потому что ваша пропаганда исходитъ изъ невѣрнаго начала. Вы говорите, что хотите убѣдить евреевъ, чтобы они загладили свой «историческій грѣхъ», и за это имъ обѣщаете рай небесный и земной... Развѣ въ этомъ одномъ не заключается глубокой трагикомизмъ? Вѣдь еврей въ правѣ вамъ сказать, что тѣ, съ которыми вы хотите ихъ слить во имя извѣстной идеи, сами еще очень далеки отъ этой идеи.

— Что же по вашему дѣлать? — воскликнулъ Самуиль.— Остаться такимъ навсегда, отказаться отъ сліянія съ остальными и продолжать прозябать въ грязномъ гетто?

— Нѣтъ!—произнесъ, нѣсколько возвысивъ голосъ, Давидъ;— но не на этомъ пунктѣ должно произойти желательное сліаніе двухъ элементовъ, да оно и не произойдетъ никогда: тутъ нѣтъ химическаго сродства... Есть другіе пути, и намъ ихъ открываютъ наука и человѣческая прозорливость... Когда, ступая по этимъ путямъ, мы вдругъ столкнемся на перепутьи, то сами подадимъ другъ другу руку и сольемся въ одну человѣческую семью... Внѣ же этихъ путей пока нѣтъ ничего отраднago, и

всякій, кто манитъ васъ въ туманную даль, обѣщая рай земной, совершаетъ тяжелое преступленіе...

XI.

Въ дни, послѣдовавшіе за этимъ разговоромъ, Самуила постоянно видѣли въ глубокой задумчивости, въ особенности же въ тѣ моменты, когда онъ былъ свободенъ отъ работы. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ Борухъ завелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи мнѣ, Самуиль, что бы ты сдѣлалъ, если бы ты полюбилъ дѣвушку?

Самуиль посмотрѣлъ на него и потомъ разразился веселымъ юношескимъ смѣхомъ.

— Ты не смѣйся,—обиженно проговорилъ Борухъ.

— Да я и не смѣюсь... Что бы я сдѣлалъ?..

— Ну, что?—продолжалъ настаивать Борухъ.

— Любилъ бы...

— Ну, а потомъ?

— Потомъ? Женился бы...

— Да?.. Даже если бы эта дѣвушка была не еврейка...— едва слышно произнесъ Борухъ.

Самуиль вдругъ пересталъ смѣяться и серьезно посмотрѣлъ на Боруха.

— Что за вздоръ ты мелешь?..

— Вовсе не вздоръ... Я тебя спрашиваю.

— Я бы никогда не полюбилъ...—въ замѣшательствѣ сказалъ Самуиль.

— Ну, а если бы все-таки...

— Что ты, съ ума сошелъ?.. Не забудь, что еврей не можетъ жениться на христіанкѣ...

— Почему не можетъ?..

— Законъ запрещаетъ; развѣ онъ изъявитъ желаніе сдѣлаться христіаниномъ.

— Но развѣ мы съ тобою еврей?

Самуиль остолбенѣлъ и не зналъ, что отвѣчать. Всѣ его взвѣнія, все, о чемъ онъ такъ долго размышлялъ, и во что, каза-

лось, вѣриль всею душой—все это вдругъ превратилось въ какой-то хаотическій комокъ, и онъ не въ состоянїи былъ отвѣтить на такой прямой, безхитростный вопросъ. Онъ вспомнилъ бесѣду съ Давидомъ, и въ мозгу у него еще болѣе все спуталось. «Что бы онъ сдѣлалъ?» Когда онъ поднялъ голову, Боруха уже не было; онъ видѣлъ его шедшимъ по направленію къ деревнѣ, насвистывая какую-то пѣсенку.

«Что бы онъ сдѣлалъ?» При всемъ своемъ старанїи Самуиль не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ. Весь вечеръ онъ провелъ въ тревожныхъ думкахъ, пытаясь разобраться въ этой массѣ противорѣчій, въ которыя онъ впадалъ на каждомъ шагѣ. Спать онъ совсѣмъ не могъ, и ему мерещилась здоровая фигура Боруха съ проклятымъ вопросомъ на устахъ.

Когда Борухъ поздно ночью вернулся изъ деревни и усталый повалился на сухую солому, Самуиль тихо спросилъ его:

— Зачѣмъ ты мнѣ предложилъ этотъ вопросъ, Борухъ?

— Такъ себѣ, по глупости... И Борухъ повернулся на другой бокъ.

Самуиль, однако, долго еще не могъ заснуть.

XLI.

Ясинскій вернулся изъ города, не успѣвъ придти ни къ какому соглашенію съ Минкесомъ, съ которымъ онъ, впрочемъ, не хотѣлъ вести личные переговоры, а дѣйствовалъ чрезъ повѣреннаго. Опасность, угрожавшая ему, была гораздо серьезнѣе, чѣмъ даже онъ предполагалъ.

Въ рукахъ ростовщика накопилось документовъ на такую сумму, что, предъяви онъ ихъ ко взысканію, Ясинскій роковымъ образомъ долженъ былъ раззориться. Попытки Ясинскаго достать кредитъ въ городѣ не увѣнчались успѣхомъ, отчасти благодаря продѣлкѣ Минкеса, отчасти же общему кризису и застою въ дѣлахъ. Даже контора Ауэрбаха дѣлала очень плохія дѣла и была въ стѣсненномъ положенїи.

Ясинскій продалъ весь свой нынѣшній урожай, завелъ переговоры о продажѣ лѣса, но всего этого было недостаточно.

Давидъ былъ сильно огорченъ, узнавъ, какая опасность

угрожаетъ его другу. Еще раньше онъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ тотъ въ довольно мрачныхъ краскахъ описалъ ему положеніе дѣлъ Ясинскаго. Все зло, по мнѣнію Ауэрбаха, произошло отъ новомодныхъ увлеченій. Ясинскій захотѣлъ вести свое хозяйство на рациональныхъ началахъ, выписывалъ много дорого-стоящихъ машинъ, покупалъ дорогія сѣмена и очень щедро платилъ рабочимъ... Но, конечно, никакой опасности не предстояло, и онъ бы навѣрное современемъ расплатился съ долгами, если бы не коварный Минкесъ.

Но какъ помочь дѣлу—объ этомъ старикъ Ауэрбахъ почти ничего не писалъ, а то, что онъ узналъ отъ Ясинскаго, его далеко не удовлетворяло.

Нужно какъ нибудь выпутаться изъ этого положенія,—твердилъ себѣ Давидъ, и тысячи разнородныхъ плановъ рождались и исчезали въ его мозгу; но ни одинъ изъ нихъ не былъ удобоисполняемъ и не подходилъ къ даннымъ обстоятельствамъ.

Потребовать отъ Эти, чтобы она вернулась въ городъ и рассказала отцу всю правду и тѣмъ разъяснила отношенія къ ней Ясинскаго—можетъ быть, этотъ планъ былъ бы и хорошъ, но, во первыхъ, Минкесъ, пожалуй, и не повѣритъ и это уже не удовлетворитъ его алчности и жажды мести, а во вторыхъ, и самъ Ясинскій не согласится на такую сдѣлку.

Давидъ терялся въ предположеніяхъ, не успѣвъ еще ничего путнаго придумать. Среди этихъ волненій и заботъ онъ даже забылъ о своихъ личныхъ тревогахъ. Мучительно жгучіе вопросы, стоявшіе на очереди, отодвинулись нѣсколько на задній планъ. Но все-таки, думая о положеніи Ясинскаго, онъ невольно вспоминалъ и объ Ольгѣ, и въ эти минуты положеніе его друга казалось ему мѣнѣе ужаснымъ въ сравненіи съ его собственнымъ. Онъ во всемъ обвинялъ себя: какъ онъ могъ поступить такъ легкомысленно и опрометчиво... Онъ Беллу никогда не любилъ, или ему только казалось, что онъ ее любитъ... Для чего онъ связалъ свою судьбу съ судьбой этой дѣвушки, зачѣмъ онъ такъ позорно бѣжалъ отъ угрожавшей ему опасности, не рѣшившись даже вступить въ борьбу?.. Онъ хотѣлъ у нея искать защиты, онъ рассчитывалъ, что эта слабая

дѣвушка удержать его на пути къ долгу... Но что это за долгъ?.. Предъ кѣмъ и предъ чѣмъ онъ обязанъ? Кто имѣеть право требовать отъ него такой жертвы?..

Предъ нимъ лежали письма отъ Беллы и отъ отца. Въ этихъ писаніяхъ не было для него ничего утѣшительнаго; напротивъ, никому изъ нихъ, видно, и дѣла не было до его душевныхъ страданій... Каждый хлопоталъ о своихъ интересахъ и старался за себя. Въ словахъ Беллы было много тайной горечи и накопившейся душевной боли. Она какъ будто почувствовала катастрофу и требовала увѣреній и отреченій... Она хотѣла видѣть его возлѣ себя, въ заботахъ и думахъ о ней. Если бы онъ о ней больше думалъ, развѣ онъ бы предпочелъ ей интересы и заботы о чужихъ, постороннихъ? Что изъ этого выйдетъ... Она этому конца не видитъ... Она теперь писала совсѣмъ не то, что говорила, въ чемъ его увѣряла раньше... Прежде она его сама вызывала на бой, подстрекала къ борьбѣ, а теперь... Эта рѣзкая переměна была очевидна и не могла не бросаться въ глаза Давиду.

Письмо отца совсѣмъ разстроило его. На просьбу его, не можетъ ли онъ распутать финансовыя затрудненія Ясинскаго, отецъ отвѣтилъ ему цѣлымъ философскимъ посланіемъ, изъ котораго онъ ровно ничего не понималъ, или понималъ только то, что ему слѣдуетъ бросить все, пріѣхать въ городъ и жениться на Беллѣ... Это его возмутило до глубины души. Надъ нимъ смѣются, съ нимъ играютъ... По какому праву?.. Не думаютъ ли они воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Ясинскаго для того, чтобы и его прижать?.. Эта мысль, какъ молнія, промелькнула у него въ головѣ и обожгла его всего, точно кто-то прикоснулся къ нему каленымъ желѣзомъ. Вся его гордая натура возмутилась. При одной мысли о возможности пораженія, кровь бросилась ему въ голову... Чтобы все, надъ чѣмъ онъ трудился, что онъ такъ лелѣялъ, чтобы всѣ его планы и расчеты на будущее разомъ рухнули?.. Ни за что въ мірѣ!.. Онъ самъ поѣдетъ въ городъ сейчасъ, сію минуту... Онъ все сдѣлаетъ, чтобы спасти Ясинскаго и себя... Топоръ, которымъ онъ срубалъ толстый сукъ съ бревна, вывалился у него изъ рукъ и упалъ къ его но-

гамъ; но онъ этого же замѣчалъ и продолжалъ стоять, охваченный твердымъ рѣшеніемъ употребить всѣ усилія для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы...

Въ такомъ состояніи застала его Ольга. Она возвращалась изъ деревни и заѣхала посмотрѣть на работы... Къ тому же Ясинскій просилъ ему передать, чтобы онъ непременно пришелъ къ обѣду, такъ какъ ему нужно съ нимъ поговорить.

Отъ ея пытливаго взора не ускользнуло то смущеніе, которое охватило Давида при ея появленіи.

Она сама не менѣе его была смущена. Они уже нѣсколько дней не видались; Давидъ упорно избѣгалъ встрѣчи съ нею. Она это отлично видѣла и понимала причину. Ей было не менѣе тяжело, чѣмъ ему, но она не могла помочь ни ему, ни себѣ. Они находились въ заколдованномъ кругу, изъ котораго невозможно выбраться, не произнеся таинственной формулы... Но если они произнесутъ, если она произнесетъ. Что тогда?..

Давидъ показывалъ ей работы... Они ступали по мягкой, покрытой щепками и стружками землѣ; вездѣ валялись бревна, доски, толстые обрубки, цѣлыя горы мусора. Въ воздухѣ стоялъ запахъ сырого дерева и свѣжей земли. Ольга проворно слѣдовала за Давидомъ, ловко перескакивая чрезъ кучи бревенъ и деревянныхъ отбросковъ; на одномъ мѣстѣ она споткнулась о толстый сукъ, попавшійся ей подъ ноги; она чуть не упала, но Давидъ подоспѣлъ во-время и схватилъ ее за руку. Стукъ топоровъ и шумъ пилы заглушали ихъ разговоръ. Работа шла дѣятельно; вездѣ виденъ былъ образцовый порядокъ; всякій рабочій былъ на своемъ мѣстѣ.

— Если такъ будетъ продолжаться дѣло, то къ будущей веснѣ все необходимое будетъ готово и можно будетъ приступить къ полевымъ работамъ.

Ольга была въ восхищеніи отъ всего видѣннаго и предсказывала ему блестящій успѣхъ... Они медленно подвигались впередъ по залитой солнцемъ мѣстности. По сторонамъ лежали поля, мѣстами вспаханныя, мѣстами подъ паромъ; впереди видѣлся лѣсъ, уже отчасти потерявшій свою зеленую листву. Въ воздухѣ стояло то торжественное спокойствіе, которое въ южной полосѣ обыкновенно наблюдается въ концѣ лѣта и въ

началъ осени; чѣмъ-то таинственнымъ вѣетъ отовсюду: и отъ скошеннаго луга, и отъ вспаханнаго поля, и отъ тихо журчащей рѣчки—жизнь точно вступаетъ въ зрѣлый возрастъ, готовая успокоиться отъ бурныхъ тревоженій жаркой поры... Стукъ топоровъ все удалялся, смѣнившись нѣжнымъ шелестомъ листьевъ. Они теперь стояли на краю лѣса; узкая дорожка извивалась предъ ними и терялась въ глубинѣ чащи; въ сторонѣ отъ нея шла другая подъ гору и вела на усадьбу.

Они оба остановились, чувствуя, что дальше имъ некуда идти. Одна и та же мысль занимала ихъ обоихъ, одно и то же желаніе заставляло сильнѣе биться ихъ сердца; но они стояли въ заколдованномъ кругу, и огненная черта мѣшала имъ приблизиться другъ къ другу.

— Я сегодня ѣду въ городъ,—прервалъ наступившее молчаніе Давидъ. Онъ чувствовалъ приближеніе роковой минуты и хотѣлъ отратить то, что неминуемо должно случиться.

— Васъ зовутъ?—тихо и нерѣшительно произнесла Ольга.

— Да... Нѣтъ, не зовутъ... но я самъ этого желаю...

Ольга поблѣднѣла и растерялась.

— Что же, тѣмъ лучше для васъ... сказала она наконецъ. — Васъ ждетъ счастье...— Не смотря на все ея стараніе, въ ея голосѣ слышалась раздражительная нотка.

— Вы думаете?.. можетъ быть, и счастье... Но я полагаю, что долгъ выше счастья.

Ольга посмотрѣла на него.

— О какомъ долгѣ вы говорите?—Но она тотчасъ притихла и потушилась, до того неумѣстнымъ и неделикатнымъ показался ей этотъ вопросъ; она была зла на себя и готова была на колѣняхъ просить у него прощенія.

— О какомъ долгѣ?—въ задумчивости и не замѣчая ея смущенія, повторилъ за ней Давидъ; но чрезъ минуту прибавилъ: — Если бы кто нибудь указалъ мнѣ другой, настоящій путь, ведущій къ исполненію этого долга, я бы ему всю жизнь отдалъ.

Искра радости зажглась въ грустныхъ глазахъ Ольги. Неужели она ему не укажетъ этого пути? Она его знаетъ, она его чувствуетъ, онъ приходитъ и свѣтлой лентой извивается

въ ея груди... въ его груди... Какой еще лучший путь можетъ вести человѣка къ исполненію его долга?

Она обернула къ нему свое лицо; оно свѣтилось и вспыхивало внутреннимъ огнемъ. Она подняла на него свои глаза, полные беззаветной любви, и вдругъ мрачная тѣнь легла между ея тонкихъ, шедшихъ высокой дугой бровей. Она отвернулась и низко опустила голову.

Сквозь высокія вѣтвистыя деревья прорвался золотистый пучокъ солнечныхъ лучей и освѣтилъ ихъ своимъ сіяніемъ.

Ѣхавшій позади ихъ кабриолетъ остановился какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раздѣлялись дорожки. Кучеръ Иванъ слѣзъ съ своего сидѣнья и въ ожиданіи господъ сталъ поправлять скатившійся со спины лошади хомутъ.

Ольга и Давидъ въ молчаніи подошли къ кабриолету.

— Иванъ придетъ домой гнѣвомъ, а вы садитесь со мной.— И не дождавшись его отвѣта, Ольга прыгнула въ кабриолетъ и схватила возжи. Лошадь тронулась, прежде чѣмъ Давидъ успѣлъ усѣсться, и ему пришлось на ходу вскочить въ кабриолетъ.

На одномъ изъ поворотовъ она немного удержала возжи и, не оборачиваясь къ нему, отрывистымъ голосомъ спросила:

— Вы не любите своей невѣсты?

Давидъ не отвѣчалъ.

Ольга еще сильнѣе дернула возжи. Лошадь быстрѣе поехала.

XLII.

Ясинскій работалъ въ саду и Давидъ прямо прошелъ къ нему.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ,—сказалъ онъ; — я сегодня утромъ получилъ письмо отъ моего повѣреннаго, и онъ мнѣ пишетъ, что Минкесъ уже подаль ко взысканію всѣ докумен-ты... За проданный хлѣбъ уже получены деньги, съ продажей тѣса переговоры идутъ бойко... Я получилъ еще предложеніе продать нѣкоторыя машины...

— Все же сумма еще незначительная, и она Минкеса не

удовлетворить,— сказалъ Давидъ и потомъ прибавилъ:— Я думаю сегодня отправиться въ городъ.— На вопросъ Ясинскаго: зачѣмъ? онъ прямо открылъ ему свои планы, какъ и гдѣ онъ думаетъ найти средства, чтобы расплатиться съ Минкесомъ.

Около часа оба друга провели въ серьезной бесѣдѣ, разбирая всё pro и contra, дѣлая математическія выкладки и соображенія.

Голосъ Ольги заставилъ ихъ очнуться; она звала Эту, которая куда-то исчезла. Они встали и направились къ дому.

Въ это же время за широкимъ кустомъ, который ихъ отдѣлялъ отъ сосѣдней аллеи, раздался слабый порохъ и послышались чьи-то торопливые шаги. На концѣ аллеи они столкнулись съ Этею.

— Васъ Ольга уже давно ищетъ,— сказалъ ей Ясинскій.— Идите скорѣе.

Во все время обѣда Этя была въ крайне возбужденномъ состояніи и почти ничего не ѣла. И если никто не обратилъ на это вниманія, то единственно потому, что каждый былъ занятъ собою. Ольга была необыкновенно грустна и сосредоточена; Давидъ и Ясинскій были поглощены дѣлами и разговоромъ о предстоящей вѣздкѣ. Давидъ отправлялся въ городъ, а Ясинскій къ сосѣду помѣщику. До ближайшей деревни они могли ѣхать вмѣстѣ, а потомъ Давидъ долженъ будетъ нанять почтовыхъ лошадей, такъ какъ всѣ почти лошади были заняты и не было расчета отрывать ихъ отъ работы. Давиду еще нужно было отдать нѣкоторыя приказанія рабочимъ и рѣшено было, что Ясинскій зайдетъ на мельницу, куда придетъ и Давидъ.

Ольга не принимала участія въ разговорѣ, жалуюсь на головную боль, и, какъ только обѣдъ кончился, она немедленно ушла къ себѣ, даже не взглянувъ на Давида, который искалъ случая сказать ей нѣсколько словъ.

Этя противъ обыкновенія осталась на верандѣ, внимательно слѣдя за каждымъ шагомъ Давида. Волненіе ея росло съ каждой минутой. Нѣсколько разъ она близко подходила къ Давиду, очевидно желая ему что-то сказать, но въ нерѣшительности отступала назадъ, стѣсняясь присутствіемъ Ясинскаго.

Наконецъ Давидъ и Ясинскій, продолжая разговаривать, спустились съ веранды и пошли по направленію къ мельницѣ. Нетерпѣніе охватило Эту. Что если Давидъ уѣдетъ и она не успеетъ сообщить ему то, что она желала?—мелькнула у нея мысль, въ то время какъ она съ напряженіемъ слѣдила за обоими молодыми людьми, которые къ величайшей ея досадѣ продолжали идти вмѣстѣ.

Кучеръ Иванъ между тѣмъ вытащилъ изъ сарая дорожную коляску и, тщательно осмотрѣвъ ее, отправился на конюшню, откуда уже слышалось нетерпѣливое фырканье сытыхъ лошадей. Приготовленія къ отъѣзду подвигались быстро. Возбужденіе Эти росло съ каждой минутой. Нужно было на чтонибудь рѣшиться. Она сбѣжала съ веранды и задними аллеями незамѣтно выбралась изъ сада. Такъ какъ Давидъ сказалъ, что ему нужно еще побывать на новомъ участкѣ, то она и рѣшилась отправиться туда, въ надеждѣ застать его еще тамъ. Дорога ей была извѣстна, и она быстро подвигалась по полевой тропинкѣ, каждый разъ оглядываясь, чтобы ктонибудь ее не замѣтилъ.

Такъ какъ разстояніе было большое, то она шла очень быстро, не смотря на то, что у нея сердце сильно билось и она почти задыхалась. Боязнъ не застать Давида усиливала ея волненіе, которое росло по мѣрѣ приближенія къ мѣсту. Наконецъ она издали увидѣла знакомыя ей постройки и когда приблизилась настолько, что могла ясно различать каждого рабочаго отдѣльно, она еще ускорила шаги. Но Давида между рабочими не видно было.

— Онъ недавно былъ тутъ и опять ушелъ,—равнодушно отвѣчалъ на ея вопросъ о Давидѣ парень, продолжая свою работу.

У Эти въ глазахъ потемнѣло. Одно мгновеніе она стояла въ нерѣшительности, потомъ побѣжала по направленію къ мельницѣ. Желаніе увидѣть Давида во что бы то ни стало придавало ей бодрость. Ей теперь было все равно, будетъ ли онъ одинъ или вмѣстѣ съ Ясинскимъ; ей нужно было его видѣть и сказать ему то, что теперь такъ воляовало ее. То, что она сегодня случайно услышала въ саду, такъ поразило ее, что она долго не могла придти въ себя.

Ясинскому грозить опасность;—ея отецъ хочетъ разворить его... За что? развѣ не она во всемъ виновата?—Силы стали ей измѣнять; отъ быстрой ходьбы у нея захватывало дыханіе.

Внизу уже виднѣлась мельница; еще нѣсколько минутъ ходьбы, и она тамъ. Она остановилась, чтобы вздохнуть. Вдругъ до ея слуха донесся стукъ колесъ. Она рванулась впередъ; какихъ нибудь сто шаговъ ее отдѣляли отъ дороги.—Она крикнула, но ея голосъ затерялся въ пространствѣ, въ то время какъ коляска быстро промчалась мимо, оставивъ позади себя густой столбъ черной пыли.

Въ изнеможеніи Этя упала на землю; ей теперь казалось все потеряннымъ. Усталая, съ пересохшимъ горломъ и разбитыми членами, она не въ состояніи была подняться. Но новая мысль вдругъ пришла ей въ голову. Теперь она еще сильнѣе чѣмъ раньше желала возстановить всю истину и спасти Ясинскаго; вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ у нея снова явились силы. Она быстро встала и побѣжала по знакомой тропинкѣ обратно въ усадьбу.

Когда она вбѣжала въ комнату, она не въ силахъ была больше держаться на ногахъ и какъ пласть упала предъ донельзя испуганной Ольгою.

— Я вамъ все расскажу... прошептала она, едва удерживаясь отъ рыданій.

Въ ту же ночь Ольга и Этя уѣхали въ городъ.

С. Ярошевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О С Е Н Ь Ю.

Эти ночи безъ звѣздъ и безъ бури,
Эти дни безъ тѣней и лазури,—
Милый другъ! какъ похожи они
На печальные годы мои!...

Было время, — въ осенія ночи
Я любилъ на балконѣ сидѣть
И подолгу, насилуя очи,
Въ безпросвѣтную темень глядѣть.

Надо мною — угрюмыя тучи;
Подо мной — дико стонущій садъ;
Въ отдаленнѣ — скалистыя кручи,
Гдѣ днѣпровскія волны шумять...

Словно призраки, ужаса полны,
Быстро движутся въ мракѣ ночномъ...
Рощи, скалы, и тучи, и волны,
И шумящая буря кругомъ, —

Чѣмъ-то грознымъ, будящимъ и жгучимъ
 Въ сердце бьетъ эта бурная ночь,
 И порывомъ живымъ и кипучимъ
 Не откликнуться—сердцу не въ ночь.

Тѣ-же муки въ груди моей зрѣли,
 Но свободнѣе, громче, живѣй
 Возмущенныя струны гремѣли
 На рыдающей лирѣ моей...

А теперь—эти ночи глухія
 Съ вялымъ снѣгомъ, съ лѣнивымъ дождемъ...
 Пышныхъ улицъ громады иѣжны,
 Незнакомыя лица кругомъ...

И, затерянь въ хаосѣ столичномъ,
 Въ часъ полночный одинъ я сижу
 И безмолвно, въ раздумьи привычномъ,
 Въ безпросвѣтную темень гляжу...

И, какъ ночь эта, мрачны, угрюмы,
 Вслѣдъ за думою дума встаетъ...
 Это старыя, старыя думы
 О тебѣ, мой несчастный народъ!..

Все поникло кругомъ, помертвѣло,
 Какъ средь дикихъ, пустынныхъ равнинъ...
 Зарыдалъ-бы хоть ктонибудь смѣло,
 Застоналъ-бы хоть громко одинъ!...

. . . . .

Эти ночи безъ звѣздъ и безъ бури,
Эти дни безъ тѣней и лазури,—
Мой народъ! какъ похожи они
На текущiе годы твои!...

С. Фругъ.

ТЕОЛОГИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ. СПИНОЗЫ.

(Продолженіе) *.

Jedes Elementarbuch ist nur für
ein gewisses Alter.

Lessing.

II.

Давъ сжатую характеристику библейскихъ пророковъ, Спиноза переходитъ къ изученію національныхъ особенностей — нравственнаго и умственнаго существа—еврейскаго народа.

Въ третьей главѣ «Теологико-политическаго трактата» мы встрѣчаемся уже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ философскихъ положеній, на которыхъ Спиноза воздвигъ свое этическое зданіе. Счастье человѣка, говоритъ Спиноза, въ мудрости, въ познаниі истины. Счастливымъ человѣкъ не перестаетъ быть счастливымъ отъ того, что и другіе пользуются благополучіемъ. Гордость превосходства только опорочиваетъ духовную природу человѣка, ибо она вноситъ въ безмятежный покой духа злобу и зависть. Чувство зависти всегда свидѣтельствуетъ о низменности того, кому оно свойственно. Чтобы внушить своему народу мысль о необходимости строгаго повиновенія божественнымъ законамъ, Моисей говоритъ ему: «Есть ли какой великій народъ, къ которому боги были-бы столь близки, какъ близокъ къ намъ Господь, Богъ нашъ, когда мы ни призовемъ Его?», «Есть ли какой великій народъ, у котораго были-бы такіе справедли-

* См. Восходъ кн. XI.

вые уставы и постановленія, какъ весь этотъ законъ, который я даю вамъ?» (Втор. IV, 7, 8). «Только отцовъ твоихъ благоволилъ возлюбить Господь» (Втор. X, 15). Говоря такъ, замѣчаетъ Спиноза, Моисей несомнѣнно снисходитъ къ низменнымъ понятіямъ и узко-себялюбивому чувству своихъ собратьевъ *, но, спрашивается, развѣ на самомъ дѣлѣ Израиль, чтобы чувствовать себя счастливымъ, *долженъ былъ* считать себя *единымъ*, возлюбленнымъ чадомъ всемогущаго Бога? Развѣ счастье еврейскаго народа умалилось бы, еслибъ Богъ сталъ открываться и другимъ народамъ, еслибъ онъ сталъ и другіе народы дарить своими справедливыми «уставами» и «постановленіями»? Конечно, нѣтъ. Авторъ «Трактата» приводитъ текстъ Второзаконія только потому, что изъ него можно почерпнуть данныя для характеристики еврейства временъ Моисея. Желаніе дать эту характеристику руководить Спинозою во все время изученія имъ Ветхаго Завета: оно заставляетъ его факты, покрытые незапамятною давностью, сѣдиною исторической старины, принимать на вѣру, чтобы съ ихъ помощью какъ нибудь выяснитъ умственный и нравственный обликъ того общества, среди котораго эти факты имѣли будто бы мѣсто. Такой методъ изслѣдованія имѣетъ свой *raison d'être*, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ не располагаетъ свидѣтельствами, внушающими къ себѣ полное довѣріе. При этихъ условіяхъ и народный вымыселъ проливаетъ свѣтъ на социальный и политическій бытъ изучаемаго народа. Но мы думаемъ, что выяснитъ духовную личность народа на основаніи *только* тѣхъ или другихъ религіозныхъ вѣрованій его почти невозможно. Еслибъ одно *констатированіе* того или другого религіознаго начала характеризовало личность народа, мы должны были-бы допустить, что Израиль временъ Моисея и Иисуса Навина и Израиль современный мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга въ духовномъ отношеніи, ибо теченіе исторіи мало измѣнило религію еврейскаго народа. Справедливость требуетъ сказать, что нельзя не признать цѣною характеристику общественнаго быта Іудей, сдѣланную Спинозою, и сомнительнымъ многое изъ того, что

---

* Tract. theol. p. III.

Спиноза, опираясь на указаннымъ методомъ добытыя данныя, говорить о ея нравственной и духовной физиономіи.

Изученіе Библии приводитъ Спинозу къ убѣжденію, что еврейскій народъ не превосходилъ другіе народы ни религіознымъ благочестіемъ, ни размѣрами своихъ умственныхъ дарованій. Богъ отличилъ Іудею особымъ складомъ гражданскаго и социальнаго быта *. Но прежде, чѣмъ говорить объ истинныхъ силахъ еврейскаго народа, Спиноза считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что онъ разумѣетъ подъ національною миссіею вообще, или, выражаясь ближе къ тексту «Теологико-полит. трактата», подъ внѣшнимъ и внутреннимъ владычествомъ Бога. «Владычество Бога, говоритъ Спиноза, есть твердый и неизмѣнный порядокъ въ природѣ», непреклонное дѣйствіе всеобщихъ, естественныхъ законовъ. Эти естественные законы суть вѣчныя предопредѣленія Бога. Сказать: все совершается по законамъ природы, все равно, что сказать: все устраивается по предопредѣленію Бога. Все, что мы предпринимаемъ для своего самосохраненія, мы предпринимаемъ при помощи Верховнаго Существа, ибо какъ внутреннія, собственные силы человѣка, такъ и внѣшнія средства, которыми человѣкъ можетъ пользоваться для достиженія своихъ цѣлей, вѣчно пребывали и пребываютъ въ Немъ. Безъ помощи Всевышняго человѣкъ безсиленъ. Спиноза называетъ эту помощь *внутреннею*, если рѣчь идетъ о нашихъ собственныхъ, физическихъ, или иныхъ силахъ,—*внѣшнею*, если о томъ, или другомъ порядкѣ вещей. Отсюда слѣдуетъ, что подъ миссіею народа должно разумѣть ту задачу, которую онъ въ силахъ исполнить при наличности той и другой помощи. Характеръ этой миссіи опредѣлится соперничествомъ, борьбою между личными, собственными силами народа и внѣшнимъ строемъ, внѣшнимъ

---

* Tract. III. Ostendere volumus, Hebraeos non scientia, neque pietate, sed plane alia re caeteras nationes excelsuisse, sive (ut cum Scriptura ad eorum caput loquar) Hebraeos non ad veram vitam et sublimes speculationes, quamquam saepe monitos, sed ad aliam plane rem electos a Deo prae reliquis fuisse... Adeoque Hebraea natio non ratione intellectus, neque animi tranquillitatis a Deo prae caeteris electa fuit, sed ratione societatis et fortunae, qua imperium adepta est quoque id ipsum tot annos retinuit.

укладомъ природы. Цѣли, составляющія обыденныя проблемы жизни отдѣльнаго человѣка, лежатъ въ основѣ и всякой народной жизни. Эти цѣли суть: 1) познаніе первыхъ причинъ Сущаго (цѣль философская), 2) нравственная добродѣтель (цѣль религиозная) и 3) безопасность и здоровье * (цѣль политическая). Первые двѣ цѣли даютъ содержаніе духовно-нравственной миссіи народа, третья—миссіи социальнo-политической. Въ двухъ случаяхъ потребны глубина и чистота духа, въ третьемъ разумные уставы и постановленія **.

Спиноза доказываетъ, что миссія еврейскаго народа—если объективно посмотрѣть на дѣло—была всегда скорѣе цивическаго характера, чѣмъ духовно-нравственнаго. Божественное откровеніе мимолетнымъ лучомъ осѣнило древній народъ, осѣнило для того, чтобы подарить ему отъ своихъ неисчерпаемыхъ щедротъ *все необходимое* — и ничего сверхъ того. Спиноза вообще не допускаетъ специальной, духовно-нравственной миссіи: для всѣхъ народовъ всего земнаго шара обязательны ветхозавѣтныя 10 заповѣдей и для всѣхъ открыты одинаковыя средства для познанія первыхъ основаній сущаго и нравственной природы Бога.

Если однако въ Библии сказано, что нѣтъ такого великаго народа, къ которому бы боги были такъ близки, какъ Іегова къ Израилю, то эти слова—если придавать имъ какое нибудь особенное значеніе—должны быть отнесены къ *гражданской* миссіи древняго народа, ибо въ дѣйствительности Богъ благоволилъ и благоволилъ ко всѣмъ народамъ,—ко всякому языку и племени. Развѣ не сказано въ Библии: «Блажь Господь ко всѣмъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его», «близокъ Господь ко всѣмъ, призывающимъ Его, ко всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ»? (Псаломъ 145, 9, 18). «Если, говоритъ Спиноза, Богъ одинаково блажь и щедръ ко всѣмъ народамъ, если на пророкахъ лежала обязанность будить въ людяхъ добродѣтель, то,

* Tract. III.

** Ibidem. Маймонидъ и Хасдая Крескасъ утверждаютъ, что Моисеевъ законъ стремится одновременно къ доставленію народу духовно-нравственнаго совершенства и политическаго благополучія.

надо полагать, что и другие народы имѣли также своихъ пророковъ, что даръ пророчества не былъ исключительнымъ достояніемъ Іудеевъ». И дѣйствительно, въ Библии мы находимъ, что язычники Ноахъ, Авимелехъ, Валаамъ умѣли пророчествовать и что пророки Іудей—Іезекіиль, Авадій, Іона, Исаія прорицали не одному только Израилю. Прорицанія Исаіи (XIX, 9, 20) и Іереміи (I, 5) особенно укрѣпляютъ Спинозу въ той мысли, «что всѣ народы имѣли своихъ пророковъ, т. е. что въ духовно-нравственномъ отношеніи еврейство не представляло исключительнаго явленія *.

И такъ, отличительная особенность Израиля—это здоровый гражданскій инстинктъ, воспитанный разумнымъ законодательствомъ Моисея. «Въ силу разныхъ превратностей, замѣчаетъ Спиноза, еврейство потеряло свою политическую самостоятельность, но и я глубоко убѣжденъ въ томъ, что оно когда нибудь восстановитъ свое политическое значеніе и вновь сдѣлается народомъ-избранникомъ—если только основы религіи не измѣжатъ его духа» **.

Въ самомъ дѣлѣ, если нравственная жизнь древнихъ іудеевъ имѣетъ своимъ источникомъ божественное откровеніе, то можно ли то-же сказать и объ умственной ихъ жизни? Іегова, давшій непосредственно народу Израильскому 10 заповѣдей и этимъ разъ навсегда опредѣлившій ту степень нравственнаго совершенства, къ которой онъ долженъ стремиться, раскрылъ ли передъ нимъ и универсальный источникъ естественныхъ законовъ, которые управляютъ вселенной? Но что такое законъ? Законъ есть то, что нормируетъ извѣстный порядокъ въ природѣ. Онъ естественный, если не зависитъ отъ человѣческаго усмотрѣнія и дѣйствуетъ въ силу необходимости, *человѣческой*, если установленъ людьми и опредѣляетъ взаимныя отношенія людей въ интересахъ общества и государства. Естественный законъ, постигаемый чистымъ разумомъ и имѣющій цѣлью познаніе Бога

* Tract. III... quare non dubium est, caeteras gentes suos etiam prophetas ut Judaeos habuisse...

** Tract. III... immo nisi fundamenta suae religionis eorum animos effeminarent, absolute crederem, eos aliquando, data occasione, ut sunt res humanae mutabiles, suum imperium iterum erecturos, Deumque eos de novo electurum.

и *духовную* любовь къ нему—есть законъ божественный *. Лучшее въ человѣкѣ умъ. Онъ углубляется въ сокровенныя причины каждаго явленія, онъ изучаетъ строеніе вселенной—ея карту и силы. Умомъ мы познаемъ Бога, проникаемся къ нему amore intellectuali,—т. е. обрѣтаемъ высшее благо, доступное человѣку. Каковы именно тѣ средства, которыми пользуется умъ человѣка для обрѣтенія этого блага—это дѣло «этики». Въ «Теологико-политическомъ трактатѣ» достаточно было установить, что amor Dei intellectualis есть вѣрное средство познанія и разрѣшенія высшихъ вопросовъ о цѣли бытія, о смыслѣ человѣческой жизни, словомъ—единый путь къ пониманію *естественныхъ законовъ* безъ помощи божественнаго Откровенія. Спиноза слѣдующимъ образомъ характеризуетъ божественный законъ: онъ универсаленъ, не нуждается въ поясненіи историческими примѣрами, не устанавливаетъ никакихъ обрядовыхъ обычаевъ и не обѣщаетъ ни наградъ, ни наказаній.

Иегова не открылъ Израиллю своихъ законовъ, положивъ, чтобы народъ Израильскій собственными силами стремился къ открытію ихъ, къ открытію Его воли и мысли. Но воля и мысль Бога одно и тоже **. Вотъ примѣръ, которымъ авторъ «Трактата» подтверждаетъ это свое положеніе. Возьмемъ треугольникъ. Если первую посылкою нашихъ сужденій будетъ: треугольникъ, какъ и все сущее, пребываетъ въ Богѣ, то мы можемъ сказать: всѣ свойства треугольника вѣчно пребываютъ въ Немъ, или: Богъ *мыслитъ* свойства треугольника. Если же первую посылкою принять *зависимость* свойствъ треугольника отъ Бога, зависимость неизбѣжную, вѣчную, необходимую, то мы можемъ сказать: Богъ *пожелалъ*, чтобы сумма угловъ всякаго треугольника равнялась двумъ прямымъ, чтобы сумма двухъ сторонъ треугольника была всегда больше третьей и т. д. Егго: то, что мы разъ называемъ мыслью Бога, мы въ другой разъ именуемъ Его волею. Божественная воля—необходима, неизмѣнна и непреложна. Ничто въ мірѣ не властно сдѣ-

---

* Tract. IV.

** Тоже самое проводятъ и Маймонидъ (Moreh I, 53) и Хасдан Крескасъ (см. Joel, стр. 68).

латъ такъ, чтобы сумма угловъ треугольника не равнялась двумъ прямымъ, чтобы сумма двухъ сторонъ треугольника не была больше третьей и пр.

Богъ говоритъ Адаму: не вкуси отъ древа познанія добра и зла—это не значитъ, что въ сихъ словахъ Богъ изрекъ свою волю—какимъ образомъ Адамъ могъ бы нарушить, преступить божественное желаніе?

Богъ только *предостерегаетъ* Адама относительно тѣхъ послѣдствій, которыя повлечетъ за собою вкушеніе. Онъ запрещаетъ ему извѣстное дѣяніе подъ страхомъ наказанія, и такое запрещеніе никоимъ образомъ не должно быть отождествлено съ волею Бога, съ божественнымъ, естественнымъ закономъ. 10 заповѣдей не *божественные законы*, онѣ только *повелѣнія*, нарушеніе которыхъ всегда возможно. Пророки іудейскіе обучали народъ не божественнымъ законамъ, а божественнымъ повелѣніямъ; они были священно-служителями, а не философами и учеными. Иегова—говоритъ Спиноза—изрекалъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ только повелѣнія и одному лишь Іисусу Назарейскому — по скольку это выражается въ Евангеліи,—онъ довѣрилъ свою *мысль*. Если и Іисусъ—какъ это передается въ Евангеліи—облекаетъ ее однако въ форму повелѣній, то онъ это дѣлаетъ, снисходя къ убогимъ понятіямъ необразованной и темной черни. Іисусъ *вынужденъ* вставлять картину вѣчнаго бытія, вѣчной истины въ призму обыденныхъ, доступныхъ массѣ понятій. Когда ученики спросили Іисуса: «для чего притчами говоришь ты?» Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: для того, что вамъ дано знать тайны царствія небеснаго, а имъ не дано». (Матѣ. XIII, 10, 11).

И такъ, Божественная воля можетъ быть познана и чистымъ разумомъ безъ помощи откровенія. Для воспріятія «уставовъ» и «повелѣній» необходимы были окутанныя облаками, дымомъ и пламенемъ вершины Синая, для познанія божественныхъ законовъ необходимъ уютный, свѣтлый и чистый покой философской мысли.

Спрашивается, каково отношеніе Библии къ разуму, который неугасимымъ свѣчилицомъ горитъ въ каждомъ человѣкѣ? Питаетъ ли она довѣріе къ уму человѣка? Спиноза думаетъ,

что да. Соломонъ говоритъ: «разумъ—источникъ жизни для владѣющаго имъ, а наказаніе безумнымъ—глупость» (XVI, 22), «законъ мудраго — источникъ жизни, избавляющій отъ сѣтей смерти» (XIII, 14), «блаженъ человекъ, нашедшій мудрость и человекъ, приобрѣвшій разумъ» (III, 13), «если призовешь разумъ и станешь взывать къ разсудку, то поймешь страхъ предъ Господомъ и приобрѣтешь богопознаніе» (II, 3, 5). Эти и другія притчи Соломона свидѣлствуютъ несомнѣнно о томъ, что и Библия считала разумъ источникомъ высшаго блага.

III.

Мы видѣли, что божественные законы познаются духомъ, что высшее счастье, высшее благо—знаніе Бога и любовь къ нему—обрѣтается умомъ; спрашивается теперь, какое значеніе имѣли всевозможныя обрядности въ духовной жизни еврейскаго народа? Еврейскій обрядовой культъ, — говоритъ Спиноза, — имѣлъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока существовало еврейское государство, пока существовала та политическая единица, для которой онъ и былъ установленъ. Съ паденіемъ же еврейскаго царства, потеряла свой *raison d'être* и та масса обрядовъ, которая существовала до паденія.

Все Моисеево законодательство рассчитано на государственный строй Іудей—оно никомъ образомъ не можетъ быть названо «моральнымъ» въ широкомъ смыслѣ слова, ибо его главная цѣль—физическое, матеріальное благополучіе еврейскаго народа. Напротивъ того, система возвѣщенная съ Голгофы,—говоритъ Спиноза — система морали *par excellence*, ибо она проповѣдуетъ не преходящее политическое благо, а вѣчное блаженство.

Моисеево законодательство, въ силу своего политическаго характера, проникнуто узко-національнымъ духомъ, христіанская же мораль—мораль всечеловѣческая, всемірно-универсальная и нетлѣнная. Юдаистическая и христологическая системы не отрицаютъ другъ друга — обѣ рассчитаны на двѣ стороны человѣческаго характера, одна — на матеріальную, другая — на духовную. Моисей говоритъ: «не убивай», «не

украдь» не въ качествѣ проповѣдника чистой нравственности, а въ качествѣ законодателя, радѣющаго о благѣ страны Въ интересахъ гражданскихъ Моисей запрещаетъ прелюбодѣянiе—и это совершенно понятно. Каждый законодатель создаетъ препятствiя для развитiя разврата, разврата *внѣшняго, тѣлеснаго*, но не дѣло законодателя искоренять развратъ въ умахъ и сердцахъ. Напротивъ того, проповѣдники чистой морали преслѣдуютъ преимущественно преступныя *вождельнiя*, преступныя помыслы. «Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй, а я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельнiемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцахъ своемъ» (Матѣ. V, 27, 28). Одинъ изъ величайшихъ глашатаевъ чистой нравственности, Исаиа, говоритъ: «Развѣ это постъ, угодный Мнѣ, когда человекъ мучитъ себя самого, склоняетъ голову свою, какъ тростникъ, и подстилаетъ себѣ рубище и пепель? Это ли ты называешь постомъ и днемъ, угоднымъ Богу? Не это ли постъ, который мнѣ угоденъ, чтобы ты расторгъ союзъ неправды, разрѣшилъ оковы рабства, далъ свободу угнетеннымъ и сокрушилъ всякое ярмо? Не въ томъ ли, чтобы ты раздѣлилъ свой хлѣбъ съ голоднымъ, ввелъ въ домъ покинутыхъ и бѣдныхъ? Если ты увидишь нагаго, одѣнь его и и не скрывайся отъ единокровныхъ твоихъ. Тогда свѣтъ твой возсіяетъ, какъ заря, и исцѣленiе твое скоро явится и твоя правда будетъ предшествовать тебѣ, и слава Господня будетъ сопровождать тебя» (LVII). Ясно, что и въ глазахъ Исаиа обрядовый обычай не имѣетъ серьезнаго значенiя. Въ приведенныхъ словахъ на пьедесталъ возводится чистая нравственность, въ угоду которой нѣтъ необходимости «склонять свою голову, какъ тростникъ и подстилать себѣ рубище и пепель»*.

Какую же роль играли установленные Моисеемъ обычай,—какова была ихъ цѣль?

Общежитiе,—говоритъ Спиноза,—не только надежное средство защиты отъ враговъ, но и условiе существованiя и развитiя каждаго отдѣльнаго человека. Въ государствѣ предполагается организованное раздѣленiе труда, обеспечивающее от-

* Tract. V.

дѣльнымъ лицамъ возможность путемъ обмѣна удовлетворять всѣмъ своимъ разнообразнымъ потребностямъ. Гдѣ отсутствуетъ общественность, тамъ царятъ самыя дикіе, животныя нравы, нужда и беспомощность. Еслибъ люди внимали голосу своего разсудка, каждое общество, само по себѣ, (*sua natura*) безъ всякихъ принудительныхъ средствъ, обезпечивало бы своимъ членамъ правильное и равномерное развитіе. Но люди ужь такъ созданы, что они всегда и повсюду ищутъ своихъ выгодъ, руководясь при этомъ не велѣніями разума, а страстями и чувствами. Оттого-то ни одно общество не можетъ обходиться безъ органа, главенствующаго и правительствующаго. Однако, человѣческій характеръ не выноситъ полного порабощенія. Еще трагикъ Сенека говорилъ: снисходительная власть долговѣчнѣе тиранніи, ибо бремя правительственнаго деспотизма—самое тяжелое и невыносимое бремя. Чтобы человѣкъ чувствовалъ себя свободнымъ, необходимо, чтобы само общество было правительствомъ, чтобы каждый человѣкъ, подчиняясь обществу, на самомъ дѣлѣ подчинялся бы только себѣ самому. Тамъ, гдѣ политическое общежитіе организовано на началахъ народнаго полновластія, тамъ граждане повинуются законамъ не изъ страха наказанія, а въ своихъ собственныхъ интересахъ, памятуя, что эти законы—продуктъ ихъ собственной воли. Государство, каково бы ни была форма его, творить не только законы, руководящіе жизнью общества, но и цѣлое множество обязанностей, поддерживающихъ его престижъ и составляющихъ, кромѣ того, неизбежные аксессуары дѣятельности какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ лицъ.

Какъ сложился государственный строй Іудей? Исходъ изъ Египта освободилъ бывшихъ рабовъ Фараона отъ обязанности подчиняться законамъ какого бы то ни было государства. Полу-дикому народу предстояло создать себѣ собственное государство на той землѣ, которую онъ получитъ или приобрѣтетъ въ свою неотъемлемую собственность. Но такая задача не была по его силамъ. Государственная власть сосредоточивается, такимъ образомъ, въ силу необходимости, не въ народѣ, а въ рукахъ одного человѣка—Моисея. Облеченный верховными правами, Моисей даетъ своему народу законы, стараясь при этомъ,

чтобы народъ подчинился имъ не изъ страха наказанія, а добровольно и охотно. Такая политика Моисея совершенно понятна *.

Моисей однако такъ мало довѣряетъ собственному разумѣнію своего народа, что считаетъ необходимымъ взять подъ свою опеку самую обыденную его дѣятельность, такъ сказать, охватить широкою сѣткою законодательныхъ опредѣленій всё его движенія, какъ въ тѣсномъ кругу семейнаго обихода, такъ и на форумѣ общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Моисеевъ законъ строго наказываетъ, какъ пахать, сѣять и жать **; онъ аргусовымъ окомъ слѣдитъ за вашею радостью и печалью, стрижете ли вы бороду и голову, — словомъ онъ вашъ вѣрный спутникъ, ваша тѣнь, отъ которой освобождаетъ васъ только могила. Ясно, что установленные Моисеемъ обряды стремятся — прежде всего — къ тому, чтобы твердо установить главенство закона во всѣхъ областяхъ соціальной жизни Іудей. У народа, руководимаго Моисеемъ, не должно быть свободныхъ дѣяній, свободного усмотрѣнія, — Моисеево главенство допускаетъ только дѣянія, разрѣшенныя закономъ. Но чтобы правительственное главенство не было слишкомъ обременительно, Моисей сообщилъ своему законодательству характеръ высокой умѣренности и гуманности ***. Не можетъ быть, слѣдовательно, сомнѣнія въ томъ, что обрядовые обычаи не могли и не могутъ имѣть серьезнаго значенія *an sich* и что всѣ обрядности, установленныя нѣкогда Моисеемъ, лишились всякой почвы съ тѣхъ поръ, какъ пала Іудея.

Покончивъ съ вопросамъ о значеніи обрядовъ и обрядностей, Спиноза переходитъ къ объясненію того значенія, какое имѣютъ библейскіе рассказы, или библейскія притчи †.

Вся *отелеченная* сторона Библии можетъ быть исчерпана въ нѣсколькихъ словахъ: единый Богъ сотворилъ все существующее; Онъ управляетъ вселенной и всѣмъ, что въ ней живетъ.

---

* Tract. V.

** Tract V.

*** *ibidem*.

† Маймонидъ и Хасдан Крескасъ также останавливаются на этомъ предметѣ. Спиноза несомнѣнно хорошо зналъ взглядъ этихъ двухъ ученыхъ на рассматриваемый вопросъ. *Idel, Der Theol. P. T. стр. 54.*

Эту отвлеченную, философскую мысль Библия облачаетъ въ форму наиболѣе доступную народному пониманію, въ форму притчъ и незатѣйливыхъ разсказовъ. Но библейская притча не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію того, какъ Богъ управляетъ міромъ и къ всестороннему пониманію Его природы; слѣдовательно, имѣя значеніе религіознаго назиданія о «благости» и «милости» Всевышняго, она ничѣмъ не связываетъ философскую мысль человѣка. Библейскіе разсказы повѣствуютъ о нравственной природѣ Бога, и тотъ, кто отрицаетъ ихъ истинность, несомнѣнно впадаетъ въ атеизмъ. Но было бы, говоритъ Спиноза, большою ошибкою считать атеистомъ того, кто, не зная Библии, однимъ умомъ постигъ существо Бога *. Только для простаго народа вѣра въ Библию есть вѣра въ самого Бога, ибо народъ не способенъ умомъ понять тайну и смыслъ бытія, ибо безъ Библии у него не было бы о Богѣ никакого представленія.

Чтобы совсѣмъ покончить съ анализомъ Ветхаго Завѣта, Спинозѣ остается объяснить, что такое тѣ чудеса, о которыхъ разсказывается въ Библии. Все необыкновенное, непонятное, таинственное наполняетъ массу чувствомъ какого-то восторженнаго благоговѣнія: именно въ таинственномъ и загадочномъ, мнится массѣ, таится непреклонное могущество Бога. Обычная смѣна дня и ночи, временъ года, обычный восходъ и закатъ солнца, обычное вращеніе колеса исторіи—все это не внушаетъ неразвитому уму мысли о Богѣ, о Его всемогуществѣ, о непоколебимой власти божественныхъ законовъ, и проч. Для массы Богъ только въ огнѣ и дымѣ, въ громѣ и молніи, въ буйномъ вихрѣ, — во всемъ томъ, что внезапно нарушаетъ существующій status quo и поражаетъ ея глазъ своею неожиданностью. Вообще Богъ какъ-будто отсутствуетъ въ видимомъ нами мірѣ; среди цѣлаго множества сверхъестественныхъ явленій Иегова лишь изрѣдка является въ мірѣ, чтобы, поразивъ его чудесами и знаменіями, напомнить человѣку и всей живой твари о своей безпредѣльной мощи, неистощимой силѣ и непререкаемомъ sic volo. А между тѣмъ, не «въ вихрѣ, не въ землетрясеніи, не

---

* ibidem.

въ огнѣ Господь, а въ вѣяніи тихаго вѣтра», въ твердомъ и неизмѣнномъ порядкѣ вещей *. Невѣжественная масса думаетъ, что Богъ въ сверхъестественномъ, не вѣдая, что все сверхъестественное противорѣчитъ самой природѣ Бога, тѣмъ естественнымъ законамъ, которые суть выразители божественной воли. Разъ мы согласились, что воля и мысль Бога тождественны, то мы уже не можемъ допустить, чтобы тотъ или другой предметъ могъ перестать быть самимъ собою. Если Богъ познаетъ извѣстную вещь такою-то, то это значить, что Онъ желаетъ, чтобы она таковою была и вѣвѣки. Богъ пожелалъ, чтобы сумма угловъ треугольника равнялась двумъ прямымъ, пожелалъ разъ навсегда, и сказать, что въ природѣ возможно и противное, значить допустить вопіющее противорѣчіе. Такъ какъ всѣ естественные законы суть выраженія божественной воли, божественной мысли, то допустить возможность сверхъестественнаго, значить утверждать, что въ мірѣ возможны явленія, неподчиненныя Богу **. Словомъ «чудо», полагаетъ Спиноза, очень часто обозначается только субъективное отношеніе лица къ тому, или другому явленію. Если намъ неизвѣстна причина того или другого явленія, мы говоримъ, что оно чудо. Такъ, библейскія чудеса суть явленія, имѣющія въ большинствѣ случаевъ естественныя основанія. Если нѣкоторыя изъ нихъ намъ представляются совершенно невозможными, то это именно тѣ, которыя сопутствуютъ божественному откровенію и должны быть приняты, какъ таковыя. По общему же правилу библейскія чудеса суть явленія, хотя и наряженныя въ равноцвѣтныя кружева поэтическаго воображенія, но смыслъ которыхъ, однако, при извѣстныхъ усиліяхъ можетъ быть очень часто разгаданъ ***.

* Tract. VI. Nos ex miraculis nec essentiam, nec existentiam et consequenter nec providentiam Dei posse cognoscere, sed haec omnia longe melius percipi ex fixo et immutabili naturae ordine.

** Tract. Theol. P. VI.

*** Мы пропускаемъ изложеніе шести главъ „Трактата“ (7—12) въ виду того, что прямого отношенія къ задачѣ нашей статьи онѣ не имѣютъ. Въ нихъ Спиноза, по словамъ Маймонида и Ибнъ-Эзри, вслѣдуетъ, кѣмъ какія книги Библии написаны, указываетъ на разнообразныя чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, — словомъ занимается экзегезой Библии въ тѣсномъ смыслѣ слова. Авторъ.

IV.

Критическій анализъ приводитъ Спинозу къ убѣжденію, что не все содержаніе Библии имѣеть религиозный характеръ и что многія мѣста въ ней исполнены непримиримыхъ противорѣчій. Недостатки Библии—обычные недостатки *писаннаго закона*, и уже Іеремія и Моисей пророчествовали, что настанетъ пора, когда чистое поклоненіе Богу вытѣснитъ собою поклоненіе бумагѣ и черниламъ *. Но, не смотря на многіе свои недостатки, Библия все-таки остается навсегда книгой божественной и священной — во-первыхъ потому, что она проповѣдуетъ любовь къ Богу, во-вторыхъ потому, что все грядущее рисуется въ ней, какъ нѣчто предопредѣленное всемогущею волею Бога и въ-третьихъ потому, что подлинныя творцы Библии учили, освѣяемые божественнымъ вдохновеніемъ. Въ Библии, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ не мало чисто историческаго матеріала, но общій характеръ ея несомнѣнно божественный и священный. Великая книга бытія священна, такъ сказать, своими нѣдрами, изъ которыхъ струится лучезарный свѣтъ божественной мысли, а не своимъ внѣшнимъ покроемъ, часто мишурнымъ и обманчивымъ. Какъ проповѣдь божественной морали, Библия безупречна и чиста отъ всякихъ погрѣшностей, — *но текстъ* этой проповѣди, придуманный людьми, часто не гармонируетъ съ ея истиннымъ смысломъ: любви Бога и ближняго, помогай бѣднымъ, не желай чужаго добра и пр. **. Должно замѣтить, что этотъ истинный смыслъ Библии вообще неизгладимъ по своей природѣ. Изгладьте его изъ книги Бытія, и вы вновь откроете его въ скрижаляхъ души, въ священной книгѣ человѣческаго духа, во всеобщихъ естественныхъ основаніяхъ всего сущаго. Пусть *писанные*, религиозные и свѣтскіе законы провозглашаютъ самыя низкія дѣянія подвигами добродѣтели, — человекъ, совершившій ихъ, предъ судомъ совѣсти и разсудка, не станетъ оправдывать себя этими законами: противъ такой защиты возопили бы тѣ самыя нравственныя правила, которыя неизглади-

* Tract. Theol. Pol. XII.

** Tract. XII.

мыми чертами оттиснуты божественною волею на страницахъ его души. Лицо, совершившее преступленіе — будь то король, или подданные, непрѣнно будетъ скрывать безнравственность и безбожность этого поступка. Какъ уже сказано выше, Библия устанавливаетъ нравственныя нормы и совѣтъ не заботится о томъ, чтобы эти нормы были теоретически обоснованы. Библия будить въ васъ *страхъ*, а не *разумное* пониманіе вещей, — «область же вѣры—есть область благочестивыхъ догматовъ, цѣль которыхъ склонить духъ къ смиренію и покорности» *. Міръ абстрактнаго пониманія не интересуется Библию и отдѣленъ отъ нея широкимъ рубежомъ. Между философскимъ познаніемъ Бога и религіознымъ нѣтъ противорѣчія; одно открываетъ намъ всѣ естественныя свойства, *всю* природу Бога, другое—только моральную Его природу. Религіозное познаніе Бога есть познаніе библейское. «Ужели потому ты и царь,—воскликаетъ Іеремія,— что обострилъ себя кедрами? вѣдь отецъ твой тоже ѣлъ и пилъ, но онъ наблюдалъ судъ и правду и въ томъ находилъ свое счастье, онъ разбиралъ дѣла угнетеннаго и бѣднаго. *Не это ли значитъ знать Меня?* говоритъ Господь» (XXII, 15, 16). «Да не хвалится мудрый своею мудростью, да не хвалится сильный своею силою, пусть не хвалится богатый своимъ богатствомъ, но кто хочетъ похвалиться, пусть похвалится только тѣмъ, что разумѣетъ и знаетъ Меня, что Я Господь, *творщій милость и правду на землѣ*, ибо только это Мнѣ благоугодно, говоритъ Господь» (Іеремія IX, 22, 23). И такъ, въ Библии Богъ—нравственный принципъ, которымъ люди обяваны руководствоваться въ своей повседневной жизни, въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Моисей говоритъ о Богѣ «милосердомъ и долготерпѣливомъ», пролившемъ на многогрѣшную землю всю свою благость. Философское изслѣдованіе предметовъ вѣры нисколько не колеблетъ самой вѣры, основанной на самостоятельныхъ и неистребимыхъ потребностяхъ человѣческой души, на высокомъ чувствѣ благоговѣнія предъ принципомъ справедливости и любви. Цѣль философіи—истинное и всестороннее познаніе

*. Treat. XIII. Sequitur denique, fidem non tam requirere *usum*, quam *piam* dogmata, hoc est talia, quae animum ad obedientiam movent.

Бога, цѣль религіи, вѣры—покорность и благочестіе *. Вѣра требуетъ добродѣтельной жизни, исполненной смиренія и покорности, ибо только добродѣтельные люди суть истинно-вѣрующіе **. Нравственная добродѣтель, т. е. истинная вѣра, невозможна безъ признанія слѣдующихъ догматовъ: что 1) существуетъ Богъ — всеблагой и всемилосердый, что 2) Богъ единъ, что 3) Онъ вездѣсущъ и всезнающъ, что 4) Онъ все дѣлаетъ по высшему праву и предопредѣленному плану, что 5) Онъ требуетъ справедливости и любви къ ближнему, что 6) жизнь, послушная заветамъ Бога, блаженна, а порабощенная страстями, нечестива и что 7) Богъ даритъ прощеніе кающимся. Изъ всего этого слѣдуетъ, что можно неуклонно слѣдовать по пути добродѣтели и не обладать философскимъ, т. е. всестороннимъ пониманіемъ Бога. Несомнѣнно, однако, и то, что безъ признанія приведенныхъ семи догматовъ истинное послушаніе Богу, т. е. истинная вѣра рѣшительно невозможна ***. Не дѣло вѣры,—говоритъ Спиноза,—объяснять, что такое Богъ—огонь, или духъ, свѣтъ, или мысль; не дѣло вѣры объяснять, почему Богъ высшій принципъ жизни. Все это дѣло умственного разумѣнія каждаго отдѣльнаго человѣка, его субъективного, философскаго пониманія †. Богъ открылся Іудеямъ на Синаѣ не для того, чтобы развернуть предъ ними всѣ свои необъемлемыя свойства, а для того, чтобы сломить ихъ строптивый духъ и внушить имъ покорность. Потому-то Богъ вѣщалъ къ нимъ не словами убѣжденія, а громами и молніями, словами повелѣнія и устрашенія (Исходъ XX, 18).

И такъ, несомнѣнно, между философіей и вѣрой нѣтъ ничего общаго. Содержаніе одной почерпается изъ общихъ по-

* Tract. XIV. Philosophiae enim scopus nihil est praeter veritatem, fidei autem nihil praeter obedientiam et pietatem.

** См. также Moreh, III, 28.

*** Tract. XIV. Ut itaque rem totam ordine ostendam, a fidei definitione incipiam... quibus ignoratis tollitur erga Deum obedientia, et quae hac obedientia posita necessario ponuntur.

† Ceterum quid Deus sive illud verae vitae exemplar sit, an scilicet sit ignis, spiritus, lux, cogitatio e. c. t. id nihil ad fidem, ibid. См. также Moreh, I, 38—34.

натій, изъ природы, содержаніе другой—изъ священнаго писанія, изъ откровенія. Вѣра не создаетъ никакихъ ограниченій для философствующей мысли. Въ оглашенную ересь впадаетъ только тотъ, кто проповѣдуетъ непокорность, злобу, вражду. Одинаково ошибаются какъ тѣ, которые желаютъ подчинить Библию требованіямъ разума (какъ, напр., Маймонидъ), такъ и тѣ, которые полагаютъ, что разумъ долженъ покориться Библии (какъ, напр., R. Jehuda Alpakhar). На самомъ дѣлѣ теологія не можетъ и не должна быть прислужницей философіи, а философія, съ своей стороны, не должна прислуживать теологіи. Философія—царство истины и мудрости, теологія—благочестія и смиренія *. Мы утверждаемся въ вѣрѣ не разумомъ, а чувствомъ нравственнаго убѣжденія (*moralis certitudine*); тѣмъ же чувствомъ, которое давало и пророкамъ увѣренность въ истинности ихъ ученія. Вѣра ведетъ насъ по пути покорности и благочестія, философія по пути знанія и мудрости.

Только немногіе приобретаютъ, подъ руководствомъ ума, привычку къ добродѣтельной жизни; откровеніе же ведетъ рѣшительно всѣхъ къ смиренію и покорности **.

Мы изложили теологическіе взгляды Спинозы. Идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, Ибнъ-Эзры, Маймонида, Хасдаи Крескаса, амстердамскій философъ ни на минуту не перестаетъ быть совершенно оригинальнымъ и независимымъ истолкователемъ Ветхаго Завѣта. Хотя Спиноза и кладетъ иногда въ основаніе своей теологической критики цѣликомъ многія положенія Маймонида, но выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этихъ положеній, не даютъ рѣшительно никакого права говорить о заимствованіи. Ошибки «Теологико-Политическаго Трактата» объясняются, на нашъ взглядъ, излишнею догматичностью, излишнею приверженностью Спинозы «буквѣ» и «тексту». Ошибки эти, какъ мы уже указали выше, рѣзко выступаютъ тогда, когда Спиноза изъ «догмы» начинаетъ выво-

* Tract. XV. Unaquaeque suum regnum obtinet: nempe, ut diximus, ratio regnum veritatis et sapientiae, theologia autem pietatis et obedientiae.

** Tract. XV. sul finem.

дять данныя объ умственной физиономіи еврейства. Религія народа—явленіе чрезвычайно сложное, явленіе, въ которомъ сплетаются догмы, не требующія критики, съ чисто философскимъ умствованіемъ, въ которомъ скрыты народная психія и народный умъ. Разнообразные догматы каждой религіи объединяетъ не строго-логическая связь, а общность происхожденія, могучее дыханіе народа—народные идеалы и надежды. Изучить религію при помощи нанизыванія одного догмата на другой, безъ соображенія съ тѣмъ философскимъ процессомъ, который участвовалъ въ ихъ созданіи, довольно рискованно. А между тѣмъ Спиноза такъ именно изучаетъ ее. Ветхій Заветъ есть тотъ духовно-философскій капиталъ еврейскаго народа, который несомнѣнно легъ въ основу всей его нравственной и политической жизни,—онъ и понынѣ знамя всего еврейскаго народа. Для пониманія Библии, одинъ догматическій методъ недостаточенъ; нужно еще тончайшее остріе философскаго анализа, которое проникло-бы въ сокровенную и таинственную глубь ума и сердца народа. Безъ этихъ средствъ всякое изслѣдованіе Библии будетъ односторонне и неполно. Маймонидъ, Хасдаи Крескасъ и др. стояли отчасти ближе къ вѣрному пониманію религіи своихъ предковъ, чѣмъ Спиноза—для нихъ ветхозавѣтная религія была не извѣстное количество догматовъ, а яркое выраженіе философскихъ и нравственныхъ идеаловъ Израиля.

Заботливо проводя грань между философіей и религіею, Спиноза этимъ какъ бы осуждаетъ послѣднюю на полную неподвижность и косность, ибо, несомнѣнно, что въ жизни между философіей и вѣрой происходитъ непрерывное общеніе, непрекращающійся и живой обмѣнъ матеріаловъ. Объ этомъ обмѣнѣ свидѣлствуютъ и историческія наблюденія. «Если исторически прослѣдить, говорить Вундтъ, попеременно преобладаніе то монотеистической, то политеистической идеи въ религіяхъ, то нельзя не замѣтить коренной причины этихъ измѣненій: оно состоитъ въ томъ, что преобладаетъ то философская рефлексія, то поэтическая переработка религіозныхъ идей. Вотъ почему въ Греціи та философская школа, въ которой впервые явилась болѣе очищенное умозрѣніе, элейская,

стала первая отвергать и многобожіе народной религіи. Съ упрекомъ обратились философы къ древнимъ повѣстамъ, изображавшимъ боговъ со всѣми человѣческими слабостями* . Философія, такимъ образомъ, является источникомъ новыхъ религіозныхъ воззрѣній, и чисто отвлеченное размышленіе приводитъ лучшихъ эллинскихъ умовъ къ религіозному монотеизму. «Каждый, говоритъ Ксенофонъ, представляетъ себѣ боговъ по своему: негръ представляетъ себѣ ихъ черными, еракіецъ рыжими, а лошади и быки вѣроятно представляютъ ихъ себѣ лошадьми и быками. Вѣрить во многихъ боговъ нелѣзно, ибо божество должно быть высочайшимъ совершенствомъ, а высочайшее совершенство можетъ быть только одно». Но, съ другой стороны, не трудно различить въ исторіи Греціи слѣды вліянія религіозныхъ представлений и понятій на движеніе и ростъ философской, абстрактной мысли. Такъ, философія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей вся настроена на культъ природы, не *всей*, а какого нибудь одного явленія, въ которомъ усматривается непосредственная причина, непосредственный источникъ всего сущаго. Въ качествѣ таковыхъ «основныхъ» началъ вселенной, въ хронологической постепенности, фигурируютъ три естественныя стихіи: вода, воздухъ и огонь. Отвлеченной мысли приходится какъ-бы пройти тотъ же путь, по которому бродила народная вѣра, — путь отъ Геи и Урана до всемогущаго молніевержца Зевеса. «У іонійскихъ физиковъ, замѣчаетъ авторъ «Души человѣка и животныхъ», мы находимъ взглядъ на боговъ, соотвѣтствующій тому олицетворенію, которому боги подвергаются въ народномъ вѣрованіи. Боги представляются какъ существа необыкновеннаго роста, но также, какъ и все на свѣтѣ, состоящія изъ элементовъ или атомовъ. Вслѣдствіе болѣе и болѣе возрастающаго сознанія связи между божествомъ и человѣческою судьбою, этой философіи природы противустояла этическая точка зрѣнія. Колеблясь между послѣднею и обоготвореніемъ природы, стоитъ Платонъ. Высшее божество совпадаетъ у него съ идеею добра» **. То

* Душа человѣка и животныхъ, стр. 308. т. II.

** *ibid.* стр. 311.

же вліяніе замѣчается и въ теологико-философской системѣ Аристотеля, въ которой этическое, нравственное начало совершенно сливается съ космологическимъ. По мнѣнію величайшаго мыслителя-натуралиста, міромъ управляетъ одна причина, которая есть и высшее благо и личное божество, созидающее законы *нравственной и естественной* жизни. И такъ, связь между философіей и религіей несомнѣнна, и поставить между ними барьеръ, значитъ искусственно тормозить развитіе той и другой. Медленно слѣдуетъ, говоря опять таки словами Бундта, философія, облеченная въ тяжелые метафизическіе доспѣхи, за «легкимъ полетомъ фантастическихъ представленій народной религіи». Не слѣдуетъ однако преувеличивать значеніе философій—она не есть тотъ огненный столбъ, который освѣщаетъ темной религіозной мысли дорогу въ обѣтованную страну нравственнаго совершенства и справедливости,—напротивъ того, религіозная вѣра, и въ самую раннюю пору своего развитія, постоянно открывала человѣческой мысли новые пути и горизонты. «Философія повторяетъ въ проясненной, абстрактной формѣ только то, что народная религія облекла въ разноцвѣтную одежду мѣа» *. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что проведенное Спиновою размежеваніе двухъ самостоятельныхъ сферъ—сферы философій и сферы религіи должно быть признано большою теоретическою ошибкой, дурно повліявшей на его толкованіе еврейской народной вѣры. Религіи Ветхаго Завета человечество обязано появленіемъ величайшей изъ всѣхъ идей,—идеи монотеизма, которая имѣетъ одинаково высокое значеніе, какъ для философій, такъ и для нравственности. Уже одна способность родить такую величественную, нравственно-философскую идею лишаетъ всякаго серьезнаго значенія слова Спинозы о томъ, что Богъ неотличилъ древнихъ іудеевъ ни особою нравственною чистотою, ни знаніемъ, ни религіознымъ благочестіемъ (см. вторую главу этой статьи). Говорить, что носители монотеизма не отмѣчены были особенною духовно-нравственною силою, значитъ, безъ сомнѣнія, недостаточно вѣрно оцѣнивать всю неизмѣримую глубину идеи монотеизма, ибо *этиче-*

---

* *ibid.*

скія и философскія силы суть ея единственные производители. «Когда человекъ, читаемъ мы все въ томъ же сочиненіи Вундта, за свою жизнь ждетъ отъ божества награды или страшится наказанія, то божество, которому онъ ввѣряетъ свою жизнь, должно, въ глазахъ его, все болѣе и болѣе сливаться въ одно лицо. До тѣхъ поръ, пока на небѣ господствуетъ толпа враждующихъ боговъ, и нравственность должна оставаться шаткимъ понятіемъ: за что наградить одинъ Богъ, за то накажетъ другой. Выполненіе единой идеи можетъ лежать только въ одной рукѣ. Какъ исполнитель нравственнаго закона, богъ можетъ быть окруженъ не равноправными богами, а только подчиненными, служащими ему существами. Поэтому, чѣмъ болѣе нравственный законъ выдвигался на первый планъ религиозныхъ представленій и вытѣснялъ предписанія внѣшняго культа, тѣмъ чище должна была реализироваться въ религіи монотеистическая идея» (стр. 317). То обстоятельство, что ветхозавѣтная религія не есть только этика, но проникнута еще, кромѣ того, «цивильнымъ» и политическимъ характеромъ, не умаляетъ нисколько ея чисто-моральныхъ силъ; гражданскіе моменты еврейской религіи, которые Спиноза не безъ аффектаціи подчеркиваетъ постоянно красными чернилами, свидѣтельствуютъ только о томъ, что она возникла одновременно съ наступленіемъ самостоятельной политической жизни Іудеи. Эти гражданскіе моменты, по признанію самого Спинозы, проникнуты здоровымъ смысломъ, и если лишены въ настоящее время реального значенія, то только благодаря роковой исторической превратности, лишившей еврейство значенія самостоятельной народности. Если чистая христология свободна отъ такъ называемыхъ «свѣтскихъ» элементовъ, то это, конечно, объясняется только тѣмъ, что появленіе ея совпало съ эпохою, когда проповѣдь политическихъ и гражданскихъ идей не была бы, конечно, новымъ или послѣднимъ словомъ мудрости. Правда, могущественное римское государство клонилось уже въ то время къ паденію, — но это паденіе вызывалось не какими нибудь недостатками въ политическомъ механизмѣ великой имперіи, а всеобщимъ растлвненіемъ нравовъ, полною атрофіей *нравственнаго чувства* римскаго гражданина. Сами историческія условія,

слѣдовательно, сдѣлали хринологію чисто нравственной доктриною. Не при такихъ условіяхъ, какъ мы уже говорили, родилась еврейская религія. Божье слово, раздавшееся съ Синая, должно было, прежде чѣмъ дать уставы нравственной жизни, собрать бывшихъ рабовъ Фараона въ одно *національное*, компактное цѣлое. Этого обстоятельства не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ всей ветхозавѣтной религіи. Обиліе обрядовъ и ритуальныхъ обычаевъ, въ ней находящихся, будучи въ настоящее время историческимъ памятникомъ благо гражданскаго быта, имѣеть, конечно, только реальное значеніе по столько, по сколько служатъ будильникомъ національныхъ чувствъ и идеаловъ. Раціоналистическая точка зрѣнія по отношенію къ еврейскому обрядовому культу, требованіе его полного упраздненія, смѣло высказываемое авторомъ «Теологико-Политическаго трактата», проникнута гораздо болѣе философскою послѣдовательностью и прямолинейностью, чѣмъ проницательностью и вѣрою въ историческую миссію еврейскаго народа. Отнять у еврейскаго народа его религіозный культъ все равно, что лишить военно-плѣннаго надежды когда нибудь увидѣть родной очагъ, родные луга и поля.

Таковы тѣ краткія критическія замѣчанія, которыми мы заканчиваемъ изложеніе первой половины «Теологико-политическаго трактата». Переходимъ теперь ко второй ея части.

А. Волыскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІИ ГРОМЪ.

Я весь стѣсненъ и весь разбитъ,
Тоска и скука—плодъ безсилья
И грустный твой суровый видъ
Стянули туго мыслей крылья.

Какъ прежде, вѣра и любя,
Ищу я Бога въ откровеньи,
Но вижу предъ собой себя
И вижу истину въ сомнѣньи.

Еще восторженный порывъ,
Еще напѣва переливъ, —
И пѣсни кончатся, какъ страсти.

Такъ лѣтомъ въ воздухѣ сыромъ
Звучить еще послѣдній громъ
Безъ тучъ, безъ молніи, безъ власти.

В. Бегакъ.

* * *

Ахъ, домъ Израиля, богато
И пышно убранъ твой чертогъ!
Тамъ слышенъ звонъ спѣсивый злата
И фарисейскихъ словъ потокъ.

Но подъ чертогомъ подземелье,
Гдѣ тьма, и холодъ, и нужда,
Царить унынье, нѣтъ веселья
И слышенъ звонъ цѣпей труда...

Слить звонъ цѣпей со звономъ злата.
И часто тотъ, кто жизнь обрекъ
На благо страждущаго брата,
Спѣшить въ подвалъ—и зрѣть чертогъ...

И вонъ съ проклятиемъ стремится...
Но если-бъ, ближняго любя,
Онъ въ подземелье могъ спуститься—
Благословилъ бы онъ тебя.

М. Абрамовичъ.

КОНФЕРЕНЦІЯ ГАСТОНА ПАРИ

ВЪ «ОБЩЕСТВѢ ДЛѢ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАУКИ ІУДЕЙСТВА» ВЪ
ПАРИЖѢ.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи парижскаго „Société des Études Juives“ извѣстный французскій писатель Гастонъ Пари прочелъ слѣдующую „конференцію“ о происхожденіи извѣстной притчи о трехъ перстняхъ:

Евреи—тотъ народъ, который поставилъ міру проблему религиозной истины, основавъ первую всемірную религію. Эта проблема естественно ставится двоякимъ образомъ, смотря потому, идетъ ли дѣло объ абсолютной истинѣ религіи, или о ея истинѣ относительной—т. е. смотря потому, отъ чего нужно защищать ее—отъ нападеній ли чисто отрицательныхъ разума, или отъ положительныхъ притязаній соперничающихъ съ нею религіей. Пока у народовъ нѣтъ иныхъ религіей, кромѣ національныхъ, пока они ограничиваются тѣмъ, что говорятъ сосѣднимъ народамъ: „мой Богъ могущественнѣе вашего“—никакія религиозныя пренія невозможны: только посредствомъ матеріальныхъ доказательствъ боги всякой страны могутъ обнаруживать свою силу. Но съ того дня, когда въ религиозномъ убѣжденіи Израиля формулировался столь новый принципъ: „нѣтъ другого Бога, кромѣ моего Бога, кромѣ Іеговы, кромѣ Бога“—всѣ религіи, еще не достигнувшія до высоты этой идеи, были, можно сказать, нравственно уничтожены. Какъ первый лучъ солнца, даже въ ту минуту, когда онъ освѣтилъ еще только самую высшую точку горы, прогоняетъ тысячи призраковъ ночи—такъ

должны были исчезнуть роковымъ образомъ передъ Богомъ единымъ, истиннымъ солнцемъ жизни религіозной, всѣ образы, какъ прелестные, такъ и ужасные, которые породило человѣческое воображеніе, бродившее ощупью въ потемкахъ. Но іудаизмъ, какъ и его великій пророкъ, только увидѣлъ обѣтованную землю и не вошелъ въ нее: этотъ міръ, въ завоеваніи котораго для истиннаго Бога онъ былъ такъ увѣренъ, дѣйствительно покорился Ему, но не черезъ посредство Израиля, а благодаря другимъ—благодаря христіанству и магометанству. Двое дѣтей, имъ же рожденныхъ, отобрали у него достояніе его предковъ, присвоили себѣ обладаніе этимъ богомъ, который однако же былъ прежде всего богомъ евреевъ, и, не довольствуясь отнятіемъ у отца того, что должно было бы принадлежать ему, эти неблагодарные сыновья еще стали преслѣдовать и вслѣдствіи оскорблять его. Совсѣмъ отречься отъ него они, однако, не могли: и христіане, и мусульмане хорошо знали, что ихъ Богъ, Богъ единый, былъ Богъ Авраама, Моисея и Давида; но они утверждали, каждый съ своей стороны, что евреи перестали понимать откровенія, которыя продолжалъ производить этотъ Богъ, и заблуждались, не поклоняясь Ему въ Богѣ Іисуса или богѣ Магомета.

Между этими-то тремя религіями, которыя всѣ произошли изъ одной и той же бібліи, были проникнуты одною и тою же основною вѣрою въ единство бога, имѣли одинъ и тотъ же историческій фундаментъ въ призваніи еврейскаго народа, въ чудесахъ, творившихся для него, и въ законѣ, данномъ на Синаѣ—должна была естественно завязаться борьба. Каждая изъ нихъ доказывала, что именно она опиралась на непосредственнѣе откровеніе Бога; но вѣдь Онъ не могъ противорѣчить Себѣ въ этихъ откровеніяхъ—стало быть, должна была существовать только одна истинная религія; но какая же? Polemica между евреями и христіанами начинается съ появленіемъ христіанства, вышедшаго изъ лона еврейства и скоро начавшаго все больше и больше разъединяться съ нимъ. Пока христіанство оставалось въ угнетеніи, эта полемика ограничивалась войною перьевъ, а между приверженцами той и другой стороны—глубокою взаимною антипатіею,

которая объясняется конкуренціею обѣихъ этихъ религій передъ язычниками и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти послѣдніе все-таки часто смѣшивали одну съ другой. Но когда христіанство сдѣлалось религіею государственной, и папство стало во главѣ управленія духовными дѣлами, евреи, оставшіеся въ этомъ христіанскомъ мірѣ совершенно одинокими, непокорными властямъ, невѣрующими въ христіанскую истину, евреи — потомки и въ нравственномъ отношеніи соучастники убійцы Христа, естественно сдѣлались предметомъ преслѣдованій и ненависти. Терпѣть ихъ приходилось по неволѣ, потому что они были многочисленны и что ихъ торговыя способности, научныя свѣдѣнія, обширныя связи, финансовая монополія, созидавшаяся запретомъ занимать деньги на проценты у христіанъ — дѣлали ихъ необходимыми; но безпрестанно выискивались предлоги мучить этотъ народъ и особенно грабить ихъ на якобы законномъ основаніи. Въ сущности даже ихъ существованіе признавалось преступленіемъ: уже однимъ тѣмъ, что они были евреи, они богохульствовали, ибо отвергали догматы св. Троицы и воплощенія. Какъ только они пытались выйти изъ этого пассивнаго отрицанія для того, чтобы попытаться доказать истину своего убѣжденія, на нихъ обрушивались самыя тяжкія наказанія. Часто, съ цѣлью нанести имъ болѣе вѣрный ударъ, имъ приписывали оскорбительныя и рѣзкія нападенія на самыя уважаемыя и самыя выдающіеся пункты христіанской религіи — нападенія, въ которыхъ они были нисколько не виноваты и воздерживаться отъ которыхъ они могли, уже благодаря своей ловкости. Всякому извѣстны очевидныя доказательства лжи и недобросовѣстности этихъ обвиненій, исходившихъ большею частью — надо въ этомъ сознаться — отъ евреевъ-ренегатовъ; но по настоящему къ нимъ не за чѣмъ было и прибѣгать, чтобъ приобрѣтать право выставить того или другого еврея богохульникомъ; достаточно было — какъ это сдѣлалъ въ одной, собравшейся въ Клуни, конференціи, тотъ старый рыцарь, котораго такъ одобрялъ св. Людовикъ — спросить его, вѣрить ли онъ, что дѣва Марія — мать Божія: „И еврей отвѣчалъ, что не вѣрить. И тогда рыцарь сказалъ ему, что онъ, значить, поступилъ безумно,

войдя въ его, рыцаря, домъ, безъ вѣры въ нее и любви къ ней. И за это—прибавилъ онъ—вы заплатитесь. И поднявъ свой костыль, онъ ударилъ еврея около уха, такъ что тотъ упалъ. И еврей убѣжали, унеся своего учителя, совсѣмъ раненаго, и такимъ образомъ окончилось преніе“.

Другіе диспуты имѣли, однако, болѣе мирный исходъ. Они не обращали никого, потому что вѣру вводитъ въ душу чувство, а не рассужденіе; результатъ ихъ часто заключался въ томъ, что они колебали увѣренность христіанъ, которые, говоритъ Жюанвиль, „уходили съ нихъ совсѣмъ сомнѣвающимися, ибо не хорошо поняли то, что говорили имъ еврей“; но какъ бы то ни было, раввины и монахи, усердно подравшись на словахъ, разставались довольные собой и убѣжденные, каждый съ своей стороны, что они опровергнули всѣ доводы своихъ противниковъ и доказали истину своихъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе, еврей должны были постоянно соблюдать большую осторожность и только защищаться, а не нападать. Это требовалось еще больше въ тѣхъ случаяхъ, когда диспутъ велся не съ духовными лицами, въ принципѣ признававшими, что единственнымъ судьей въ спорѣ долженъ быть одинъ и тотъ же разумъ, а со свѣтскими, которыхъ весьма скоро оскорбляло все, противурѣчившее ихъ вѣрѣ, и очень радовалъ новый случай побить еврея и особенно—отнять у него хотя немного тѣхъ денегъ, копить которыхъ еврей умѣлъ такъ хорошо.

Такимъ образомъ, на примѣръ, король Петръ Аррагонскій (1094—1104 г.) захотѣлъ однажды по совѣту своего министра, Николая Валенціанскаго, поставить въ затруднительное положеніе одного еврея, считавшагося между своими за большого мудреца, вопросомъ—какая религія лучше, еврейская или христіанская. Еврей далъ сначала уклончивый отвѣтъ. „Моя религія—сказалъ онъ—лучше для меня, бывшего нѣкогда рабомъ въ Египтѣ и чудесно освобожденнаго Богомъ; твоя же лучше для тебя, ибо христіане получили господство надъ міромъ“. — „Я тебя спрашиваю—продолжалъ король—какая религія самая лучшая сама по себѣ, а не по отношенію къ тѣмъ, кто исповѣды-

ваетъ ее“. Еврей сказалъ: „Прочу короля дать мнѣ три дня на размышленіе, и я отвѣчу ему какъ съумѣю“. Прийдя во дворець черезъ три дня, онъ имѣлъ очень смущенный видъ; король спросилъ его о причинѣ. „Меня только что оскорбили совѣмъ несправедливо—отвѣчала онъ,—и я прошу, государь, твоей защиты. Вотъ въ чемъ дѣло. Мѣсяць назадъ мой сосѣдъ отправился въ дальнее путешествіе, и чтобы утѣшить своихъ двухъ сыновей, оставилъ каждому изъ нихъ по драгоценному камню. Сегодня утромъ оба брата пришли ко мнѣ и просили опредѣлить достоинство этихъ обоихъ камней и различіе между ними. Я замѣтилъ имъ, что сдѣлать это не можетъ никто лучше ихъ отца, такъ какъ онъ ювелиръ, и что поэтому имъ слѣдуетъ адресоваться къ нему. Они же обругали и побили меня“. — „Это скверно съ ихъ стороны, — сказалъ король, — и они достойны наказанія“. — „Пусть же, — продолжалъ мудрецъ, — твои уши, о государь, слышать то, что произнесли твои уста. Видишь ли: Исавъ и Іаковъ тоже братья; каждый изъ нихъ получилъ драгоценный камень, и ты хочешь знать, какой изъ нихъ лучше. Пошли же, о государь, когонибудь къ нашему Отцу небесному; Онъ великій ювелиръ и съумѣетъ опредѣлить разницу въ достоинствѣ того и другого“. Тогда король вскричалъ: „Ты видишь теперь, Николай, какъ мудры эти евреи! По истинѣ, подобный отвѣтъ заслуживаетъ почестей и награды!“

Этотъ анекдотъ разсказанъ только въ одной книгѣ XV вѣка, „*Шебетъ-Тегуда*“, сочиненной р. Саломономъ-ибнъ-Верга, но въ которой онъ собралъ историческія свѣдѣнія времени предшествующаго. Я, точно также какъ и критики, до меня занимавшіеся этимъ предметомъ, не сомнѣваюсь, что этотъ анекдотъ есть самая древняя и самая подлинная форма притчи, которую я хочу изслѣдовать здѣсь. Она въ то же время представляетъ и простѣйшую, прекраснѣйшую и чистѣйшую форму ея. Она заключаетъ въ себѣ ту высокую мораль, что никто, какова бы ни была искренность его убѣжденія, не можетъ быть увѣренъ въ обладаніи абсолютной истиной и не въ состояніи доказать это преслѣдованіемъ тѣхъ, кто вѣруетъ иначе, чѣмъ онъ. Притча эта

создалась естественно долженствовавшею образоваться у евреевъ потребностью избѣгать сѣтей, которыя разставлялись имъ, и поддерживать существованіе своей наслѣдственной религіи, не оскорбляя вѣры своихъ могущественныхъ властелиновъ. Она запечатлѣна тою остроумною и глубокою изобрѣтательностью, что видна въ такомъ множествѣ вороткихъ аллегорическихъ вымысловъ, въ которые евреи всегда любили облекать свои размышленія о таинственныхъ путяхъ Провидѣнія. Въ то же время она въ данномъ случаѣ представляетъ образецъ удивительной философіи и не менѣе удивительной ловкости. Ничто не свойственно восточной тонкости въ такой степени, какъ этотъ способъ избѣгать отвѣта на одинъ вопросъ постановкою другого вопроса и затруднять спрашивающаго отвѣтомъ, который исторгнуть у него же и значенія котораго онъ въ первую минуту не понимаетъ. Прекраснѣйшимъ примѣромъ этому можетъ служить отвѣтъ Іисуса фарисеямъ, спрашивавшимъ его на счетъ платежа подати Кесарю. Что вышеупомянутая притча дѣйствительно сочинена современникомъ Петра Аррагонскаго, это нисколько не доказано; но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что она—изобрѣтеніе еврейское, и притомъ родина ея—Испанія, гдѣ связи между евреями и христіанами были очень тѣсныя и должны были часто подавать поводъ къ затруднительнымъ положеніямъ этого рода. Въ подробностяхъ и экспозиціи, редакція притчи въ *Шебетъ-Іегуда* не особенно блестяща, и вѣроятно есть варіантъ редакціи предшествующей; но что касается до самой сущности, то рассказъ р. Саломонаибъ-Верги сохранилъ намъ ее такою, какою она была въ первоначальномъ видѣ.

Притча эта была слишкомъ остроумна и затрогивала вопросы слишкомъ жгучіе, чтобы не распространиться за предѣлы мѣста своего происхожденія. Мы находимъ два варіанта ея, совершенно различныхъ между собою и которые оба, хотя и не въ одинаковой степени, измѣнили духу, породившему ее. Съ одной стороны, ее христіанизировали, съ другой—придали тотъ характеръ, къ которому она, правду сказать, и сама уже немного склонялась—характеръ скептической. Двѣ эти

вѣтви, столь противоположны другъ другу, заключаютъ въ себѣ, однако общія черты, которыхъ не было въ первобытномъ стеблѣ и которая, слѣдовательно, доказываютъ, что онѣ обѣ прошли сквозь первое видоизмѣненіе. И въ той и въ другой уже нѣтъ рѣчи о двухъ религіяхъ—еврейской и христіанской; онѣ замѣнены тремя библейскими религіями—еврействомъ, христіанствомъ и магометанствомъ: весьма естественно, что захотѣли свести вмѣстѣ не двухъ, а трехъ сыновей Отца, котораго всѣ они одинаково признаютъ единымъ Богомъ; относительно артистической красоты разсказа это измѣненіе оказалось не особенно выгоднымъ. Важнѣе то, что столь высокая и столь почтительная идея перваго вымысла была извращена новымъ обстоятельствомъ. Еврейская притча не говоритъ, что одинъ камень былъ настоящій, а другой—фальшивый; варианты ея, напротивъ, допускаютъ, что одинъ изъ трехъ камней былъ подлинный, остальные два—фальшивые, и отсюда выходитъ необходимость предполагать, что отецъ обманулъ двухъ сыновей въ пользу третьяго, чѣмъ глубоко нарушается смыслъ разсказа и Богъ, символизированный отцомъ, представляется въ странномъ свѣтѣ. Правда, въ одномъ изъ вариантовъ этого недостатка избѣжали, но поступили еще хуже тѣмъ, что лишили искренней вѣры всѣхъ дѣтей, кромѣ одного. Впрочемъ, послѣдующія редакціи притчи всѣ представляютъ отца оставляющимъ драгоценные камни сыновьямъ передъ смертью, а не предъ отправленіемъ въ путешествіе, и камни замѣняютъ перстнями; ни въ одной изъ нихъ также отецъ не является ювелиромъ. И такъ, повидимому несомнѣнно, что всѣ эти варианты имѣютъ одинъ источникъ, при выходѣ изъ котораго они направились въ разныя стороны. Мы займемся сначала тѣми изъ нихъ, которые наиболее отделились отъ перваго источника по формѣ и по сущности, т. е. разсказами съ исключительно христіанскимъ основаніемъ.

Разсказы эти имѣютъ между собою то общее, что они уничтожаютъ рамку, въ которую была влючена притча. Рамка эта дѣйствительно годилась только для ходатайства въ пользу взаимной терпимости религій; но она теряла всякій смыслъ въ прославленіи христіанства, напи-

санномъ въ христіанской странѣ. Сверхъ того въ нихъ къ вопросу о цѣнности перстней присоединяется споръ на счетъ наслѣдства, котораго нѣтъ ни въ первоначальной редакціи, ни въ вѣтви не христіанизированной; наконецъ, ими повѣствуется, что чудесныя свойства перстня нефальшиваго между этими тремя, обнаруживаясь на опытѣ, даютъ возможность явственно отличать его отъ остальныхъ поддѣльныхъ. Самый старый изъ этихъ разсказовъ въ хронологическомъ порядкѣ, но и представляющій самыя значительныя отступленія отъ первоначальнаго текста, находится въ сочиненіи Этьенна де Бурбонъ, доминиканскаго монаха, умершаго около 1261 г., о семи дарахъ св. Духа. Этьеннъ познакомился съ нимъ въ устной передачѣ:

„Я слышалъ—пишетъ онъ—отъ одного свѣдущаго человѣка слѣдующій примѣръ для доказательства истинности вѣры. У одного богача въ числѣ прочихъ его богатствъ находился перстень, въ которомъ былъ вдѣланъ драгоцѣнный камень, обладавшій свойствомъ исцѣлять всѣ болѣзни. Богачъ этотъ имѣлъ жену, которая родила ему законную дочь; но затѣмъ, *corrupta a lenonibus*, дала жизнь еще нѣсколькимъ, которыя всѣ считались законными дочерьми ея мужа. Самъ онъ зналъ правду и поэтому, умирая, составилъ завѣщаніе, которое запечаталъ своимъ перстнемъ, и гдѣ объявлялъ, что оставляетъ этотъ перстень своей законной дочери и что наслѣдство его должно перейти къ обладательницѣ перстня. Такимъ образомъ онъ позвалъ къ себѣ дочь, отдалъ ей перстень и умеръ. Остальныя дочери, зная объ этомъ, завказали себѣ такіе же перстни. Когда открыли завѣщаніе передъ судьей, каждая предъявила свой перстень и утверждала, что она законная дочь. Но судья, человѣкъ мудрый, подвергнувъ испытанію всѣ перстни, и такъ какъ только одинъ изъ нихъ оказался имѣющимъ чудесныя свойства—призналъ законною дочерью обладательницу его и присудилъ ей все отцовское наслѣдство, остальныхъ же объявилъ незаконными“.

Дочери замѣняютъ въ этомъ разсказѣ сыновей для того, чтобы точнѣе изобразить религію; дѣло идетъ не о двухъ только незаконныхъ дочеряхъ, но о нѣсколькихъ, чѣмъ въ обвинительный приговоръ

судьи включены въ религіи, кромѣ христіанской. Вопросъ о законности рожденія, приплетенный здѣсь довольно неловко къ спору о цѣнности перстней, напоминаетъ другую притчу, тоже очень красивую, но иного происхожденія, и которую тоже эксплуатировали въ видахъ религіозныхъ, а не полемическихъ. Это нѣчто въ родѣ суда Соломона, и во многихъ вариантахъ произнесеніе приговора приписывается дѣйствительно самому Соломону. У одного отца есть три сына; онъ знаетъ, что одинъ изъ нихъ законный, но ему неизвѣстно, какой именно. Въ завѣщаніи онъ оставляетъ все свое состояніе сыну законному, исключая изъ наслѣдства остальныхъ. Судья приказываетъ привязать къ дереву тѣло умершаго отца съ тѣмъ, чтобы сыновья стрѣляли въ него изъ лука: кто лучше попадетъ въ цѣль, тотъ и получитъ наслѣдство. Первый сынъ пускаетъ стрѣлу и пронзаетъ руку мертвеца; второй, болѣе счастливый, попадаетъ прямо въ лобъ и увѣренъ въ побѣдѣ надъ братьями; но когда наступаетъ очередь третьяго, онъ роляетъ на землю лукъ и стрѣлу и говоритъ со слезами: „Боже меня сохрани такъ нечестиво коснуться священной плоти моего отца! Лучше ужъ я откажусь отъ наслѣдства!“ — „Оно твое, — объявляетъ судья, — ты доказалъ, что одинъ ты его родной сынъ!“ Эта легенда, несомнѣнно восточная, повидимому смѣшалась съ притчею о драгоцѣнныхъ камняхъ, и такимъ образомъ составилъ рассказъ Этьенна де Бурбонъ.

Это сказаніе представляетъ намъ вариантъ совершенно единичный. Въ двухъ другихъ христіанскихъ редакціяхъ мы находимъ черты, общія съ редакціями вѣтви не христіанизированной и, слѣдовательно болѣе древнія. Первый по времени изъ этихъ христіанскихъ текстовъ — тотъ, что находится въ маленькой французской поэмѣ, сочиненной между 1270 и 1294 г. „*Dit du vrai anneau*“ (Сказаніе объ истинномъ перстнѣ). У одного отца есть три сына, изъ которыхъ двое старшихъ — злые, а третій — добродѣтельный; онъ владѣетъ перстнемъ, имѣющимъ чудесную силу въ исцѣленіи болѣзней; видя пороки старшихъ сыновей, отецъ заказываетъ у ювелира два перстня, совершенно схожихъ съ его настоящимъ, и, тайно позвавъ къ себѣ старшихъ

братьевъ одного вслѣдъ за другимъ, даетъ каждому изъ нихъ фальшивый перстень, объявляя, что это и есть настоящій, и беретъ съ нихъ обѣщаніе молчать объ этомъ до его смерти; третьему же онъ вручаетъ подлинный перстень и отрывая всю правду. По смерти отца два старшихъ сына предъявляютъ каждый претензію на обладаніе чудеснымъ перстнемъ; младшій доказываетъ, что это онъ владѣлецъ. Подвергаютъ его перстень испытанью, убѣждаются, что онъ правъ, и разбиваютъ два остальныхъ перстня. Но злые старшіе братья, прійдя въ бѣшенство, всячески оскорбляютъ послѣднаго и портятъ даже его драгоценный перстень, и авторъ утѣляетъ большую часть своей поэмы на воззваніе къ христіанскимъ государямъ—отомстить святотатцамъ и защитить это сокровище, т. е. призываетъ къ крестовому походу. Вотъ какъ мы далеко ушли отъ первоначальной морали нашей притчи.

Мораль эта представляется не въ болѣе удовлетворительномъ видѣ и въ третьемъ христіанскомъ вариантѣ—находящемся въ *Gesta Romanorum*, странномъ сборникѣ моральныхъ разсказовъ, сочиненномъ въ Англіи въ концѣ XIII-го или началѣ XIV-го вѣка. Здѣсь дѣло идетъ о рыцарѣ, имѣющемъ трехъ сыновей. За нѣсколько времени до смерти онъ завѣщаетъ первому изъ нихъ свои земли, второму—свои сокровища, третьему—перстень, который, благодаря своимъ свойствамъ, цѣннѣе того, что оставлено двумъ старшимъ; впрочемъ и этимъ послѣднимъ онъ далъ два перстня, похожихъ на первый по формѣ, но не по внутреннему достоинству. Отецъ умираетъ, и каждый изъ сыновей утверждаетъ, что драгоценный перстень въ его рукахъ; но дѣло рѣшается посредствомъ испытанія: приводятъ больныхъ, два первыхъ перстня остаются безсильными, третій исцѣляетъ ихъ всѣхъ. „Этотъ рыцарь—Иисусъ Христосъ, имѣвшій трехъ сыновей: евреевъ, сарациновъ и христіанъ. Онъ отдалъ евреямъ обѣтованную землю, сарацинамъ—блага здѣшняго міра, т. е. могущество и богатство, христіанамъ—драгоценный перстень, т. е. вѣру, посредствомъ которой они могутъ исцѣлять всѣ болѣзни и страданья души“. Изъ этого объясненія выходитъ, что евреямъ слѣдовало бы отдать обѣтованную землю,

а христіане должны бы отказаться отъ могущества и богатства здѣшняго міра въ пользу сарацинъ. Эта мысль и не была, пожалуй, чужда крайне зараженному мистицизмомъ автору *Gesta*; она очень легко могла возникать во многихъ благочестивыхъ умахъ послѣ окончательной неудачи крестовыхъ походовъ, приведшей въ великое смущеніе столько душъ. Если христіане потерпѣли уронъ въ своемъ предпріятіи, значить, оно было несогласно съ волею божьей, и имъ слѣдовало поэтому довольствоваться своею частью—прекраснѣйшею изъ всѣхъ остальныхъ, и предоставить здѣшний земной міръ тѣмъ, которые только его и получили въ наслѣдство. Но и здѣсь мы далеки отъ того сомнѣнія—спасительнаго или пагубнаго, смотря по точкѣ зрѣнія—которое хотѣла породить остроумная притча испанскаго еврея на счетъ возможности доказать, гдѣ именно заключается истинное откровеніе.

Опасность для самой вѣры отъ этого разрѣшенія, или, вѣрнѣе, отъ этого способа уклоняться отъ разрѣшенія проблемы, особенно сильно проявляется въ тѣхъ вариантахъ первой вѣтви, о которыхъ намъ остается сказать. Эти варианты—числомъ тоже три—всѣ итальянскаго происхожденія; они составились въ довольно ограниченный періодъ времени и находятся между собою въ несомнѣнномъ родствѣ. Во всѣхъ ихъ мы снова находимъ рамку притчи, и тутъ прибѣгаетъ къ ней тоже еврей—новое доказательство ея еврейскаго происхожденія—съ цѣлью избѣгнуть западни, разставляемой ему государемъ, исповѣдующимъ другую религію. Но здѣсь государь—мусульманинъ, а не христіанинъ: въ христіанской странѣ оно не могло быть иначе. Урокъ скептицизма, вытекающій изъ рассказа и сказывающійся болѣе живо въ редакціи итальянской, чѣмъ въ первоначальномъ видѣ, могъ ускользнуть по крайней мѣрѣ отъ одного или другого изъ тѣхъ, кто принялъ эту притчу; но если сообразить, въ какое время и въ какой средѣ она составила, то не можетъ оставаться сомнѣнія, что этотъ урокъ былъ вполне понятъ большинствомъ, какъ понималъ его, конечно, и Бокаччіо, послѣдній передатчикъ рассказа. Дѣйствительно, скептицизмъ произошелъ, какъ уже замѣчено, столько же вслѣдствіе неудачнаго результата экспедицій

въ св. Землю, сколько благодаря сношеніямъ между христіанами и мусульманами; міръ увидѣлъ, независимо отъ евреевъ, еще одну секту людей, обладавшихъ культурой, добродѣтелями, могуществомъ, которое не могли сломить усилія христіанства, вѣрившихъ, точно также какъ христіане и евреи, въ единого Бога, признававшихъ, какъ они, біблію священной книгой и утверждавшихъ, что христіанскіе догматы несогласны съ бібліею и съ понятіемъ о единомъ Богѣ. Что правда была на сторонѣ сарацинъ и евреевъ—этому не могли вѣрить, или по крайней мѣрѣ вѣрили весьма немногіе; но было ли совершенно несомнѣнно, что истина—достояніе христіанства, или что вообще она была сообщена посредствомъ откровенія кому бы то ни было? Нѣкоторые не ограничивались сомнѣніемъ, а доходили до самаго полнаго отрицанія. Извѣстно страшное обвиненіе, взведенное въ 1239 г. папою Григоріемъ IX на императора Фридриха Второго: „Этотъ зачумленный государь объявилъ, что міръ сдѣлался жертвою обмана трехъ—Иисуса, Моисея и Магомета“. Достоверность этихъ словъ никогда не была доказана, но многіе знали, что въ этомъ не было ничего невѣроятнаго: мысли въ этомъ родѣ дѣйствительно вращались въ средѣ, окружавшей этого страннаго императора, полу-итальянца и полу-нѣмца, столько же восточника, сколько и франка по своему образу жизни, смотрѣвшаго на религиозный вопросъ съ презрительною терпимостью, напоминающею такъ же терпимость его знаменитаго прусскаго тѣзки, этого заклятаго врага если не церкви, то по крайней мѣрѣ папы, которому было пріятно, что на него смотрѣли, какъ на предтечу антихриста и который въ воображеніи народовъ представлялся даже самимъ антихристомъ, такъ что его смерти не повѣрили и долго еще послѣ того ждали—одни съ ужасомъ, другіе съ надеждой—что вотъ-вотъ онъ снова появится и станетъ господствовать надъ міромъ. Если Фридрихъ дѣйствительно произнесъ вышеприведенныя слова, то это было, конечно, сдѣлано только въ порывѣ минутнаго раздраженія; но сомнѣнія въ относительной или абсолютной истинѣ христіанства распространялись въ ту пору повсюду; доказательство тому мы видимъ въ колоссальныхъ усиліяхъ, дѣлавшихся для уничто-

женія этихъ скептическихъ идей въ послѣдніе годы XIII вѣка, Раймондомъ Луллемъ—этимъ донъ-Кихотомъ схоластики, доказывавшимъ, что его непогрѣшимая метода аргументаціи одна спасетъ міръ, вернувъ къ католической истинѣ, безъ возможнаго урона, и вѣрныхъ, и невѣрныхъ.

Вотъ простой и короткій разсказъ, помѣщенный въ *Cento novelle antiche*, сборникѣ разсказовъ въ прозѣ, имѣющемъ также заглавіе *Novellino* и написанномъ въ Тосканѣ около конца XIII в.

„Саладину понадобились деньги, и тогда ему посовѣтовали придраться къ одному богатому еврею, жившему въ его государствѣ, и такимъ образомъ отнять у него движимое имущество, которое было велико сверхъ всякой мѣры. Султанъ потребовалъ къ себѣ этого еврея и спросилъ его, какая вѣра самая лучшая, соображая такъ: если онъ отвѣтитъ—еврейская, я скажу, что онъ оскорбляетъ мою религію; если назоветъ сарацинскую, я спрошу: такъ отчего ты держишься еврейской? Еврей, услышавъ вопросъ; отвѣчалъ такъ: „Государь, жилъ нѣкогда отецъ, имѣвшій трехъ сыновей, и былъ у него перстень съ драгоценнымъ камнемъ, самымъ лучшимъ въ мірѣ. Каждый изъ сыновей просилъ отца оставить этотъ перстень въ наслѣдство ему, а не другимъ братьямъ. Отецъ, видя такое желаніе всѣхъ сыновей, позвалъ къ себѣ хорошаго ювелира и сказалъ ему: „Сдѣлай мнѣ два перстня, совершенно похожихъ на этотъ, и вставь въ каждый изъ нихъ по камню, схожему вотъ съ этимъ“. Мастеръ сдѣлалъ перстни такъ, что никто, исключая отца, не могъ бы различить, какой изъ нихъ настоящій. Послѣ этого отецъ позвалъ къ себѣ сыновей, одного велѣлъ за другимъ, и каждому изъ нихъ тайно отдалъ его перстень; и каждый думалъ, что получилъ настоящій, и никто, кромѣ отца, не зналъ правды. Точно то же и съ вѣрами, государь. Ихъ числомъ три, отцу, давшему ихъ, извѣстно, какая изъ нихъ самая лучшая, и сыновья, т. е. мы, думаютъ каждый, что настоящая у него въ рукахъ“. Султанъ, видя, какъ еврей выпутывался изъ западни, не зналъ больше, чѣмъ поставить его въ затруднительное положеніе, и отпустилъ его“.

Нужно замѣтить, что въ одной рукописи послѣднія слова еврея нѣсколько отличаются отъ только что приведенныхъ нами; послѣ указанія, что правда на счетъ кольца не была никому извѣстна, въ этой рукописи просто сказано: „И точно также я говорю вамъ, государь, что и мнѣ это неизвѣстно, и потому я не могу отвѣтить на вашу просьбу“. Религии, очевидно съ умысломъ, не поименованы.

Во второй разъ наша притча появляется въ Италіи, въ романѣ, очень скучномъ вообще, но любопытномъ по времени его сочиненія и со многихъ другихъ точекъ зрѣнія—*Fortunatus Siculus*, написанномъ въ 1311 г. Бузоне да Губбио. У этого сочинителя есть нѣкоторыя особенности, собственно ему принадлежащія. Онъ начинаетъ съ того, что говорить, какъ бы для оправданія Саладина: „Вы должны знать, что во всей вселенной еврей ненавидимы, и что у нихъ нѣтъ ни отечества, ни государя“. Имя еврея въ этомъ разсказѣ—Абсалонъ. Здѣсь отецъ хочетъ отдать настоящій перстень своему старшему сыну, но вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ остальныхъ сыновей, рѣшается заказать два фальшивыхъ. Эта подробность, слишкомъ ясно указывающая на преимущество, какое еврей отдавалъ своей религіи (ибо старшій сынъ—несомнѣнно олицетвореніе еврейства), не особенно ловко придумана; она выставляется на видъ и дальше; желанія остальныхъ двухъ сыновей называются *non dovuti*, и разсказчикъ-еврей снисходительно замѣчаетъ: „Такимъ образомъ тотъ, котораго отецъ желалъ, сдѣлался въ этомъ его наслѣдникомъ“. За исключеніемъ этого неудачнаго усложненія, разсказъ Бузоне очень схожъ съ помѣщеннымъ въ *Novellino*, но соображая нѣкоторыя подробности обоихъ, я прихожу къ заключенію, что они скорѣе имѣютъ общій источникъ, чѣмъ списаны одинъ съ другого.

Наконецъ, притча о двухъ камняхъ, сдѣлавшаяся притчею о трехъ перстняхъ, находитъ себѣ самую богатую и самую извѣстную форму въ „Декамеронѣ“ Бокаччіо (день I, разсказъ 3). Вообще принято, что источникомъ для Бокаччіо служилъ разсказъ Бузоне, но основанія этого мнѣнія нисколько не убѣдительны. Во всякомъ случаѣ, редакція

Бокачіо имѣеть одно существенное отличіе какъ отъ редакціи Бузоне, такъ и отъ *Cento Novelle*: къ вопросу о подлинномъ перстнѣ Бокачіо примѣшивается споръ за наслѣдство, и этимъ его рассказъ сближается съ вариантами второй семьи; зналъ ли ихъ Бокачіо и изъ нихъ ли заимствовалъ эти подробности, или смѣшеніе было произведено уже въ источникѣ, откуда онъ почерпнулъ—это неизвѣстно. Имя еврея здѣсь Мельхиседекъ, и авторъ изображаетъ его очень скупымъ ростовщикомъ, что совершенно не вѣжется съ развязкой, гдѣ онъ добровольно и щедро ссужаетъ Саладину деньги, которыя тотъ хотѣлъ выманить у него хитростью. Отмѣтимъ еще, что у Бокачіо всѣ три сына представлены одинаково добродѣтельными—подробность, сближающая его редакцію съ основною идеею первоначальной притчи.

У Бокачіо заимствовалъ и Лессингъ—какъ это онъ положительно заявляетъ—притчу, составляющую средоточіе его „Натана Мудраго“ и какъ бы драгоценный камень, вправленный въ этотъ блестящій перстень. Здѣсь скрытая, но несомнѣнная цѣль автора—одновременно съ великолѣпно провозглашаемымъ ученіемъ терпимости дать урокъ скептицизма: не забудемъ, что Лессингъ писалъ „Натана“ въ пору своихъ богословскихъ споровъ, и на свою драму, какъ средство поразить своихъ противниковъ, онъ рассчитывалъ больше, чѣмъ на „Фрагменты Неизвѣстнаго“, надѣлавшіе столько шуму. Поэтому не только скептицизмъ лежитъ въ идеѣ и исполненіи этой пьесы; если теоретически всѣсы держатся на одинаковомъ уровнѣ между тремя религіями, представители которыхъ дѣйствуютъ въ драмѣ, то фактически они въ этомъ дѣйствіи значительно склоняются въ ущербъ христіанства. Еврей Натанъ—образецъ всѣхъ добродѣтелей; мусульмане—Саладинъ, его сестра, дервишъ—люди просвѣщенные, полные духа терпимости, великодушные; одни христіане принесены въ жертву: Дая есть представительница ихъ суевѣрія, умственной ограниченности, патриархъ—олицетвореніе коварства и жестокости ихъ фанатизма, а молодой тамплиеръ, герой драмы, становится достойнымъ интереса и сочувствія только тогда, когда отказывается отъ своихъ узкихъ убѣжденій и го-

товъ отречься отъ своего орденскаго обѣта, чтобы жениться на еврейкѣ. Понятно, что благочестивые люди весьма дурно приняли такое произведеніе, не смотря на его дѣйствительно необыкновенныя достоинства, что долго нельзя было представлять его на сценѣ и что даже теперь еще, человѣкъ, свободный отъ всякаго духа партіи, испытываетъ при чтеніи его какое-то неловкое чувство именно благодаря тому, что авторъ такъ выставляетъ на видъ свое безпристрастіе и такъ мало имѣетъ его. А между тѣмъ много глубины и великой правды въ мнѣніи благороднаго Моисея Мендельсона о произведеніи его друга, всегдашняго друга евреевъ: „Въ сущности, надо сознаться, его „Натанъ“ служить къ великой чести христіанства. Какой высокой ступени цивилизаціи и свѣта должно было достигнуть общество для того, чтобы человѣкъ могъ подняться въ немъ на такую высоту чувствъ, могъ развить въ себѣ такую тонкость оцѣнки вещей человѣческихъ и божескихъ!“ Тотъ же самый Мендельсонъ отмѣчаетъ въ Лессингѣ черту очень характеристическую и въ которой узнаетъ себя не одна благородная натура: „Когда онъ видѣлъ, что хорошее дѣло защищали глупыми аргументами, въ немъ являлось желаніе выступить противникомъ этого дѣла; заблужденіе, на которое нападали не такъ, какъ слѣдуетъ, подстрекало его становиться его защитникомъ; критическое изслѣдованіе для него было всего важнѣе, онъ находилъ, что истина, которую принимаютъ на вѣру, не зная точныхъ основаній ея истинности, есть ничто иное, какъ предразсудокъ, ведущій къ лѣни ума“. И потому-то такъ любилъ онъ возбуждать сомнѣнія, расшатывать въ людяхъ увѣренность на счетъ прочности того, что они считали своимъ непоколебимѣйшимъ основаніемъ. Въ этомъ именно духѣ онъ издалъ возраженія Реймаруса противъ христіанства; вызванная ими бурная оппозиція разсердила его, вывела изъ себя, и его „Натанъ“, запечатлѣнный высокою справедливостію и нѣжною филантропіею автора, въ то же самое время носитъ на себѣ слѣды этого раздраженія, которое хотѣлось бы уничтожить въ немъ.

Вотъ этотъ — всякому, впрочемъ, извѣстный — рассказъ Натана

Саладину въ отвѣтъ на вопросъ этого послѣдняго о превосходствѣ той или другой религiи:

Давно, давно, въ восточной сторонѣ
 Жилъ человекъ, которому достался
 Изъ милыхъ рукъ безцѣнный перстень. Былъ
 Украшенъ онъ опаломъ, сотней красокъ
 Прелестнѣйшихъ игравшихъ, и имѣлъ
 Таинственную силу—дѣлать милымъ
 И Господу и людямъ всѣмъ того,
 Кто съ полною увѣренностью въ этомъ
 Носилъ его. Нѣтъ дива, стало быть,
 Что не снималъ ни на минуту перстня
 Восточникъ нашъ, распорядясь притомъ,
 Чтобы въ его семействѣ оставался
 Навѣки онъ. Вотъ было это какъ
 Устроено. Старикъ оставилъ перстень
 Любимому изъ сыновей своихъ
 И завѣщалъ, чтобъ этотъ точно также
 Въ наслѣдiе отдалъ его тому
 Изъ сыновей, кто для него милѣе
 Всѣхъ остальныхъ; и чтобъ главой семьи,
 Владыкою всегда былъ сынъ любимый,—
 Не по дѣтамъ, но въ силу лишь кольца.
 Такимъ-то вотъ путемъ, переходилъ
 Изъ рода въ родъ, отъ сына въ сына перстень
 И наконецъ достался онъ отцу
 Трехъ сыновей, которые всѣ были
 Ему равно послушны, почему
 Онъ и не могъ любить ихъ всѣхъ иначе,
 Какъ поровну. Порою лишь, когда
 Наединѣ съ нимъ оставался первый,
 Или второй, или третiй, такъ что онъ
 Не раздроблялъ любви своей,—казался
 Тотъ сынъ ему достойнѣй остальныхъ
 Имѣть кольцо, которое отдѣльно
 Онъ каждому изъ нихъ пообщалъ
 По слабости любовной. Такъ шло дѣло,
 Покамѣстъ шло. Но вотъ и смертный часъ
 Приблизился—и въ затрудненiи добрый
 Старикъ-отецъ. Его печалить мысль—
 Двухъ сыновей, отцовскимъ общаньямъ
 Повѣрившихъ, такъ сильно огорчить.
 Что-жъ дѣлать тутъ? Онъ посылаетъ тайно

За мастеромъ и просить, не щадя
 Ни денегъ, ни работы, изготовить,
 По образцу его кольца, еще
 Такихъ же два, на первое похожихъ,
 Похожихъ безусловно. Удалось
 То мастеру. Когда принесъ онъ перстни,
 То самъ отецъ межъ ними своего
 Не могъ признать. Довольный и веселый,
 Дѣтей своихъ по одиночкѣ онъ
 Зоветь къ себѣ, и каждому отдѣльно
 Даетъ благословенье и—кольцо...
 И умираеть. . . . .
 ..... Едва почилъ отецъ,
 Какъ каждый сынъ съ кольцомъ своимъ приходитъ
 И хочетъ стать владыкою семьи.
 Внимательно разглядываютъ, спорять,
 Вбѣгутъ къ судѣ... Напрасно! Доказать
 Никакъ нельзя, гдѣ настоящій перстень...
 (Послѣ паузы, во время которой онъ ожидаетъ ответа
 султана).

Почти что такъ, какъ доказать теперь
 Не можемъ мы, гдѣ истинная вѣра.

..... Братья другъ на друга
 Въ судъ подали, и каждый присягнуть,
 Что—какъ оно и въ самомъ дѣлѣ было—
 Изъ рукъ отца онъ прямо получили
 Свое кольцо, во исполненье слова,
 Которое покойный далъ ему
 Уже давно,—вѣдь тоже правда!... Каждый
 Твердилъ одно, что обмануть не могъ
 Его отецъ; что заподозрить въ этомъ
 Столь нѣжнаго и добраго отца
 Не смѣетъ онъ, и ужъ, конечно, братьевъ
 Скорѣй въ такой продѣлкѣ обвинить,
 Хоть вообще готовъ весьма охотно
 Быть мнѣнія отличнаго о нихъ;
 Что онъ найти въ концѣ концовъ съумѣетъ
 Обманщика; что отомстить ему...
 Судья сказалъ: «Иль вы скорѣй доставьте
 Ко мнѣ отца, иль выпровожу васъ
 Я изъ суда. Вы думаете, видно,
 Что здѣсь сажу я только для того,
 Чтобъ разрѣшать загадки? Иль вы ждете,

Чтобъ настоящій перстень самъ за васъ
 Заговорилъ?... Постоите-ка однако,
 Я слышу здѣсь, что въ перстнѣ этомъ есть
 Тайственная сила—дѣлать милымъ
 И Господу и людямъ всѣмъ того,
 Кто обладаетъ имъ. Ну, вотъ пусть это
 И порѣшится! Поддѣльное кольцо
 Вѣдь, стало быть, той силы не имѣеть.
 Ну, кто изъ васъ, скажите мнѣ, милѣй
 Двумъ остальнымъ? Я жду отвѣта. Что-же
 Молчите вы? Такъ, значитъ, снабжены
 Обратною лишь силой ваши перстни?
 Такъ каждому межъ вами самъ-же онъ
 Милѣе всѣхъ? О, если такъ, всѣ трое—
 Обманщики обмануты вы,
 И перстни всѣ—фальшивы! Настоящій
 Навѣрное потерявъ, и чтобъ скрыть,
 Чтобъ возмѣстятъ потерю, вашъ родитель
 Три заказалъ». . . . .
 «Поэтому—такъ продолжалъ судья—
 Коль нуженъ вамъ не мой совѣтъ, а только
 Мой приговоръ—ступайте по домамъ *.

Ясно, что притча рассказана совсѣмъ по Бокаччіо, но Лессингъ прибавилъ подробность, которой не было въ „Декамеронѣ“ и которую этотъ неутомимый чтецъ старыхъ книгъ, вѣроятно, заимствовалъ въ *Gesta Romanorum*: опаль „имѣлъ тайственную силу—дѣлать милымъ и Господу, и людямъ всѣмъ того, кто съ полною увѣренностью въ этомъ носилъ его...“ Это напоминаетъ очевидно чудесныя свойства, приписывавшіяся перстню въ христіанизированныхъ вариантахъ. Но между тѣмъ какъ въ этихъ послѣднихъ испытаніемъ, которому подвергаются перстни, обнаруживается подлинность одного изъ нихъ, здѣсь, сообразно съ скептической тенденціею, оно не приводитъ ни къ какому результату, что повидимому трудно согласовать съ рассказомъ. Но самимъ этимъ отсутствіемъ результата поэтъ пользуется для того, чтобы

---

* Этотъ рассказъ приведенъ здѣсь въ новомъ переводѣ П. И. Вейберга; слова, которыми Саладинъ перебиваетъ Натана и отвѣты этого послѣдняго здѣсь опущены.

прійти къ самой благородной, самой высокой морали. Прежде чѣмъ указать на нее, намъ остается еще сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и нѣкоторыя сближенія.

Въ итальянской редакціи притчи, какъ мы видѣли, въ роли мусульманскаго государя является Саладинъ. Не по простой случайности, конечно, рассказъ, въ которомъ поставлены лицомъ къ лицу три великія монотеистическія религіи, приуроченъ къ этому знаменитому султану. Въ старинныхъ преданіяхъ Саладинъ представляется человекомъ, живо интересовавшимся вопросами этого рода; его терпимость относительно христіанъ внушала имъ глубокое уваженіе къ нему и симпатію, которую они выражали по своему, изобрѣтая наивныя легенды, гдѣ онъ даже самъ принималъ христіанство. Въ одномъ изъ такихъ анекдотовъ находимъ остроумное сравненіе трехъ религій, естественно приводящее къ установленію превосходства христіанства. Саладинъ, чувствуя приближеніе смерти и колеблясь на счетъ истинности той или другой вѣры, призываетъ къ себѣ еврея, мусульманина и христіанина, изъ которыхъ каждый считается въ Іерусалимѣ самымъ ученымъ знатокомъ въ своей религіи. „Какая религія самая лучшая? спрашиваетъ султанъ еврея. — Моя. — А если бы ты захотѣлъ перемѣнить ее, то какую бы избралъ? — Христіанскую, потому что она произошла изъ моей“. Мусульманинъ на первый вопросъ отвѣчаетъ точно также; на второй: „христіанскую, потому что моя религія произошла изъ нея“. Наконецъ христіанинъ сначала утверждаетъ, что его религія самая лучшая, а затѣмъ — что никогда не перейдетъ онъ ни въ еврейскую, ни въ мусульманскую, потому что онѣ обѣ фальшивы. „Въ такомъ случаѣ, — говоритъ Саладинъ, — я приму христіанскую вѣру, ибо каждая изъ двухъ остальныхъ признаетъ ее, наилучшею послѣ себя, а она не признаетъ никакой цѣнности ни за тою, ни за другою“. Въ другомъ рассказѣ заключеніе, какъ и въ нашемъ, остается невыведеннымъ, и самая форма не безъ связи, но къ своей большой невыгодѣ, съ притчею о перстняхъ. Саладинъ — такъ повѣствуетъ вѣнскій хроникеръ, поэтъ Гансъ Эненкель (1250 — 1291 г.) — передъ смертію пожелалъ обезпечить какъ можно надежнѣе

спасеніе своей души. Драгоцѣннѣйшею вещью его былъ сафировый столъ; онъ велѣлъ разбить его на три равныхъ части, изъ которыхъ одну пожертвовалъ въ главную синагогу Іерусалима, другую—въ главную церковь, третью—въ главную мечеть, думая, что этимъ средствомъ онъ навѣрно снищеть себѣ милость истиннаго Бога. Это напоминаетъ намъ подобныя же черты въ варварахъ, которыхъ считали вполне обращенными въ христіанство: такъ, на примѣръ, рассказываютъ, что Роллонъ, умирая, велѣлъ служить христіанскія обѣдни и въ то же время приносить лошадей въ жертву богу Тору, чтобы какъ нибудь не промахнуться на счетъ бога, дѣйствительно стоящаго выше всѣхъ по силѣ и могуществу. Но эти грубыя измышленія далеки отъ тонкой идеи, послужившей къ созданію нашей аллегоріи.

Есть еще одна притча—и ею мы окончимъ наше изслѣдованіе—которую примѣняли къ тремъ религіямъ, или скорѣе къ исповѣдующимъ ихъ; она не лишена юмора, и дѣлаемая въ ней оцѣнка евреевъ можетъ быть истолкована въ смыслѣ похвалы столько же, сколько и сатиры. Въ одной арабской книжкѣ—*Nuzhetol Udeba*, читаемъ слѣдующій рассказъ. Магометанинъ, христіанинъ и еврей путешествуютъ вмѣстѣ; они истощили всѣ свои съѣстные припасы, а имъ остается еще два дня странствовать по пустынѣ; вечеромъ они случайно находятъ на дорогѣ одинъ хлѣбъ. Что съ нимъ дѣлать? На троихъ его мало, на одного было бы достаточно; пусть ужъ лучше насытится одинъ, но кто именно изъ троихъ? Они условливаются отложить выборъ на завтра: хлѣбъ достанется тому изъ нихъ, которому въ эту ночь приснится самый лучший сонъ. И вотъ они заснули, а на слѣдующее утро начинаютъ сравнивать свои сновидѣнія. „Мнѣ—рассказываетъ христіанинъ—приснилось, что какой-то дьяволъ унесъ меня въ адъ; я видѣлъ пылающіе огни, веселыхъ и ужасныхъ демоновъ; я слышалъ крики проклятыхъ, обнималъ глазами все пространство вѣчной бездны; можетъ ли быть сонъ прекраснѣе этого?“—„Мой лучше,—возразилъ мусульманинъ:—ангелъ Гавріилъ схватилъ меня за волосы и унесъ въ рай, гдѣ слухъ мой услаждали самыя чудныя звуки, гдѣ я созерцалъ пляски небесныхъ

дѣвъ съ черными очами; какой же сонъ сравнится съ моимъ? — „А мнѣ — сказалъ еврей — снилось, что тебя дьяволъ унесъ въ адъ, а тебя ангель умчалъ въ рай; тогда я всталъ и... съѣлъ хлѣбъ“. Это изложеніе принимали за первобытную форму этого разсказа, весьма распространеннаго въ средніе вѣка, и полагали, что эта первобытная форма — еврейскаго происхожденія; но и то и другое заключеніе весьма сомнительны. Поведеніе еврея могло бы быть объяснено въ смыслѣ примѣненія на практикѣ вѣры въ награды земныя въ противоположность вѣрѣ христіанъ и мусульманъ въ жизнь вѣчную; но каковы бы ни были на этотъ счетъ идеи древнихъ евреевъ, — тѣ евреи, которые жили уже послѣ возникновенія магометанства и которые могли бы сочинить эту исторію, несомнѣнно вѣрили въ будущую жизнь также, какъ послѣдователи Христа и Магомета. Сказка эта, конечно, не была написана съ тою цѣлью, чтобы безусловно прославить человѣка, обманывающаго другихъ; по крайней мѣрѣ евреи не были такого мнѣнія, потому что въ *Historia Ieschna Nazareni*, куда они вставили ее, эта роль обманщика дана Іудѣ, котораго они отнюдь не желали выставить въ благопріятномъ свѣтѣ. Іисусъ, Петръ и Іуда путешествуютъ вмѣстѣ; на постояломъ дворѣ они нашли только одного гуся... „Мнѣ снилось, — говоритъ Петръ, — что я сидѣлъ рядомъ съ Сыномъ Вожиимъ“. — „Я Сынъ Божій, — говоритъ Іисусъ — и мнѣ снилось, что ты сидѣлъ подлѣ меня; мой сонъ лучше твоего“. — „Мнѣ снилось, что я съѣлъ гуся“, говоритъ Іуда. Птицу ищутъ и не находятъ.

Но нѣтъ никакихъ доказательствъ, что этотъ разсказъ еврейскаго происхожденія, также какъ и тому, что при сочиненіи его имѣлась въ виду какая бы то ни было религіозная цѣль. Въ первый разъ онъ встрѣчается въ *Disciplina Clericalis*, сочиненіи, правда, обращеннаго еврея, Петра-Альфонса (XI—XII в.); тамъ идетъ дѣло о двухъ горожанкахъ и одномъ иѣщанинѣ, отправляющихся на поклоненіе въ Мекку; это значитъ, что Петръ-Альфонсъ почерпнулъ эту исторію, какъ и многія другія изъ допущенныхъ имъ въ свою компиляцію, въ арабскомъ источникѣ; арабскія же сказки почти всѣ пришли изъ Индіи черезъ

Персію, и вышеприведенная должна быть изъ ихъ числа. Самая красивая форма ея—та, которую она приняла въ *Gesta Romanorum*; та же, которая, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ передаетъ ея духъ, находится въ *Essatòmmiti* Джиральди Чинтіо (XVI в.), гдѣ выводятся на сцену философъ, астрологъ и солдатъ. Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ, въ 1527 г., послѣ опустошенія города войсками конетабля Бурбонскаго; въ ту пору кусокъ хлѣба стоилъ дорого. Нѣтъ ничего прекраснѣе сновидѣній обоихъ мыслителей: философъ видѣлъ во снѣ процессъ всего созданія, физическаго и метафизическаго; астрономъ былъ перенесенъ въ небо—эмпирей, онъ присутствовалъ при вращаніи сферъ, составляющихъ небеса, и слышалъ ихъ божественную музыку. Въ это время солдатъ съѣлъ хлѣбъ, найденный наканунѣ, и рассказываетъ, что, увидѣвъ во снѣ сраженіе, онъ наносилъ сильные удары направо и налево, усталъ и ощутилъ неодолимую потребность подкрѣпитъ. Ничто не выставляетъ такъ рельефно оппозиціи простого, практическаго здраваго смысла тѣмъ химернымъ представленіямъ, безъ которыхъ однако жизнь для великаго множества душъ была бы лишена прелести и даже смысла, но которыя могутъ процвѣтать только тогда, когда они защищены благоустройствомъ и безопасностью всего общества отъ грубыхъ проявленій дѣйствительности.

Мы однако отошли очень далеко отъ нашей притчи. Возвратимся къ ней, чтобы насладиться въ драмѣ Лессинга прекраснѣйшимъ моральнымъ выводомъ. Натанъ такъ оканчиваетъ свой разговоръ, передавая слова судь:

«Совѣтъ же мой: пусть остается дѣло
 Такимъ, какъ есть. Пусть каждый братъ,—когда
 Дѣйствительно онъ получилъ свой перстень
 Изъ рукъ отца,—считаетъ перстень свой
 За истинный. Возможно, что родитель
 Такъ поступилъ, чтобъ дольше не терпѣть
 Въ своемъ дому тиранской власти перстня
 Единаго... Не сомнѣваюсь я,
 Что онъ васъ всѣхъ любилъ—и безъ различья:
 Отъ этого и не хотѣлъ двонхъ

Обидѣть онъ для одного... Пускай же
 Вамъ каждому послужить образцомъ
 Его любовь, отъ всякихъ предразсудковъ
 Свободная, неподкупная! Пусть
 Наперерывъ другъ передъ другомъ каждый
 Приносить въ жизнь ту силу, что въ кольцѣ
 Его лежитъ! Пусть этой силѣ въ помощь
 Приходитъ онъ незлобіемъ души,
 И добрыми дѣлами, и сердечной
 Терпимостью, и преданностью полной
 Всевышнему! И ежели перстней
 Спасительная сила въ вашихъ внукахъ
 Блистательно проявится—то я
 Черезъ тысячу тысячелѣтій снова
 Зову сюда васъ всѣхъ тронхъ. Тогда
 Другой судья—меня мудрѣе—будетъ
 Сидѣть на этомъ креслѣ и давать
 Отвѣты вамъ. Ступайте... Вотъ что скромный
 Судья сказалъ.

С л а д и н ѣ .

О, Боже мой!

Н а т а н ѣ .

Султанъ,

Коль ты себя считаешь этимъ мудрымъ,
 Общаннымъ судьей...

С л а д и н ѣ (*порывисто*).

Я? Ничто?

Я—прахъ земной? О, Господи!.....

Такимъ образомъ, старый рассказъ, который сначала есть ничего больше, какъ остроумная увертка, изобрѣтенная угнетенною религіею для возвращенія себѣ права быть оставленною въ покоѣ, преобразуется работою чистыхъ христіанъ въ доказательство истины христіанства; въ Италіи онъ принимаетъ скептическую тенденцію, а Лессингъ дѣлаетъ изъ него самый чудный символъ идей терпимости, взаимнаго уваженія и догматической скромности. Онъ извлекъ изъ этой сказки великолѣпную мораль, которая сохраняетъ до сихъ поръ всю свою цѣнность и которую мы всѣ, каково бы ни было наше воззрѣніе на вещи божественныя и человѣческія, можемъ пытаться примѣнять на дѣлѣ: будемъ стараться посредствомъ нашей искренности, ширины нашего

умственного кругозора, нашего милосердія, нашихъ добродѣтелей, доказывать превосходство нашего религіознаго или философскаго убѣжденія, и не только это мирное и плодотворное соревнованіе принесетъ пользу людямъ, но именно этимъ путемъ мы приобрѣтемъ наиболѣе шансовъ доставлять прозелитовъ этому, дорогому для насъ, убѣжденію.

Гастонъ Пари.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ЕВРЕЙСКО-ГАЛИЦІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ Н. САМУЭЛИ.

(*Nathan Samuëli. Cultur-Bilder aus dem jüdischen Leben in Galizien, Leipzig, 1885*).

Въ знакомую, но все еще глубоко-интересную область переносить насъ лежащая передъ нами книжка разсказовъ г. Самуэли — въ область, изукрашенную поэтическими вдохновеніями Комперта, Бернштейна, Герцберга-Френкеля и Францога. Эта область—внутренній бытъ галиційскихъ евреевъ, столь родственнѣй быту русско-еврейской массы. Кажется, такъ просто этотъ бытъ, такъ прозаична эта сфера обыденной жизни; а между тѣмъ названные бытописатели счумѣли окружить эту сферу какимъ-то чуднымъ поэтическимъ покровомъ (несколько не иѣшающимъ, однако, разглядывать предметы въ ихъ естественномъ свѣтѣ), счумѣли картинамъ повседневной жизни придать какую-то обаятельную силу, дѣйствіе которой, вѣроятно, испытали всѣ, знакомые съ произведеніями этихъ бытописателей. Въ чемъ тайна этого обаянія? Намъ кажется, что тайна эта кроется въ томъ рѣзкомъ сопоставленіи новаго и стараго, отжившаго строя жизни, которое составляетъ характеристическую черту всѣхъ недобныхъ произведеній; въ изображеніи быта, хотя и ненормальнаго, но все-таки окруженнаго ореоломъ сѣдой старины и еще сохранившаго, на ряду съ негодными, нежелательными началами, такіе идеальные элементы, которые уже совершенно утрачены новымъ, цивилизованнымъ строемъ жизни.

По стопамъ упомянутыхъ бытописателей идетъ, очевидно, и г. Самуэли, молодой повѣствователь, выступившій на литературное поприще всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вліяніе Комперта и Францога явно отразилось на его произведеніяхъ—и вліяніе перваго гораздо сильнѣе, не-

жели второго. Дѣйствительно, г. Самуэли не выбираетъ сюжетами своихъ разсказовъ сложныхъ трагическихъ моментовъ, столь сильно потрясающихъ насъ въ большей части произведеній Францова; онъ предпочитаетъ имъ тихія, то юмористическія, то идиллическія картины, которыя такъ очаровательно умѣетъ рисовать Компертъ. Юмористическій элементъ рѣшительно преобладаетъ въ произведеніяхъ г. Самуэли; но это не злой юморъ Гейне, не «смѣхъ сквозь слезы» Гоголя: это — добрый, здоровый и совершенно невинный юморъ, обращенный не столько на идеи, сколько на вѣншію ихъ обстановку, на вѣншіе обычаи и привычки, сохранившіеся съ добраго стараго времени и производящіе такое же, не то грустное, не то смѣшное впечатлѣніе, какое производитъ полуразвалившаяся, покривившаяся на бокъ, ветхая постройка рядомъ съ стройнымъ и роскошнымъ зданіемъ блестящимъ новизною и красотою.

Но если г. Самуэли — ученикъ и подражатель по тенденціи своихъ произведеній, то онъ все-таки нѣсколько оригиналенъ по выбранной имъ формѣ. Эту форму можно назвать *эпизодической*. Авторъ выбираетъ какое нибудь типическое лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ какой нибудь характерный эпизодъ изъ жизни этого лица; этотъ эпизодъ и есть предметъ разсказа, между тѣмъ какъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица рисуется лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія разсказываемаго эпизода. Объемъ разсказовъ г. Самуэли не превышаетъ 10 — 15 страничекъ; это скорѣе — коротенькіе эскизы, нежели «разказы» въ собственномъ смыслѣ слова, — эскизы, вращающіеся около одного лица и одного эпизода изъ жизни этого лица. Здѣсь, разумѣется, вся суть въ выборѣ сюжета, т. е. въ выборѣ типическаго лица и характернаго момента. Наблюдательности и повѣствовательнаго таланта у г. Самуэли, безспорно, слишкомъ достаточно, — и намъ остается только разсмотрѣть, насколько онъ употребилъ и то, и другое для выбора характерныхъ сюжетовъ и для вѣрнаго изображенія наблюдаемаго имъ быта.

Въ этомъ отношеніи едва ли можно признать удовлетворительнымъ первый изъ помѣщенныхъ въ сборникъ разсказовъ, озаглавленный «Консенсъ» («консенсъ» означаетъ въ Галиціи приблизительно то же, что у насъ «сепиха», т. е. дипломъ, выдаваемый нѣсколькими раввинами на ученую степень талмудиста и раввина). Содержаніе этого разсказа въ общемъ слѣдующее: Небогатая вдова-еврейка, Ителе, видитъ весь идеалъ своей жизни въ томъ, что единственный ея сыновъ, Ханмель, когда нибудь получитъ «консенсъ» и займетъ мѣсто раввина, подобно двоюрод-

ному ея брату, рабби Ицкиелю, чортковскому раввину, выше и счастливѣе котораго она не могла себѣ представить никого. Съ этой надеждой посылаетъ она своего сына въ хедеръ, и хотя материнское сердце ея болитъ, глядя, какъ мальчикъ со дня на день худѣетъ и слабѣетъ физически, но она утѣшается его умственными успѣхами и перспективою «блестящаго» будущаго. Вѣроятно, мальчикъ совершенно зачахъ-бы въ хедерной атмосферѣ, еслибъ въ дѣло не вмѣшался его дядя, Абрамъ Вейсманъ, человекъ хотя строго ортодоксальный, но вѣстѣ съ тѣмъ и здравомыслящій. Съ согласія бѣдной Ителе, онъ принимается руководить воспитаніемъ мальчика: не посылая его больше въ хедеръ, онъ приглашаетъ меламда на домъ, съ тѣмъ чтобы тотъ ежедневно два часа занимался съ Хаимомъ талмудомъ; остальное же время онъ даетъ его обучать еще «кое-чему». Это послѣднее обстоятельство весьма тщательно скрывается отъ набожной Ителе, которая хотя уже въ это время успѣла усомниться въ спасительности «консенса» (изъ притѣра ея кузена, р. Ицкиеля, очутившагося въ недавнее время въ самое бѣдственное положеніе), но тѣмъ не менѣе не примирилась бы съ мыслью объ изученіи ея сыномъ не-еврейскихъ предметовъ. Дядя между тѣмъ уже настолько подготовилъ Хаима въ наукахъ, что тотъ могъ уже поступить въ высшее учебное заведеніе; вотъ онъ его и везетъ въ Львовъ, гдѣ молодой человекъ поступаетъ на юридическій факультетъ. Матери Хаима благоразумный дядя между тѣмъ внушаетъ, что ея сынъ все болѣе совершенствуется въ «торѣ» и что цѣль его пребыванія во Львовѣ заключается въ обученіи у вышшаго «меламда», какового въ провинціи не сыскать. Ителе всему этому вѣрять, и вѣра ея не нарушается даже ежегодными канникулярными пріѣздами ея Хаима, на котораго она налюбоваться не можетъ. Наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ, молодой человекъ пріѣзжаетъ домой и показываетъ матери большой пергаментный «консенсъ», выданный ему, однако, не раввинами, а профессорскимъ совѣтомъ львовскаго университета на званіе доктора правъ. Вслѣдъ за этимъ, онъ предлагаетъ руку и сердце своей кузинѣ, Голделе, дочери своего дяди-благодѣтеля, которая росла вѣстѣ съ нимъ и уже давно его любила. Мать Хаима всему этому чрезвычайно рада и совсѣмъ удовлетворяется, когда дядя Абрамъ ей объясняетъ, что слово «докторъ» есть буквальный переводъ слова «рабби», и что ея завѣтныя желанія, слѣдовательно, сбылись.—Едва-ли есть надобность объяснить, что вся постройка этого разсказа крайне искусственна и лишена жизненной правды. Это—не болѣе, какъ идиллія. Въ дѣйстви-

тельной жизни невозможно, чтобы мать, набожная еврейка, видящая все свое счастье въ томъ, чтобы ея сынъ сдѣлался талмудистомъ, легко помирилась съ мыслью, что этотъ сынъ сталъ докторомъ правъ; а это ужъ совсѣмъ немисливо, чтобы она въ теченіе многихъ лѣтъ *не замѣчала*, что сынъ ея готовится совсѣмъ къ иному призванію, чѣмъ то, которое она ему предназначила. Въ жизни подобныя метаморфозы совершаются далеко не такъ благополучно: онѣ сопровождаются нравственными страданіями, столкновеніями, борьбой... И если ужъ искать драматизма или поэзіи, такъ именно въ этой борьбѣ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, К. Э. Французъ, но отнюдь не въ идилліи, устранивающей фактъ борьбы и находящейся въ противорѣчій съ дѣйствительностью.

На такомъ же основаніи нельзя признать вполне удачными и тѣ въѣ рассказы г. Самуэли, въ которыхъ дѣйствующія лица хотя и встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, но лишь какъ исключительныя личности, или же когда рассказываемый эпизодъ слишкомъ исключительный и необыкновенный. Таковы, напримѣръ, маленькіе эскизы: «Мейэрль Хевремахеръ», «Странный идеалъ», «Приданное», «Сендикъ» и нѣкоторые другіе. Въ первомъ изъ этихъ эскизовъ на сцену выводится одинъ чужакъ, Мейэрль, имѣющій необыкновенную страсть учреждать разные союзы и общества съ разными цѣлями, но не ради достиженія этихъ цѣлей, а просто искусства ради, или для удовлетворенія потребности въ постоянномъ возбужденіи и суетливости. Эскизъ, въ которомъ нѣтъ почти никакой фабулы, кончается тѣмъ, что Мейэрль, потерпѣвъ неудачу по части устройства разныхъ союзовъ, удалился въ Вѣну и только тамъ успѣлъ устроить хорошій союзъ... съ одной молодой дѣвушкой, на которой онъ попросту женился и которая сдѣлала его въ нѣсколько лѣтъ отцомъ довольно многочисленной семьи. Авторъ, можетъ быть, полагалъ въ этой «развязкѣ» всю соль рассказа, но мы увѣрены, что читатель все-таки останется, по прочтеніи этого эскиза, «не солоно похлебавши» и будетъ недоумѣвать, что именно, какой типъ, какой жизненный фактъ хотѣлъ выставить авторъ; ибо нельзя вѣдь считать жизненнымъ фактомъ или типомъ манію «устройства союзовъ» и чужака, одержимаго этою странною маніею.

Другой изъ упомянутыхъ эскизовъ: «Странный идеалъ» заставитъ васъ, можетъ быть, много смѣяться, но едва-ли дастъ вамъ что нибудь поучительное. Тутъ опять на сцену выступаетъ чужакъ, р. Аврешеле, который, узнавъ какъ-то отъ синагогальнаго служки о томъ, что всякій человекъ,

умирающій въ мѣсяцъ Нисанъ, освобождается отъ посмертныхъ могильныхъ мукъ (хлебдъ-гакеверъ — въ народѣ существуетъ такое повѣріе), проникся вдругъ страстнымъ желаніемъ умереть именно въ этотъ мѣсяцъ, вслѣдствіе чего онъ ежегодно въ теченіе Нисана воображалъ, или дѣйствительно чувствовалъ себя больнымъ и близкимъ къ смерти. Однажды, онъ таки серьезно заболѣлъ какъ разъ въ завѣтный мѣсяцъ, доктора уже отчаялись въ его выздоровленіи, но именно радостное сознаніе, что идеаль его жизни будетъ такимъ образомъ достигнуто, поставило его, къ удивленію всѣхъ, на ноги — и онъ выздоровѣлъ. Однако, послѣднее обстоятельство его такъ огорчило, что онъ опять слегъ и вскорѣ умеръ, но это уже было не въ Нисанъ, а нѣсколько позже. Характеровъ, типовъ, интересныхъ эпизодовъ, въ этомъ разсказѣ ужъ, очевидно, никакихъ нѣтъ. Если же авторъ хотѣлъ представить фактъ *психическій*, то едва-ли онъ достигъ своей цѣли, выбравъ такое исключительное, специальное и вдобавокъ мало характерное явленіе.

Талантъ г. Самуэля только тогда проявляется въ полной силѣ, когда авторъ, не мудрствуя лукаво, рисуетъ простую, обыденную жизнь, обыкновенные типы и эпизоды, и, рисуешь ихъ съ нѣсколько юмористическимъ оттѣнкомъ. И тѣмъ больше удивляешься здѣсь таланту автора, что ему обыкновенно удается въ коротенькомъ, бѣгломъ наброскѣ схватить всѣ важнѣйшія черты изображаемаго имъ типа и приковывать къ нему вниманіе читателя, не смотря на полное отсутствіе или безъинтересность фабулы. Вотъ, на примѣръ, маленькій разсказъ: «Два посланника любви» (*Die beiden Liebesboten*). Проницательный читатель, вѣроятно, заранѣе угадаетъ, кого авторъ окрестилъ этимъ именемъ. И дѣйствительно, кто же другой въ еврейскомъ муравейникѣ имѣетъ право на это поэтическое названіе, какъ не милѣйшіе «шадхонимъ» (сваты), безъ помощи которыхъ бѣдному богу любви, какъ нѣкогда богинѣ Астрей, пришлось бы, пожалуй, совсѣмъ покинуть грѣшную землю? Въ одномъ галиційскомъ городкѣ, на службѣ у бога любви состояло два такихъ курьера: Ареле Пареръ и Хаимель Аберъ, которые всегда дѣйствовали сообща, точь въ точь Бобчинскій и Добчинскій въ «Ревизорѣ», причѣмъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ всегда Ареле; Хаимель же только помогалъ ему, или, точнѣе, сопровождалъ его во время сватовскихъ переговоровъ. Характеръ этой взаимной дѣятельности двухъ «шадхонимъ» изображенъ съ неподражаемымъ юморомъ. Являются они, положимъ, къ отцу жениха съ предложеніемъ такой-то дѣвицы, дочери такого-то. Ареле, какъ натура активная,

начинает живо сочинять описание всѣхъ чудныхъ качествъ невѣсты, исчисляеть количество приданого и т. п.; а Хаимель ему только поддакиваетъ. Скажетъ, наприимѣръ, Ареле, что приданое невѣсты составляетъ цѣлое богатство, а тутъ Хаимель ему аккомпанируетъ восклицаніемъ: «Да еще какое богатство!» Вотъ являются они оба, однажды, къ рабби Израилю, отцу «дочери-невѣсты», т. е. стоящей на очереди сдѣлаться невѣстою. Дѣвица эта была крайне некрасивая, худая какъ щепка, съ плоской, какъ доска, грудью и вообще очень болѣзненная; женихъ же, котораго имѣли въ виду предложить отцу ея наши сваты, имѣлъ другой физическій недостатокъ: онъ былъ горбатъ. Тутъ-то предстояло нашимъ сватамъ обнаружить все свое дипломатическое искусство: нужно было вести переговоры такъ, чтобы по возможности затушевать, оставить въ тѣни недостатки жениха при переговорахъ съ родителями невѣсты, и недостатки невѣсты при переговорахъ съ родителями жениха. И такъ, являются наши два служителя Амура къ отцу невѣсты р. Израилю и предлагаютъ ему въ женихи для дочери сына р. Сендера Брейткопа изъ города Д. Открываетъ кампанію, конечно, Ареле. Послѣ приличнаго предисловія, онъ называетъ имя жениха и указываетъ на его «знатное» происхожденіе. «Да еще какое знатное!»—вторитъ Ареле его alter-ego, Хаимель. Далѣе идетъ описание всѣхъ физическихъ и нравственныхъ прелестей жениха, прерываемое только аккомпаниментомъ Хаимеля; наконецъ, Ареле опредѣляетъ цифру приданого, которое намѣренъ дать за сыномъ отецъ жениха, и обращаетъ вниманіе р. Израиля, что цифра эта превышаетъ цифру приданого, даваемого за невѣстой. Выслушавъ этотъ дуэтъ до конца, р. Израиль освѣдомляется, не имѣеть-ли женихъ какого нибудь недостатка. Сваты приперты къ стѣнѣ, но сейчасъ же находятъ. Ареле заявляетъ, что женихъ имѣеть не недостатокъ, а преимущество, состоящее въ томъ, что онъ, вслѣдствіе одной физической «особенности», совсѣмъ свободенъ отъ военной службы. «Да еще какъ свободенъ!»—аккомпанируетъ ех officio Хаимель. «Въ чемъ-же эта особенность?»—спрашиваетъ р. Израиль.—«Да у него на спинѣ что-то величиною въ булавочную головку, не больше»,—отвѣчаетъ Ареле.—«Да что же тамъ, наконецъ, такое у него на спинѣ?»—выходитъ изъ терпѣнія, послѣ долгихъ разспросовъ, р. Израиль.—«Чуть-чуть прищипно... у него что-то въ родѣ горбика»—мямлитъ Ареле. «Да еще какой горбикъ!»—вдругъ подхватываетъ машинально Хаимель, совершенно забывъ, какъ неумѣстенъ его обычный аккомпаниментъ въ данномъ случаѣ. Это роковое восклицаніе погубило

все предпріятіе. Р. Израиль понялъ въ чемъ дѣло и, выругавъ изрядно злополучныхъ сватовъ, указалъ имъ на дверь. Но неустрашимый Ареде не былъ изъ тѣхъ людей, которые покидаютъ поле сраженія, не выпустивъ послѣдней стрѣлы—и онъ ее выпустилъ и попалъ весьма мѣтко. «Зачѣмъ же вы сердитесь, ребѣ Израиль?»—мягко проговорилъ онъ, предусмотрительно переложивъ одну ногу черезъ порогъ.—Я-ли не хорошо сочеталъ? Вѣдь то, что вашей дочери недостаетъ, женихъ нѣтъ въ излишнемъ количествѣ: ова слишкомъ тонка, а у него немножечко утолщено... Какъ разъ, значитъ, и выровнится... Вы смѣетесь, читатели; но вы-бы еще болѣе смѣялись, еслибы читали самый рассказъ, исполненный живого юмора. Если вы знакомы съ еврейскимъ бытомъ, вы поймете, сколько въ фигурахъ этихъ двухъ сватовъ типичности и жизненности. Для этого достаточно прочесть уже первую страницу разсказа, гдѣ изображена вѣншность героевъ и нѣкоторые изъ «техническіе» приемы.

Не мало такихъ прекрасныхъ вещей можно найти въ числѣ двадцати разсказовъ, заключающихся въ сборникѣ г. Самуэли. Укажемъ еще на разсказы: «Антисемитъ», «Точка надъ і» и «Только не по жидовски». Содержаніе «Антисемита» слѣдующее. Въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ появляется новый уѣздный начальникъ. Фактъ этотъ создаетъ новую, весьма печальную эру въ жизни мѣстныхъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что новый начальникъ сталъ строго наблюдать за санитарнымъ состояніемъ города и преслѣдовалъ «хедеы» и «меламдовъ». Евреи переполошились, составили «асифе» (собраніе представителей общины), установили постъ,—но ничто не помогло: «антисемитъ»—такъ прозвали они уѣзднаго начальника—не унимался. Однажды, во время молитвы въ синагогѣ, является туда полицейскій чиновникъ и приглашаетъ двухъ представителей общины пожаловать на слѣдующій день на квартиру къ уѣздному начальнику по одному дѣлу. Это совсѣмъ всполошило всю общину. Пошли догадки и предположенія, по какому это дѣлу начальникъ приглашаетъ къ себѣ депутатовъ: одни говорили, что онъ, вѣроятно, хочетъ уничтожить обрядъ обрѣзанія; другіе, что ранніе браки запретить; третьи, что мертвецовъ запретить хоронить раньше трехъ дней и т. п. Пробовали втихомолку сунуться къ женѣ начальника со взяткою, но потерпѣли фіаско (совѣтуемъ прочесть эту уморительную сцену: она неподражаема). Наконецъ, предстали предъ грозныя очи начальника два еврейскіе депутата. И представьте себѣ ихъ удивленіе, когда, вѣсто угрозъ и репрессалій, они услышали изъ устъ «антисемита» просьбу—собраться у него на слѣдующій

день въ числѣ десяти человекъ, такъ какъ этотъ день у него ежегодный «Ярцейтъ» (панихида въ день кончины) по матери, и онъ желалъ бы провезти въ упокой ея души еврейскій «кадишъ». Развязка эта, по по вѣщшему сходству, напоминаетъ конецъ гейневской «Донна Клара»; но дѣло тутъ, конечно, не въ развязкѣ, а въ тѣхъ жизненныхъ картинахъ заходустнаго еврейскаго быта, которыя такъ хорошо изображены авторомъ въ рассматриваемомъ нами наброскѣ.

Содержаніе разсказа «Точка надъ і», какъ и его заглавіе, поразительно сходно съ содержаніемъ поэмы «Киде-шелъ іодъ» Л. О. Гордона и, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ варіацій, даже почти тождественно съ нимъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ изъ печальнѣйшихъ фактовъ еврейской жизни—объ «агунѣ» (женщина, покинутая мужемъ безъ развода); и здѣсь, какъ и въ поэмѣ Гордона, рисуется во всей яркости безсердечіе раввиновъ - буквовѣдовъ, для которыхъ одна запятая «Шуховъ-Оруха» важнѣе цѣлой человѣческой жизни. Не смотря на неоригинальность сюжета, г. Самуэли съумѣлъ, однако, придать своему разсказу необыкновенную живость и картинность. Здѣсь нѣтъ никакихъ сильныхъ эффектовъ, никакого трагическаго лиризма; авторъ только просто и незатѣйливо, съ свойственнымъ ему юмористическимъ оттѣнкомъ, разсказываетъ грустную исторію одной разбитой жизни. Но глубокая искренность слышится изъ за этихъ простыхъ словъ рассказчика, горячее сочувствіе къ судьбѣ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Гораздо больше сатирическаго, нежели трагическаго элемента—въ разсказѣ «Nur nicht jüdisch!» («Только безъ жидовскихъ манеръ!»). Правда, и въ основѣ этого разсказа лежитъ весьма грустный фактъ, но все-таки смѣшное перевѣшиваетъ въ немъ грустное. Фактъ, о которомъ мы говоримъ, это—курьезное обезьянничанье на «европейскій ладъ», раблѣнное преклоненіе передъ вѣвшимъ лоскомъ цивилизаціи и слѣпое предубѣжденіе противъ всего патріархально-еврейскаго,—явленіе, замѣчаемое сплошь и рядомъ въ полубразованномъ, преимущественно плутократическомъ слоѣ еврейства. Ольга, дочь богача Генриха Брукмана (бывшаго кельнера Гершки) и жены его «мадамъ Жанетъ» (попросту Эстеръ-Итэ), получивъ «современное» воспитаніе въ одномъ христіанскомъ пансіонѣ, всецѣло прониклась «духомъ цивилизаціи». Положительная сторона этой цивилизаціи состояла въ томъ, что Ольга одѣвалась совершенно по модѣ, играла на фортепіано и знала нѣсколько французскихъ выраженій; отрицательная же—въ короткомъ де-

внѣ: «Только безъ жидовскихъ манеръ!» Въ этотъ духъ муштровала она своихъ «неотесанныхъ» родителей, у которыхъ вѣтъ-нѣтъ да и прервется иногда, по старой привычкѣ, какаянибудь «жидовская манера»: еврейское выраженіе или еврейскій пріемъ въ обращеніи. Такъ какъ дѣвкѣ было въ пору замужъ идти, то вся семья находилась въ ожиданіи жениховъ; но не такъ-то легко было угодить на цивилизованный вкусъ Ольги. Многіе женихи готовы были предложить ей руку и сердце; но Ольга нещадно браковала ихъ: у одного находила она еврейскій носъ, въ другомъ шокировало ее «еврейское» ния, въ третьемъ ей не нравилась «неблаговоспитанность», состоявшая въ томъ, что онъ не умѣетъ «прикладываться къ ручкѣ» хозяйки дома при прощаніи, и т. п. Но вотъ, наконецъ, нашелся по ея вкусу женихъ, молодой человекъ Альфонсъ Эпштейнъ, сынъ крупнаго коммерсанта изъ Берлина. У этого были и манеры современные, и блестящій лоскъ, и, главное, совсѣмъ не подходилъ онъ на еврея. Влюбилась въ него дѣвка до безумія; ждали со дня на день, что онъ ей сдѣлаетъ предложеніе. Насталъ, наконецъ, желанный вечеръ, когда Эпштейнъ долженъ былъ явиться къ родителямъ Ольги съ формальнымъ визитомъ, отъ котораго ждали весьма многого. Устроили балъ, на который пригласили «только христіанъ», и такъ какъ дѣло было на Рождествѣ, то Ольга распорядилась устроить великолѣпную елку, будучи увѣрена, что такая архи-цивилизованность совершенно обворожитъ ея будущаго жениха. Эпштейнъ явился, очаровалъ всѣхъ своими свѣтскими манерами и больше всего, конечно, Ольгу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ свою очередь, не переставалъ наблюдать за «манерами» послѣдней—и наблюденіе его не осталось безплоднымъ: онъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Когда всѣ гости вошли въ столовую, гдѣ весело пылала елка, и готовились уже сѣсть за столъ, Эпштейнъ, къ удивленію всѣхъ и къ величайшему огорченію Ольги, сталъ вдругъ прощаться, подъ предлогомъ, что онъ сейчасъ только вспомнилъ объ одномъ безотлагательномъ дѣлѣ, которое ему нужно сейчасъ же кончить. Напрасны были всѣ попытки удержать его, не помогли и умоляющіе взоры Ольги. Торжественно и важно провозгласилъ онъ, что видъ елки съ горящими на ней свѣчками напомнилъ ему о томъ, что въ этотъ вечеръ у евреевъ праздникъ «Ханука» и что надо поторопиться домой зажечь «ханука-лихтель» (восковыя свѣчки, зажигаемыя въ теченіи восьми вечеровъ этого «праздника Маккавеевъ»). Вы легко себѣ представите фязіономію слушателей, и въ особенности Оль-

ги, послѣ этого заявленія. Эпштейнъ же, конечно, уѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы возвратиться.

Мы думаемъ, что сдѣланнаго вами анализа нѣкоторыхъ разсказовъ г. Самуэли достаточно для того, чтобы читатель могъ себѣ составить ясное понятіе о характерѣ и о размѣрѣ таланта этого бытописателя *. Мы указали на лучшія произведенія г. Самуэли, указали также на тѣ, которыя, по нашему мнѣнію, выше мотивированному, нельзя признать вполне удачными. Но, во всякомъ случаѣ, количество первыхъ далеко перевѣшиваетъ количество послѣднихъ,—и это даетъ намъ право надѣяться, что, продолжая идти по избранному имъ пути, молодой бытописатель обогатитъ еврейскую беллетристику произведеніями, которыя можно будетъ поставить въ ряду лучшихъ твореній Комперто-Францозовской школы.

Въ заключеніе, не можемъ не обратить вниманія на печальный фактъ полного почти отсутствія, въ нашей русско-еврейской беллетристикѣ, бытовыхъ разсказовъ и эскизовъ такого типа, какой мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ галицко-еврейскихъ бытописателей. Есть у насъ нѣсколько почтенныхъ романистовъ, есть и большіе романы, написанные на самыя современные темы; но нѣтъ у насъ такихъ *безътенденціозныхъ*, чисто-бытовыхъ новеллъ и набросковъ, которые такъ восхищаютъ насъ въ произведеніяхъ Комперта, Верштейна и Францога. А между тѣмъ развѣ русско-еврейская жизнь бѣднѣе характерными бытовыми картинами, нежели жизнь галиційско-еврейская? Кажется, наоборотъ. Внутренній еврейскій бытъ, бытъ обыденный, мелочный, повседневный, совсѣмъ еще не разработанъ въ нашей литературѣ. Съ самаго своего возникновенія, еврейскій романъ сталъ тенденціозенъ, ибо возникъ онъ въ переходное время, въ 60-хъ годахъ, во время, полное борьбы идей. Эта борьба и стала съ тѣхъ поръ основнымъ мотивомъ русско-еврейской беллетристики, получившей отъ этого слишкомъ однообразный тонъ... Пора уже, наконецъ, взяться за разработку этого непочатаго угла—за *изображеніе чисто-внутренняго еврейскаго быта*, представляющаго неисчерпаемый матеріалъ для беллетриста,—за изображеніе простое, безъ-тенденціозное, безъ всякихъ романтическихъ затѣй. Это внесло бы свѣжую струю въ нашу бѣдную литературу...

---

* Впослѣдствіи мы дадимъ читателямъ въ переводѣ нѣсколько изъ лучшихъ эскизовъ Самуэли.

II.

ЕЖЕГОДНИКЪ г. СОКОЛОВА.

«*Гаасифъ*» (сборникъ): Еврейскій историко-литературный и промышленный сборникъ, издаваемый *Н. Соколовымъ*. Годы первый и второй. Два тома. Варшава, 1884—1885.

Передъ нами лежатъ два большихъ объемистыхъ тома ежегоднаго литературнаго «Сборника» на древнееврейскомъ языкѣ, издаваемаго, начиная съ прошлаго года, довольно извѣстнымъ еврейскимъ публицистомъ г. Соколовымъ. Самую идею предпріятія г. Соколова нельзя не признать вполне своевременной и полезной. Новоеврейская литература въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ совсѣмъ оскудѣла, и оскудѣніе это всего замѣтнѣе стало въ серьезной періодической литературѣ. Журналъ покойнаго П. М. Смоленскаго «Гашахаръ» въ послѣдніе годы, вслѣдствіе обстоятельствъ завистѣвшихъ и независѣвшихъ отъ его редакціи, влечилъ жалкое существованіе, а нынѣ, послѣ смерти своего талантливаго редактора, вѣроятно совсѣмъ прекратится. Послѣ этого журнала у насъ не остается ни одного серьезнаго періодическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ (не считая возобновленнаго недавно изданія худосочныхъ книжечекъ «Габокеръ-ора» г. Готлобера, издающаго этотъ журналецъ, кажется, скорѣе про domo sua, нежели съ серьезною литературною цѣлью). Есть у насъ двѣ газеты «Гамелицъ» и «Гацефара», но ни въ той, ни въ другой мы не встрѣчаемъ крупныхъ литературныхъ и научныхъ трудовъ: обѣ онѣ исполняютъ только олежность «вѣдомостей». А между тѣмъ кто знаетъ, какой огромный контингентъ читателей нуждается въ хорошемъ *журналь* на древнееврейскомъ языкѣ, какъ въ единственной доступной имъ по языку духовной пищѣ, тотъ пойметъ какъ важно и необходимо было восполненіе этого пробѣла. Многимъ еще, очень многимъ недоступны русско-еврейскія изданія; они недоступны какъ большей части стараго поколѣнія, незнакомаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ, такъ и тѣмъ юношамъ, которые, кромѣ хедернаго или синагогальнаго, никакого другаго воспитанія не получили. А между тѣмъ именно въ этомъ классѣ евреевъ духовная пылкость и любознательность сильнѣе всего развиты, и хорошая книга можетъ быть для нихъ истинной воспитательницей.

Не знаемъ, насколько руководился г. Соколовъ этою именно просвѣтительною цѣлью, когда онъ взялся за изданіе своего «Сборника»; но

судя по вышедшимъ двумъ томамъ, нельзя не признать, что если не вполне, то въ значительной степени изданіе его сообразуется съ этою цѣлью. Со- держаніе этихъ двухъ томовъ крайне — можетъ быть, даже слишкомъ — разнообразно: тутъ есть и публицистика, и исторія, и эзегетика, и бел- летристика, и практическія и промышленныя свѣдѣнія, — словомъ: чего хо- чешь, того просишь. Но въ этомъ пестромъ разнообразіи все-таки замѣтно довольно опредѣленное направленіе, замѣтны также любовь къ дѣлу и желаніе быть полезнымъ. Въ наше хаотическое, полное противорѣчій и шаткихъ убѣжденій] время, одно такое обстоятельство уже приходится вмѣнять въ заслугу. Направленіе «Сборника» всего болѣе, конечно, про- является въ публицистическомъ отдѣлѣ. И если можно отказать этому на- правленію въ новизнѣ и оригинальности, то нельзя, кажется, отказать ему въ твердости и устойчивости. Существенный характеръ этого направ- ленія весьма простъ: середина между крайностями. «Нами руководитъ— говоритъ г. Соколовъ въ предисловіи къ первому тому «Сборника» — одинъ общій духъ: любовь къ знанію, стремленіе къ прогрессу, но лишь къ такому прогрессу, который бы не истребилъ вѣковѣчнаго дерева, подъ сѣнью коего мы живемъ вотъ уже два тысячелѣтія» (стр. 2). Въ двухъ большихъ руководящихъ статьяхъ, принадлежащихъ перу редактора «Сбор- ника», направленіе этого изданія выясняется весьма обстоятельно. Въ пер- вой изъ этихъ статей, озаглавленной: „Да будетъ свѣтъ!“^а, авторъ во- оружается важнѣйшими „истинами социологін и политической экономіи“ (не слишкомъ-ли уже это тяжелое вооруженіе?) для выясненія современ- наго социальнаго положенія еврейства. Весьма трезво поучаетъ онъ своихъ читателей элементарной истинѣ, что всякая экономическая организація предполагаетъ три дѣятеля: производительный трудъ, торговое посредни- чество и охранительно-административный трудъ; что лишь тогда норма- лень экономическій бытъ, когда взаимное отношеніе этихъ трехъ факто- ровъ строго-пропорціонально; что въ экономическомъ бытѣ евреевъ мы не видимъ этой пропорціональности, такъ какъ элементъ посредничества перевѣшиваетъ всѣ другіе; что, наконецъ, одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствующихъ этой аномаліи, является несоотвѣтствіе между умственными и физическими силами въ еврействѣ, т. е. превосход- ство интеллекта надъ физической организаціей, слабость плоти и крѣпость духа, етс. (2-й отдѣлъ 1-го тома, стр. 83—84). Измѣнить это положе- ніе могло бы, по мнѣнію автора, въ значительной степени преобразование порядка воспитанія, равно какъ улучшеніе общиннаго порядка (стр. 85).

Авторъ также стоитъ за идею колонизаціи въ Палестинѣ, но только за колонизацію осмотрительную, организованную и при томъ руководящую не химерными стремленіями, а простыми практическими соображеніями (стр. 84); во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ колонизацію однимъ изъ средствъ облегченія положенія евреевъ, но далеко не единственнымъ и даже не главнымъ средствомъ (т. II, стр. 25). Въ руководящей статьѣ втораго тома, посвященной «Выясненію и устраненію противорѣчій», авторъ держится нѣсколько полемическаго тона. Онъ находитъ, что всѣ эти пароли, обращающіеся въ современной еврейской публицистикѣ: цивилизація, ассимиляція, эмиграція, національность, космополитизмъ etc., что все это—только пустые звуки, фразы, изъ которыхъ, вслѣдствіе безпрестаннаго употребленія, выдохся всякій смыслъ и которыя можно толковать и такъ, и эдакъ, и никакъ. Онъ показываетъ пригѣрами, что если толковать какой либо изъ этихъ паролей въ одномъ смыслѣ, то онъ встрѣтитъ сопротивленіе большинства; если же дать ему другое опредѣленіе, то даже прежніе противники вынуждены будутъ признать его истинность. Вообще, онъ совѣтуетъ отрѣшиться отъ всякихъ кличекъ, и отрѣшиться вмѣстѣ съ тѣмъ отъ взаимной розни и единодушно взяться за дѣло улучшенія еврейскаго быта въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ дѣло отъ насъ зависитъ и гдѣ оно оказывается практически выполнимымъ. Послѣдній совѣтъ автора мы признаемъ безспорно трезвымъ и благоразумнымъ, но огульное осужденіе имъ всѣхъ партійныхъ девизовъ, какъ безсодержательныхъ «фразъ» и пустыхъ кличекъ, мы находимъ голословнымъ. Подъ каждымъ изъ упомянутыхъ терминовъ скрывается болѣе или менѣе сложная идея. Серьезные умы, держась какой либо изъ этихъ идей, имѣютъ ясное понятіе и о терминѣ, ее обозначающемъ, и, объясняя послѣдній другимъ, даютъ ему также точное, соответствующее идеѣ опредѣленіе. Если же легкіе умы принимаютъ терминъ, не ясно понимая выражаемую имъ идею, то въ этомъ вина не терминовъ, а легкихъ умовъ. Дѣйствительно, слишкомъ частое употребленіе упомянутыхъ сложныхъ терминовъ необыкновенно растянуло ихъ смыслъ, сдѣлало ихъ, можетъ быть, двусмысленными; но это только налагаетъ обязанность на каждого честнаго публициста — давать подобнымъ терминамъ точное и ясное опредѣленіе для каждого даннаго случая. Какъ большая часть сложныхъ дефиницій, такое опредѣленіе будетъ условно, т. е. будетъ имѣть силу только для даннаго случая, но уже въ этихъ границахъ оно будетъ безусловно вѣрно, и данные термины могутъ служить яснымъ выраженіемъ известной системы идей. Если бы г.

Соколовъ выразилъ желаніе, чтобы вообще наши борющіеся партіи относились серьезно и честно къ дѣлу, чтобы каждая сторона не употребляла девизовъ и терминовъ, *не сознавая ихъ смысла*, а просто изъ моды, для того, чтобы числиться чѣмъ нибудь,—то въ такомъ желаніи мы бы могли искренне присоединиться къ нему. Сознательность и искренность вездѣ нужны, и даже противники нашего направленія имѣютъ право на наше серьезное вниманіе, если въ нихъ есть эти два качества. Этихъ-то качествъ и нужно вездѣ требовать, развитію ихъ въ массѣ нужно всегда содѣйствовать.

Въ публицистическомъ отдѣлѣ разбираемаго «Сборника» намъ пріятно еще отмѣтить нѣсколько подробныхъ и весьма дѣльныхъ корреспонденцій изъ Палестины, рисующихъ положеніе тамошнихъ колоній, общинный бытъ живущихъ тамъ евреевъ и взаимныя отношенія различныхъ фракцій ихъ. Особенный интересъ имѣютъ въ этомъ отношеніи обстоятельныя статьи іерусалимскаго жителя Я. Гольдмана (т. I, стр. 121—154, во второмъ отдѣлѣ, и т. II, стр. 193—213).

Нѣсколько крупныхъ вещей находимъ мы и въ научномъ отдѣлѣ. Таковы—статья *С. I. Фина* о характерѣ агады (т. I, отд. II, стр. 94—105), изслѣдованіе г. *Атласа* о торговлѣ древнихъ іудеевъ (тамъ же, 24—37), изслѣдованіе г. *Шацкеса* о книгѣ Юва (т. II, стр. 241—261) и монографія извѣстнаго историческаго критика *А. Г. Вейса* о жизни и трудахъ гаона Саадія (т. II, 275—298). Суть статьи г. Фина заключается въ классификаціи агадическаго матеріала. *По содержанію*, авторъ дѣлитъ агаду на три части, а именно на: 1) *богословскую* часть, заключающую въ себѣ ученіе о существѣ Бога и ангеловъ, о душѣ человека, о значеніи религіознаго закона etc; 2) *моральную* часть, гдѣ проповѣдуются о страхѣ Божиимъ, о добрыхъ нравахъ и т. п., и наконецъ 3) *историческую* часть, гдѣ рассказываются событія изъ еврейской исторіи или повѣствуются о жизни великихъ историческихъ дѣятелей. *По методу* же, авторъ принимаетъ обыкновенное дѣленіе агадическихъ методовъ на два разряда: 1) методъ толкованія св. Писанія и 2) методъ аллегоріи. Руководствуясь этою классификаціею, авторъ находитъ въ агадѣ немало глубокофилософскихъ истинъ, нѣсколько образчиковъ которыхъ онъ представляетъ (напр., на стр. 97), и даже находитъ возможнымъ по методу аллегоріи объяснить тѣ изъ рассказовъ агады, которые до сихъ поръ считались лишенными всякаго здраваго смысла. Попытку объясненія извѣстной части агады по этому послѣднему методу предпринялъ давно уже,

лѣтъ 15 тому назадъ, извѣстный писатель г. Шацкесъ въ своей книгѣ «Гамафтеахъ», прославившейся тѣмъ, что она прослыла еретическою въ лагерѣ фанатиковъ-ортодоксовъ и не разъ подвергалась всесоженію. Теперь г. Шацкесъ фигурируетъ въ разбираемомъ нами сборникѣ въ качествѣ автора довольно обстоятельнаго изслѣдованія о книгѣ Іова. Приступивъ къ чтенію этой статьи, мы думали въ ней найти какія нибудь новыя разъясненія или научныя гипотезы касательно затрудняющаго всѣхъ изслѣдователей вопроса объ авторѣ книги Іова, о времени ея составленія и о подлинности событій, рассказываемыхъ въ этой великой и загадочной книгѣ. Ничего подобнаго, однако, мы не нашли въ статьѣ г. Шацкеса. Въ лабиринтѣ рѣшеній, предлагаемыхъ на упомянутый вопросъ, авторъ самъ не можетъ ориентироваться. Съ одной стороны, нѣкоторые агадисты говорятъ, что вся исторія Іова есть вымыселъ и аллегорія; другіе же талмудисты подтверждаютъ подлинность этой исторіи и даже приписываютъ составленіе книги Іова самому Моисею. Авторъ склоняется къ послѣднему мнѣнію, хотя ничѣмъ не подтверждаетъ его. Суть же его статьи состоитъ, повидимому, въ анализѣ содержанія книги Іова, въ сопоставленіи развиваемыхъ въ ней религіозно-философскихъ ученій съ духомъ мозаизма и пророковъ. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что и анализъ этотъ лишенъ всякой послѣдовательности, всякой системы. Авторъ то и дѣло перескакиваетъ отъ Іова къ Моисею, отъ послѣдняго къ Маймониду, а затѣмъ къ различнымъ библейскимъ комментаторамъ Ибнъ Эзрѣ, Нахманиду—и все это безъ всякой надобности. Беретъ онъ, напримѣръ, вопросъ объ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ Богомъ, или о страданіяхъ праведниковъ и окутываетъ его разными цитатами изъ всевозможныхъ авторитетовъ, связывая все это путемъ казуистики и бесплоднаго «виллула». Но какое же все это имѣетъ отношеніе къ выясненію содержанія книги Іова? Неужели авторъ придаетъ какое либо значеніе методу средневѣковаго комментирования, состоявшему въ томъ, что по поводу той или другой части библіи развивались ученія и системы, ничего общаго съ комментируемымъ отдѣломъ не имѣющія? Какъ самостоятельныя ученія, нѣкоторые изъ этихъ quasi-комментаріевъ, можетъ быть, и имѣютъ значеніе, но какъ комментаріи для выясненія даннаго библейскаго текста они, конечно, ровно никакого значенія не имѣютъ. Такъ зачѣмъ же автору цитировать ихъ, какъ комментаріи, и самому слѣдовать ихъ негодному методу?

Относительно монографіи Вейса о Саадн-гаонѣ намъ остается только сказать, что она написана крайне добросовѣстно и съ большою эрудиціею.

Если она не прибавляет никаких новых исторических фактовъ къ тѣмъ, которые уже изложены Грецомъ, то въ ней можно найти немало интересныхъ и новыхъ библиографическихъ указаній. Побольше бы такихъ монографій! Желательно только, чтобы наряду съ подобными строго-научными монографіями печатались также *популярныя* монографіи о болѣе выдающихся моментахъ еврейской исторіи, столь мало знакомой большей части той публики, которая обыкновенно читаетъ «Сборникъ» г. Соколова.

Кромѣ вышеупомянутыхъ крупныхъ статей, мы находимъ въ двухъ томахъ «Сборника» множество мелкихъ экзегетическихъ и библиографическихъ замѣтокъ, написанныхъ такими специалистами по этому дѣлу, какъ Я. Рейфманъ, Э. Цвейфель, К. Шульманъ, С. Вуберъ, Д. Кауфманъ и др.

Критическій отдѣлъ въ лежащихъ передъ нами двухъ томахъ — и въ особенности во второмъ — довольно обширенъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь то подробные, то коротенькіе отчеты о наиболѣе выдающихся явленіяхъ еврейской литературы. Главный критикъ въ «Сборникѣ» — г. Э. Атласъ, имени котораго намъ раньше не доводилось встрѣчать въ еврейской литературѣ, но которому нельзя отказать, судя по нѣкоторымъ его статьямъ, въ литературномъ талантѣ и званіи дѣла. Во второмъ томѣ «Сборника» помѣщенъ составленный этимъ критикомъ обширнѣйшій обзоръ крупнѣйшихъ изъ еврейскихъ научно-литературныхъ журналовъ за 1884 г. (т. II, р. 353 — 450). Здѣсь разбираются: «Гашахаръ» Смоленскаго, «Бетъ-Талмудъ», научный журналъ Вейса; затѣмъ книги «Восхода», вышедшія книжки «Еврейскаго Обзорія» и «Monatschrift» Греца. При обзорѣ «Восхода», критикъ удѣляетъ особую статью помѣщенному въ первыхъ книжкахъ нашего журнала за прошлый годъ изслѣдованію д-ра А. Я. Гаркави о раввинскомъ «Синодѣ четырехъ странъ», функционировавшемъ въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкахъ. Критикъ высказываетъ нѣкоторыя гипотезы, имѣющія цѣлью отчасти дополнить, отчасти же «исправить» выводы д-ра Гаркави. Послѣдній, какъ извѣстно читателямъ «Восхода», устанавливаетъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, два положенія: 1) что начало постоянного раввинскаго Синода относится на первой половинѣ XVI вѣка (между 1515 и 1530 годами), и 2) что вначалѣ синодъ этотъ назывался «Синодомъ *трехъ* странъ»; ибо участвовали въ немъ раввинскіе представители Великой Польши, Малой Польши и Червонной Руси; въ 80-хъ же годахъ XVI вѣка, послѣ Люблинской Уніи, къ этому «Синоду» примкнули и Волынь съ Литвою, причежь волынскіе раввины вошли впоследствии въ составъ «Синода», который поэтому сталъ называться «Си-

подомъ *четырехъ* странъ»; Литва же выдѣлилась вскорѣ и основала свой особый Синодъ. Этими двумя тезисамъ критикъ противопоставить другіе два: 1) что начало «Синода» относится къ позднѣйшему времени, а именно ко времени Люблинской Уніи (1569 г.), и 2) что Литва входила съ самаго начала въ составъ трехъ странъ, послыавшихъ своихъ представителей на «Синодъ», т. е. участвовала въ послѣднемъ вмѣстѣ съ Польшей (безъ различія «Великой» и «Малой Польши») и Червонной Русью или Галиціею, вполнѣдствіи же Великая и Малая Польша стали отдѣльными единицами въ Синодѣ, который поэтому и получилъ названіе «Синода четырехъ странъ» (стр. 393—406). Самъ критикъ считаетъ свои тезисы только предположеніями (399 стр.) и основываетъ оныя на нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ «Респонзахъ» р. Менра Люблинскаго и «Рашала», — выраженіяхъ весьма темныхъ и мало доказывающихъ: Считаая неумѣстнымъ пускаться здѣсь въ подробное обсужденіе этого спеціальнаго предмета, мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что если д-ръ Гаркави найдетъ возраженія г. Атласа сколько нибудь основательными и заслуживающими вниманія, то оныя, вѣроятно, не замедлятъ сказать о нихъ свое вѣское слово.

Нѣсколько бѣднѣе по содержанию представляется беллетристическій отдѣлъ. Есть въ немъ нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ повѣстей, но оныя довольно безцвѣтны. Болѣе удовлетворительными слѣдуетъ считать «летучіе рассказы» г. *Д. Фришмана*, напоминающіе эскизы разобраннаго нами выше Самуэли. Советуемъ г. Фришману, обладающему, какъ видно изъ его работъ, довольно бойкимъ перомъ, продолжать въ этомъ же родѣ, но выбирать болѣе характерныя бытовые темы. За недостатокъ въ повѣстяхъ, однако, «Сборникъ» вознаграждаетъ насъ обиліемъ стихотвореній, между которыми обращаютъ на себя особенное вниманіе нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній Л. О. Гордона. Весьма оригинальны также нравственныя и житейскія сентенціи *Б. Мендельштамма*, написанныя хорошимъ библейскимъ языкомъ и по формѣ напоминающія Соломоновы «Изреченія» и книгу Вень-Страха.

Мы, кажется, дали обстоятельный отчетъ обо всемъ выдающемся въ «Сборникѣ» г. Соколова, и это избавляетъ насъ отъ необходимости коснуться второстепенныхъ вещей, въ немъ помѣщенныхъ. Резюмируя все сказанное, мы можемъ сказать, что «Сборникъ» въ общемъ производитъ благопріятное впечатлѣніе, и остается желать ему только успѣха въ публикѣ. Этому успѣху будетъ, вѣроятно, содѣйствовать и редакторъ «Сборника»

стремленіемъ все болѣе улучшать содержаніе своего изданія и давать своимъ читателямъ здоровую и нужную для нихъ духовную пищу. Обратимъ, вкстати, вниманіе г. Соколова и на необходимость улучшить внѣшній порядокъ въ «Сборникѣ» или, точнѣе, порядокъ распредѣленія въ немъ матеріала. Порядокъ, котораго онъ держался до сихъ поръ, это — полный беспорядокъ, крайне затрудняющій возможность ориентироваться въ книгѣ. Отъ него просто рябитъ въ глазахъ: рядомъ съ большою публицистическою статьею ютится крохотная, въ полъ-страничку, экзегетическая замѣтка; рецензентъ-зоилъ съумѣлъ мирно утвердиться между двумя невинными экзегетами, а археологическая замѣтка пріютилась рядомъ съ корреспонденціею изъ Америки. Редакторъ могъ бы устранить этотъ беспорядокъ, распредѣливъ матеріалъ по отдѣламъ, по образцу однородныхъ европейскихъ изданій; мелкія же замѣтки онъ бы могъ выдѣлать въ особую группу, а всѣ практическія свѣдѣнія могъ бы отнести къ концу, въ прилагаемый къ «Сборнику» календарь.

Критикусь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Басни Крылова, переводъ *М. Зингера*. Варшава, 1885.

Крылову въ еврейской литературѣ не особенно почастливилось. Считая и лежащую передъ нами книжку, мы имѣемъ два полныхъ перевода басень этого несравненнаго баснописца; но оба перевода оставляютъ много желать. Несравненно выше ихъ, конечно, переводы нѣкоторыхъ басень Крылова, сдѣланные Л. О. Гордономъ и помѣщенные въ его *מגילת חכמה*; но г. Гордонъ большей частью переводитъ не Крылова, а Лафонтена; нѣстами пользуется также древними источниками. Что же до двухъ полныхъ переводовъ, о которыхъ мы говоримъ, то первый изъ нихъ появился много лѣтъ назадъ и принадлежитъ перу г. М. Рейхерсона, человѣка отлично знакомаго со всѣми тонкостями грамматической казуистики, созданной многосложными системами старыхъ грамматиковъ, но не особенно ловко владѣющаго стихомъ; второй, составляющій предметъ нашей рецензіи, вышелъ въ текущемъ году и принадлежитъ г. Зингеру, человѣку изъ Таращи, до сихъ поръ ничѣмъ не заявившему о себѣ, или, какъ выражается въ своемъ отзывѣ содержатель типографіи, въ которой книга напечатана, «спрятавшемуся за ширмы». Читатели наши безъ сомнѣнія удивляются, что содержатель типографіи пишетъ отзывы о печатаемой у него книгѣ, да еще въ самой книгѣ. Но въ нашей народной письменности подчасъ проскакиваютъ еще такія чудеса, какія были вполне умѣстны лѣтъ триста тому назадъ. Очевидно, г. Зингеръ нѣсколько робкаго десятка и убоился показаться предъ читателями совершенно одинъ и съ пустыми руками, безъ всякой аттестаціи, и вотъ онъ упротилъ своего типографа г. Гольдманна засвидѣтельствовать предъ читателями его, г. Зингера, полнѣйшую благонадежность. Сперва онъ самъ на двухъ отдѣльныхъ страницахъ благословляетъ двухъ своихъ благодѣтелей, а затѣмъ г. Гольдманнъ оповѣщаетъ міру, что онъ «при помощи своей богатой опытности, имѣлъ бдительное

око надъ переводомъ, чтобы пополнить въ немъ всякіе пробѣлы и сдѣлать надлежащія пунктуаціи, согласно правиламъ еврейской грамматики (!)». Конечно, ничего предосудительнаго нѣтъ въ томъ, что авторъ благословляетъ своихъ благодѣтелей и типографъ рекомендуется публикѣ въ качествѣ исправителя авторскихъ трудовъ, хотя такое прогуливаніе въ расплаутомъ халатѣ предъ почтеннѣйшей публикой гораздо ужѣстнѣе на немощныхъ улицахъ Таращи, чѣмъ въ печатной книгѣ. Но если уже приглашать своихъ читателей молиться за благословленіе такого-то благодѣтеля потомствомъ, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это не въ такой безграмотной фразѣ, какъ *למ קורא אשר ישב ערב ערב ליה בענייהם יברכו גם את שמהם*. А то такое аляповатое предложеніе на первой страницѣ, пожалуй, отобьетъ охоту не только благословлять автора и его благодѣтелей, но и продолжать чтеніе самой книги. А г. Гольдманнъ, коли уже такъ расхваливаетъ свой талантъ вышколенія авторовъ и просмотра ихъ тетрадокъ, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, стараться о томъ, чтобы рекомендуемая имъ книжка не изобиловала всякими курьезами и невозможными грамматическими ошибками. А то переводъ г. Зингера скорѣе похожъ на юношескія упражненія, чѣмъ на серьезную литературную работу. Въ своемъ введеніи, гдѣ онъ излагаетъ нѣкоторыя біографическія черты безсмертнаго баснописца, нашъ переводчикъ объявляетъ, что «весьма замѣчательна была судьба Крылова и удѣлъ его жизни». Признаться, эта фраза поставила было насъ въ тупикъ: насколько извѣстно, добродушный Иванъ Андреевичъ въ походахъ не участвовалъ, среди папуасовъ и зулусовъ не живалъ, претендентомъ на испанскій престолъ также не являлся и жизнь его вообще никакими особенными романтическими приключеніями не отличалась; чѣмъ же его судьба была столь замѣчательна? Однако, переводчикъ вслѣдъ затѣмъ самъ уясняетъ свою мысль: Крыловъ, видите-ли, провелъ весьма спокойную, чуждую всякихъ страстей и волненій жизнь! Ну, если это, по мнѣнію г. Зингера называется весьма замѣчательной судьбой, то такая же замѣчательная судьба, по всей вѣроятности, ожидаетъ и его книгу, которая также вѣроятно будетъ покойно лежать въ складахъ ея исправителя и покровителя, г. Гольдманна, не тревожимая надоедливими читателями.

За введеніемъ слѣдуетъ большое стихотвореніе переводчика въ 53 строфы, которое, какъ водится, начинается съ сотворенія міра и кончается переводомъ г. Зингера. Въ серединѣ, однако, нѣкоторыя событія пропущены; такъ наприимѣръ: паденіе западной римской имперіи, рожденіе

Карла Великаго и г. Зингера. Зачѣмъ понадобилось г. Зингеру это стихотвореніе, въ которомъ встрѣчаются, наприимѣръ, такіа строки:

וְזֶה יוֹשֵׁר כִּי בֵר אִמְרָת מְלִיךָ

чему оно должно насъ поучать—это секретъ г. Зингера.

Но перейдемъ, однако, къ самимъ баснямъ.

Въ первой же баснѣ мы встрѣчаемся съ замѣчательной... наивностью переводчика и грубымъ непониманіемъ оригинала. Слова Крылова:

И въ сердцѣ льстець всегда отыщеть уголокъ

г. Зингеръ переводить:

וּבְלֵב הַחֲנִיף הַחֲנִיף נִשְׁמָרָה.

т. е. въ сердцѣ *льстеца* лесь сохраняется!! Тамъ же встрѣчается бессмысленное выраженіе: בְּלֵב הַחֲנִיף т. е. молчалъ (или затѣвалъ) въ своемъ сердцѣ, и это переводъ словъ: «да призадумалась»! Тамъ же невозможный на еврейскомъ языкѣ оборотъ: וּמִחֲבִיבֵי הַחֲנִיף или מִמְרַבְעֵי רְנָלִים. Во второй баснѣ слово «сиротливо» г. Зингеръ переводить: כִּתְלוֹם הַחֲנִיף מִן מִשְׁרָחִים т. е., какъ сирота, только что отнятый отъ груди. Въ 8 баснѣ поражаетъ насъ такое дикое выраженіе, какъ בְּלֵבִי טָוֵן טָוֵן מִזְרָקִים. Слово «мѣшокъ» онъ переводить: מִמְרָחִים вѣсто רֶשֶׁת. Въ баснѣ «Муха и Пчела» слова Крылова: «Жалуя полъ нѣжный» г. Зингеръ перевелъ въ смыслѣ «жалія хорошія паркетный полъ»!! Вообще, нашъ переводчикъ необыкновенно щедрый поставщикъ всякаго рода удивительнѣйшихъ курьезовъ. Грамматика у него невозможная. Основные формы еврейскаго языка коверкаются на каждомъ шагу безъ зазрѣнія совѣсти. Непониманіе оригинала подчасъ поразительное. Просто обидно становится видѣть, что сдѣлалъ г. Зингеръ изъ тонкаго, добродушнаго но, тѣмъ не менѣе, весьма мѣткаго сарказма Крылова. Самыя тонкія мѣста оригинала у нашего переводчика превращаются въ нѣчто безвкусное, безформенное, плоскоое, топорное. Лишенный всякаго литературнаго образованія, г. Зингеръ обнаруживаетъ полное отсутствіе всякаго такта, полнѣйшее непониманіе колорита, нюансовъ, переходовъ. И за всѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобы г. Зингеръ отличался полнѣйшей и безотвѣтнѣйшей бездарностью; напротивъ, у него вдругъ иногда появится какая нибудь искра, которая, однако, сейчасъ же и потухнетъ подъ балластомъ безвкусицы и самой топорной аляповатости. Преобладающая черта въ произведеніи г. Зингера—совершенное отсутствіе даже элементарнаго литературнаго развитія, и конечно, что человѣкъ съ такимъ литературнымъ багажемъ не долженъ былъ взяться за такую серьезную задачу, какъ переводъ всѣхъ басенъ Крылова на еврейскій языкъ.

Въ заключеніе мы опять-таки спросимъ, чего смотрѣлъ г. Гольдманнъ, что онъ тамъ исправлялъ въ переводѣ г. Зингера и для чего ему нужна была эта хлестаковская реклама, что онъ «всѣмъ имъ стихи поправляетъ», когда читатель изъ первыхъ строкъ исправленнаго можетъ составить себѣ весьма опредѣленное понятіе о качествѣ этой исправительной работы?

К.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА. (Несвижская быль XVIII столѣтія). (Окончаніе). Л. О. Левады.	3
II. ПОЭТЪ И КУПЕЦЪ. Романъ <i>Бертольда Ауэрбаха</i> . Гл. XXV—XXVII. (Окончаніе). Переводъ Петра Вейнберга.	20
III. РЕЛИГИОЗНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРѢ. М. Мстиславскаго.	43
IV. ПРОРОКИ. Историко-литературный этюдъ <i>Эдуарда Рейсса</i> . Бель-Ами.	64
V. ПѢСНИ ДНЯ. Моя молитва. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича	84
VI. НА ПУТИ. Романъ. (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго	86
VII. ОСЕНЬЮ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	119
VIII. ТЕОЛОГИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ СПИНОЗЫ. А. Волинскаго.	122

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

IX. КОНФЕРЕНЦІЯ ГАСТОНА ПАРИ ВЪ «ОБЩЕСТВѢ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАУКИ ІУДЕЙСТВА» ВЪ ПАРИЖѢ.	1
X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: I. ЕВРЕЙСКО-ГАЛИЦІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ Н. САМУЭЛИ. (<i>Nathan Samuely. Cultur-Bilder aus dem jüdischen Leben in Galizien, Leipzig, 1885</i>). II. ЕЖЕГОДНИКЪ г. СОКОЛОВА. « <i>Гаасифъ</i> ». Еврейскій историко-литературный и промышленный сборникъ, издаваемый Н. Соколовымъ. Годы первый и второй. Два тома. Варшава, 1884—1885. Критикуса.	26
XI. БИБЛИОГРАФІЯ. Басни Крылова, переводъ. М. Зимера. Варшава 1885 г.	44

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
563 9084
JUL 25 1984
JUN 7 77 A

WILMINGTON
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 26 1984
6368026

